
Профессор
Б. Г. АНАНЬЕВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ПСИХОЛОГИИ
XVIII и XIX
ВЕКОВ

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1947

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Профессор
Б. Г. АНАНЬЕВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ПСИХОЛОГИИ
XVIII и XIX
ВЕКОВ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1947

ОТ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В нашей литературе нет ни одной книги по истории психологии, ни русской, ни зарубежной. Потребность же в таких книгах большая. Особенно возросла она в последнее время в связи с повышением интереса к вопросам научной психологии в широких кругах советской общественности.

Перед советскими психологами стоит задача — разработать историю психологии на основе марксистско-ленинской методологии. В особенности актуальна задача разработки истории русской психологии, которая постоянно недооценивалась, а сплошь и рядом и намеренно игнорировалась в книгах зарубежных историков психологии. Для разрешения этих задач необходима углублённая исследовательская работа.

Публикуемая книга профессора Б. Г. Ананьева является первой попыткой научной разработки некоторых вопросов истории русской психологии. Она даёт общий, краткий и неизбежно ещё очень беглый очерк важнейших направлений психологии в России XVIII и XIX вв.

Автор настоящей книги выдвинул и обосновал ряд положений, верных и существенных для понимания путей развития психологии в России. Ему удалось показать оригинальность русской научно-психологической мысли и тот крупнейший вклад, который она внесла в сокровищницу мировой психологической науки. С достаточным основанием автор указывает на наличие связи передовой психологии в России с русской материалистической философией. Правильно отмечено особенно большое значение научной деятельности И. М. Сеченова для возникновения экспериментальной психологии в России. Ценно также освещение автором творчества ряда русских психологов конца XVIII и первой половины XIX в. (Михайлов, Любовский, Галлич и др.), работы которых до последнего времени не были известны даже специалистам-психологам.

Мысли, высказываемые автором по многим отдельным вопросам, и оценки, даваемые им ряду психологов, нельзя, однако, ещё считать твёрдо установленными, бесспорными. Дальнейшее развёртывание исследовательской работы по всестороннему и глубокому изучению истории русской психологии внесёт в них целый ряд уточнений, дополнений и поправок.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История русской научной психологии представляет особый интерес. В ней раскрываются некоторые общие закономерности становления передовой русской науки, связанной своими методологическими основами с развитием русского философского материализма и блестящим расцветом русского естествознания.

Между тем до самого последнего времени эта важная страница из истории русской науки была недостаточно известна не только широким кругам советской интеллигенции, но и специалистам-психологам. Отсутствие литературы по этому вопросу не позволяло преодолеть существовавшие ранее (а за рубежом существующие и сейчас) ложные концепции истории научной психологии.

Без более глубокого проникновения в историю русской психологии трудно раскрыть многие специальные стороны развития русской классической материалистической философии и естествознания, особенно физиологии нервной деятельности.

Вот почему мы решили предложить вниманию читателя эту книгу. Мы полагаем, что эта работа принесёт известную пользу, так как до настоящего времени нет систематических трудов по истории русской психологии, так же, как нет их и по истории русской неврологии, психиатрии, антропологии, с развитием которых связаны исторические судьбы русской научной психологии. Лишь тот отрадный факт, что за последние

годы значительно продвинулось вперёд изучение истории русской материалистической философии, позволил нам в предлагаемой книге подвести некоторые итоги нашей работы.

Мы опирались при этом на закономерности и факты развития отечественной философии, изложенные в первой советской книге по этому важнейшему вопросу — в «Очерках по истории русского материализма XVIII и XIX вв.» профессоров Васецкого и Иовчука (1942 г.).

Научное творчество русского народа в области психологии представляет тем больший интерес, что оно тесно связано с общими историческими судьбами развития русской науки и культуры.

Материалистические традиции передовой русской психологии получают на основе марксистско-ленинской науки своё дальнейшее развитие в современных советских психологических исследованиях.

Рассматривая свою работу лишь как одну из первых попыток в этой области, я буду благодарен читателям за замечания о настоящей работе.

Проф. Б. АНАНЬЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Мировые завоевания русской науки, составляющие национальную гордость русского народа, а вместе с ним и всех народов Советского Союза, обнаружили всю огромную мощь русского ума и исторически сложившийся гуманистический, демократический и патриотический характер передовой русской науки.

Формирование и развитие русской научной психологии — одна из ярких страниц в общей истории нашей отечественной науки.

Самым возникновением своим и национальными особенностями своего развития русская научная психология во многом обязана русскому философскому материализму. Но и успехи научной психологии в свою очередь имели огромное значение для укрепления материалистической теории познания и материалистического понимания природы человеческого сознания.

Ещё в 1894 г., выступая против субъективной социологии, Ленин писал, что материализм доводит анализ до происхождения самих общественных идей, «и его вывод о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией»¹. Через много лет, говоря о науках, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика»², Ленин включает в их число и психологию.

В свете этих ленинских идей становится ясным особый интерес русских философов-материалистов к

---

¹ Ленин, Сочинения, т. 1, изд. 4-е, стр. 122.

² Ленин, Философские тетради, 1938, стр. 321.

вопросам психологии. Философские концепции Ломоносова, Радищева, Герцена, Белинского, Чернышевского нельзя полностью раскрыть без анализа их психологических воззрений, составляющих часть их гносеологических и этических теорий. Своеобразие русского естественно-научного материализма, особенно в трудах Сеченова, ярко проявляется в решении психофизической проблемы и вопроса о психогенезе. Русский материализм, таким образом, готовил теоретическую почву для развития научной психологии в России.

Психология многим обязана также участию всей передовой русской науки в решении основных психологических проблем. Не только великий корифей русской физиологии, непосредственно разрабатывавший психофизиологические проблемы, И. П. Павлов, не только невропатолог и психиатр Бехтерев и анатом Лесгафт, но и биологи Тимирязев и Северцев, химик и физик Менделеев, лингвист Потебня, педагог Ушинский в той или иной степени принимали участие в борьбе за научное понимание психологии. Великие традиции всей передовой русской науки — материалистические, демократические и гуманистические — определили пути и успехи русской научной психологии.

Между тем эти традиции и эта оригинальность русской психологии недостаточно известны. Ещё до сих пор встречается предвзятое, ложное мнение, будто русская психология возникла лишь в самые последние десятилетия XIX в., будто она занимает одно из последних мест в общем развитии мировой психологии. Это мнение является пережитком реакционной историографии русской психологии, отрицавшей самобытный характер русской научной психологии и её роль в развитии мировой науки. Некоторые из представителей этой историографии сознательно вычёркивали все оригинальные передовые направления русской психологии, органически связанные с нашей передовой материалистической философией (такую тенденциозность обнаруживали, например, Владиславлев, Вержболович, Радлов).

Вопрос о том, внесла ли русская психология оригинальный вклад в мировую науку, — вопрос далеко не новый и имеет более чем вековую давность.

Ещё в 20-х годах прошлого столетия известный философ-идеалист В. Одоевский утверждал, что русскую фи-

лософию и психологию нужно создавать заново. Все прогрессивные воззрения, имевшиеся в русской философии до XVIII в. и особенно в XVIII в., игнорировались В. Одоевским потому, что они носили материалистический и атеистический характер¹. Основой русской философской и психологической мысли могла быть, по Одоевскому, лишь мистическая натурфилософия, от которой якобы зависят судьбы «истинно русской» мысли.

В 80-х годах профессор Владиславлев заявлял, что у русской психологии нет собственного прошлого, ибо все русские психологические сочинения представляют «компиляции» и достойны забвения. В 90-х годах профессор Введенский в напумевшей речи «О судьбах русской философии», отрицая оригинальность русской философии в прошлом, утверждал, что миссия русской философии заключается в окончательном утверждении кантианства (!).

Особенно характерна историографическая работа Вержболовича (1895 г.), который, дав наиболее полный по объёму обзор главных направлений русской идеалистической психологии, утверждал вместе с тем, что все эти направления не оригинальны, а являются своего рода «научным синкретизмом».

Иначе обстояло дело в прогрессивной русской психологии, с самого начала обратившей критическое оружие против немецкой психологии, которая, по определению Галича, «есть самая бездушная литература именно о душе». Галич первым пытался создать общий свод знаний, добытых русскими психологами XVIII и первой трети XIX в., и показать значение для психологии философско-психологических успехов в России.

В 90-х годах XIX в. профессор Чиж, один из основателей экспериментальной психологии в России, с горечью писал, что многие русские университетские философы-идеалисты, раздувающие малейший успех германской экспериментальной психологии, «не знают и не хотят знать, что делается у нас в отечестве».

---

¹ Эта линия идеалистической фальсификации истории русской философии XVIII столетия нашла своего последнего представителя в лице Густава Шпета, писавшего уже в 1922 г., что «восемнадцатый век не оставил новому ни философского наследства, ни даже философского завета» («Очерк развития русской философии», Москва, 1922, стр. 83).

Известный психиатр профессор Корсаков, развивая ту же мысль, указывал, что работы русских экспериментально-психологических лабораторий, например лабораторий Бехтерева, более известны на Западе, нежели в самой России. Можно было бы продолжить перечень подобных примеров, но и приведённых достаточно, чтобы получить представление о выступлениях передовых русских учёных в защиту русской психологии и её традиций.

Защита этих традиций была одновременно борьбой против ложной историографической схемы развития психологии, согласно которой действительный расцвет научной психологии приписывался целиком заслугам немецких философов и психологов. Без коренного пересмотра этой ложной историографической схемы, без разоблачения немецкой фальсификации истории западно-европейской психологии невозможно восстановить и действительное значение русской психологии для мировой науки.

Задача создания критической истории психологии научно разрешается в настоящее время советскими психологами.

Вполне понять оригинальность русской психологии можно, лишь тщательно изучив внутренние связи её с русским философским материализмом, которым она действительно была порождена.

Огромная роль материализма в развитии русской психологической науки особенно ярко обнаруживается в развитии нервной физиологии как основы психологии. Путь от Сеченова к Павлову представляет всё возрастающее проникновение человеческого ума в самый сложный механизм жизни. В результате русская физиология нервной деятельности завоевала мировую славу. Великий русский учёный Павлов был признан физиологами всех стран «старейшиной мировой физиологии». Эти успехи русской физиологии непосредственно влияли на развитие психологической науки, на её идеи и методы исследования.

По своему предмету и положению в системе наук психология была тем идейным плацдармом, на котором непосредственно соприкасались философия с естествознанием, медицина с педагогикой, эволюционная теория с историей и филологией. В успешном развитии русской

психологии сыграли определённую роль и замечательная педагогическая система Ушинского и его продолжателей, и русская филология в трудах Потебни, Шахматова, Срезневского и др., и смелое новаторство Марра в истории языка и мышления. В борьбе за научный метод психологии принимали участие многие выдающиеся учёные нашей родины независимо от области, в которой они работали. Формированию научной психологии содействовали Сеченов и Павлов, Бехтерев и Корсаков, Ушинский и Пирогов, Менделеев и Северцев и др.

Это недостаточно ещё оценённое общее участие русской *передовой* науки в формировании психологических взглядов показывает, что борьба научной психологии с мистико-идеалистическими теориями «бессмертия души» имела широкое общественное значение, далеко выходящее за пределы специальной науки.

Борьба за научное понимание психологии была в дореволюционной России существенным моментом борьбы с господством в официальной науке идеализма и с подчинением психологически-философских проблем теологии. Иначе говоря, участие русских передовых учёных в решении вопроса о путях психологии было формой борьбы за демократию и гуманизм, за освобождение русского народа от многовековых предрассудков и суеверия.

Что именно этими мотивами руководились русские учёные самых различных специальностей, показывает, например, позиция великого химика Менделеева, подвергнувшего жесточайшей критике спиритизм и вместе с ним вообще суеверия, относящиеся к «психической деятельности людей» (см. ниже, гл. V). По его убеждению, «в русской науке пришёл черёд деятельности психической», на изучении которой объединяются психология, нервная физиология и физика. Нетрудно увидеть связь между сеченовским материалистическим пониманием психической деятельности и этим выступлением Менделеева.

Не менее очевидна связь между сеченовским пониманием психологии и миропониманием Чернышевского. Можно считать установленным, что новаторство Сеченова в физиологии и психологии связано с общими идеями классического русского материализма. Научные искания Менделеева, Мечникова, Тимирязева тоже связаны с передовой русской общественной мыслью,

выражавшей интересы демократии в борьбе с царизмом. Не случайно Тимирязев назвал одну из своих наиболее блестящих книг «Наука и демократия».

Внутренняя связь передовой науки и философского материализма создавала в русской науке демократические и материалистические традиции.

Материалистическая традиция в русской философии, связанная с именами Ломоносова, Радищева, Белинского, Герцена, Чернышевского, сыграла огромную роль в триумфальном шествии научного знания. Эта традиция явилась одним из источников ленинизма как высшего достижения русской и мировой культуры. На постановку же в России психофизической проблемы и борьбу за психофизический монизм материалистическая традиция оказала решающее влияние.

Чернышевский ранее других оценил огромное теоретическое значение научного развития психологии. Он указывал, что психология всё больше «выходит из прежней своей научной нищеты» и что, хотя «психология, как точная наука», моложе естественных наук, тем не менее добытые ею знания не отличаются от естественно-научных ни по достоверности, ни по методу. Развивая теорию психофизического монизма, Чернышевский признавал особенно важным для философии развитие научной психологии и утверждение в ней принципа *причинности*. Разрешение психологических проблем в истинно научном, т. е. материалистическом, духе он считал важнейшей задачей.

Философско-материалистические основы русской научной психологии определили её действительное своеобразие и её место в общей истории психологии.

Нельзя серьёзно ставить вопрос об особенностях развития русской психологии и её мировом значении, не выяснив, какие из основных идей современной науки были предвосхищены в прошлом русскими исследователями и мыслителями и какие прямые влияния оказала русская психология на западноевропейскую и американскую.

К идеям и принципам, предвосхищенным передовыми направлениями русской психологии, прежде всего относятся идеи причинной зависимости в области психической деятельности и идеи единства между объективным и субъективным в психических процессах. На Западе передовые психологи, не удовлетворённые идеалистиче-

ским субстанциональным пониманием психики, не могли всё же выйти за пределы дуализма, в частности за пределы теории психофизического параллелизма. Русская же материалистическая психология конкретно обосновала принцип психофизического монизма и в отличие от вульгарного немецкого «дешёвого» материализма Фохта, Бюхнера, Молешотта действительно объяснила материальную обусловленность психических процессов. У Радищева, Белинского, Герцена, а особенно у Чернышевского причинная обусловленность психических процессов всё более становится определяющей идеей. Эта идея привела к важнейшему в русской физиологии и психологии учению о материальном субстрате психических процессов. Мысль Декарта о рефлекторном характере нервного акта стала научной теорией в учении Сеченова о рефлексах головного мозга и особенно в учении Павлова о высшей нервной деятельности как деятельности условно-рефлекторной.

С учением о причинности и материальном субстрате психических процессов связана имевшая значение для всей мировой науки борьба за объективные пути в познании субъективной жизни. У Радищева объективное познание психики превращается в исследование её органической основы (жизнедеятельности) и вопроса о том, как сознание формируется в языке. Галич делает одну из первых попыток объективно подойти к пониманию жизни народа, формирующей сознание отдельного человека. Герцен, Белинский, Чернышевский анализируют не только физиологические основы психики, но и развитие её в общественной жизни.

Сеченова нередко упрекали в односторонне-физиологическом понимании объективного метода. На деле же и он, в полном согласии с русскими философами-материалистами, допускал возможность познавать субъективную жизнь, подвергая анализу продукты общественной деятельности, особенно языка.

В первоклассных экспериментально-психологических исследованиях русского психолога Николая Ланге психофизиологические механизмы анализируются в единстве с общественно-историческим содержанием психических процессов (восприятия, внимания).

Единство естественно-научного и исторического подходов к познанию психики — таков руководящий принцип

объективного метода в передовой русской психологии. Значение этого принципа особенно велико в сопоставлении с провозглашённым немецкими учёными противопоставлением «двух психологий»: естественно-научной (объяснительной) и исторической («описательной»).

К принципам, предвосхищавшим последующее развитие мировой психологии, следует отнести и мотивационно-динамический подход к изучению психики. Как известно, в западной психологии в последние десятилетия выдвигается на первый план учение о мотивах поведения (потребностях, влечениях и т. д.). Идея эта была давно уже выдвинута в русской психологии.

Ещё в 1815 г. Любовский, намечая общие принципы «опытного душесловия», исходил из того, что движущими силами «познающей» деятельности (ощущений, мыслей, памяти и т. д.) являются влечения — от элементарно-органических до высших нравственных; при этом определяющая роль принадлежит любви к родине. Именно за эту идею мотивационной динамики и ценил Любовского Галич, который представлял себе внутреннюю причинность как сложное взаимодействие различных мотивов с самой деятельностью и познанием действительности. Наконец, это мотивационно-динамическое направление достигает блестящих успехов в материалистическом учении Чернышевского о потребностях.

Психологическое учение о мотивах деятельности естественно выдвигало и вопрос о конституирующей роли самой деятельности. Принцип единства сознания и деятельности исторически восходит в русской психологии и философии к Герцену, критиковавшему Гегеля за непонимание практической стороны духа — «деяния». В том же направлении развивается и общая психологическая концепция Чернышевского. Именно поэтому проблемы движения, действий, поступков приобретают общетеоретическое значение, становясь важнейшим плацдармом при решении вопроса об объективном методе психологии у Сеченова, Бехтерева, Токарского и др.

Из этого весьма краткого обзора уже ясно «антифункционалистское» направление русской психологии, боровшейся, конечно, не против реальных психических функций, а против «психических фикций», по меткому выражению Сеченова. Русская передовая наука изучала

психологию живой, деятельной реальной личности, а не абстрактные духовные способности. Именно в этом и состоит преодоление абстрактного функционализма, которое восходит к психологическим воззрениям, имевшимся в России ещё в первой половине XIX столетия.

Нужно отметить особую актуальность, которую приобрёл в русской психологии принцип единства индивидуального и национального сознания. Благодаря ему вопрос о ведущей роли языка в формировании индивидуального сознания становится традиционным в русской науке. Для Ломоносова вопрос о языке был проблемой о строении не только мышления, но и страстей. Радищев видел в развитии письменности основное условие «бессмертия человека», т. е. сохранения его мыслей в народной жизни. Общеизвестен взгляд Белинского на патриотизм, а также на роль, какую язык и литература играют в духовном развитии личности.

Мысль о ведущей роли языка в формировании индивидуального сознания находит наиболее полное выражение в психологической системе Ушинского. Высказанная впервые Радищевым, эта идея стала центральной в системе Ушинского. Нельзя понять связь между психологической, педагогической и методической концепциями Ушинского, не уяснив его взглядов на ведущую роль языка (форма национального сознания) в формировании детской психики.

Наконец, следует указать на характерное для русской психологии внимание к принципу развития. Ещё в XVIII столетии Радищев выдвинул положение, что душа ребёнка вовсе не дана в готовом виде, с момента зачатия или рождения, а образуется с развитием самого организма. Критика преформистского утверждения «о предсуществовании души до рождения» привела Радищева к гениальной догадке об эмбриогенезе психики в виде чувствительности особого рода, т. е. недифференцированной общей чувствительности.

Выдвижение на первый план онтогенетической проблемы особенно характерно для Сеченова, сделавшего тонкие психологические наблюдения над развитием ребёнка, и для Ушинского, внесшего ценнейший вклад в учение об онтогенезе психики своей психолого-педагогической концепцией. Вместе с разработкой онтогенетической проблемы в русской науке складывались

оригинальные направления филогенетического исследования: сравнительно-психологическая концепция Владимира Вагнера и учение Северцева об эволюции психики.

Русская психологическая мысль не только предвосхищала многие важнейшие положения новой психологии, но и оказывала прямое влияние на мировую науку. Это влияние прежде всего сказалось в огромном международном резонансе, который приобрели поиски русскими учёными объективных методов психологии. В этом отношении наибольшей известностью пользуются на Западе труды Павлова и Бехтерева, включённые во все капитальные справочники по психологии. Учения Павлова и Бехтерева послужили в частности одним из источников американской психологической школы — бихевиоризма.

Влияние русской науки на объективно-психологические направления Запада общепризнано. Не менее велико, однако, прямое влияние русской науки на формирование в немецкой психологии идеи о процессуальности и предметной целостности восприятия. «Структурализм» в теории восприятия приписывается по почину немцев новейшей (дофашистской) немецкой психологии (берлинская и лейпцигская школы). Между тем экспериментальное доказательство того, что восприятие обладает качественным своеобразием — предметностью и целостностью образа, — а потому несводимо к ощущениям, принадлежит русскому психологу Николаю Ланге. Ещё в 90-х годах он опубликовал не только в России, но и за границей свои исследования о «законе перцепции». Вокруг его работ разгорелась дискуссия по вопросу о законах восприятия, отражённая в частности Вундтом¹.

Так же обстояло дело и с рядом других важнейших проблем психологии. Теория эмоции Ник. Грота, так называемая теория «психического оборота», была опубликована во Франции и, можно думать, должна была оказать известное влияние на выдающегося французского психолога Рибо. Аналогичное влияние оказал Бехтерев на французского психолога Рише. Проблема

¹ Характерно, однако, что ни один из структуралистов не ссылался на работы Ланге, несмотря на явные заимствования основных его идей, кстати сказать, идеалистически извращённых в немецкой «целостной» психологии.

умственного утомления впервые в мировой науке была экспериментально разработана в России профессором Сикорским, труды которого вызвали ряд подражаний. Таково же, по признанию известного американского характеролога Робека, влияние Лазурского на зарубежную характерологию. Целый ряд русских исследований об ощущении, восприятии, памяти, мышлении и речи, характере, темпераменте и т. д. занимает видное место в обзорных трудах и специальных монографиях.

Таким образом, передовая русская психология, с одной стороны, критически усвоила лучшие достижения западноевропейской науки, а с другой — оказала прямое влияние на её последующее развитие.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

(СРАВНИТЕЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Исторически сложившееся своеобразие русской научной психологии может быть понято лишь на основе усвоения истории русского народа и его культуры. Это столь очевидное положение упорно игнорировалось буржуазными историками русской психологии, рассматривавшими тот или иной факт развития русской психологической науки вне связи с исторической действительностью России.

Такие историки русской научной психологии, как Владиславлев, Вержболович, Радлов, Шпет, представляли основные факты и направления в русской психологии лишь как отражения основных линий развития психологии на Западе, игнорируя национальные черты и традиции русской науки. Лишь советскими исследователями, исходящими из марксистско-ленинской методологии, устанавливается преемственная связь различных направлений в истории русской научной психологии.

Чтобы понять то новое и своеобразное, что характеризует русскую научную психологию и её вклад в мировую науку, необходимо иметь в виду, что связь русской научной психологии с направлениями и событиями западноевропейской и американской психологии выражалась не в механическом перенесении и заимствовании, а в критической переработке материала, накопленного мировой психологией.

XVIII и XIX вв. в истории западноевропейской психологии характеризуются возникновением новых научных концепций, методологическими источниками которых были принципы и идеи великих философов XVII в., особенно Декарта. С. Л. Рубинштейн правильно отметил,

что философской основой западноевропейской психологии XIX в. является концепция сознания Декарта, развитая и переработанная Локком (для интроспективных направлений), и его же концепция рефлекса (для объективистских направлений)¹. В самых разнообразных течениях и исследованиях западноевропейской психологии прошлого столетия возможно проследить то или иное превращение этих концепций Декарта.

Ещё в 60-х годах XIX в. М. Троицкий констатировал «измельчание» концепции сознания «на немецкой почве». Он отметил, что немецкие историографы фальсифицируют основные пути развития психологии, указывая, будто это развитие целиком обусловлено «успехами» германского идеализма.

Психология как наука формируется в XIX в. Это формирование было тесно связано с новейшими успехами естествознания, особенно физиологии нервной системы. Оставаясь по характеру своих философских принципов на почве концепций сознания XVII—XVIII вв., психология на Западе в XIX в. становится областью конкретного знания о психических процессах, областью применения научных методов исследования. В этом веке возникает экспериментальная психология, т. е. система экспериментального изучения психологических фактов. Поэтому в истории психологии как на Западе, так и в России XIX веку принадлежит важнейшая роль в оформлении психологии как науки.

Однако если на Западе научная психология XIX в. жила в философском отношении главным образом идеями великих мыслителей XVII и XVIII вв., то в России процесс формирования научной психологии был тесно связан с развитием русского философского материализма XIX в. В нашем исследовании сделана попытка показать это качественное своеобразие философских основ русской научной психологии, показать действительно передовой характер её принципов и концепций.

Американские историки психологии Флюгель² и Боринг³ хорошо показали органическую зависимость

¹ См. С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, 1946, стр. 49 и сл.

² *Flügel*, A hundred years of psychology 1833—1933, 1935.

³ *Boring*, A history of experimental psychology 1939.

развития научной психологии от важнейших открытий в естествознании. Однако, ограничиваясь лишь западно-европейской и американской экспериментальной психологией, они сосредоточили своё внимание преимущественно на 50—60-х годах XIX в. Для нашей задачи необходимо проследить развитие психологии в течение всего XIX в.

Первое десятилетие XIX в. отмечается тремя важными открытиями, лежащими вне психологии в собственном смысле, но повлиявшими в известной мере на её развитие: теория цветного зрения Юнга (1807), «Физиология мозга» Галля (1808) и учение о цветах Гёте (1810).

Второе десятилетие характеризуется открытием Ч. Беллем различия чувствительных и двигательных нервов (1811), работой Мен-де-Бирана об основаниях психологии (1812), опубликованием Гербартом первой в XIX в. (на Западе) «Учебной книги по психологии» (1816), лекциями Т. Броуна по «философии человеческого сознания» (1820).

Третье десятилетие ещё богаче вкладами в психологию: 1823 год отмечается первыми публикациями Бесселя об индивидуальных отклонениях в восприятии, 1824 год — знаменитыми опытами Флуранса по физиологии мозга, 1829 год — работами Вебера по изучению мускульного чувства и трудом Джемса Милля «Анализ явлений человеческого сознания».

Четвёртое десятилетие характеризуется дальнейшим ростом работ по физиологии органов чувств и по психологии. В 1832 г. Маршалл открывает механизм рефлекторного акта, и в этом же году публикуется руководство по психологии Бенеке. Ещё большее значение для развития психофизиологии имеют работы И. Мюллера над руководством по физиологии. В 1834 г. публикуются исследования Вебера по тактильной чувствительности, а в 1838 г. — известные опыты Эллиотсона по исследованию гипноза.

Пятое десятилетие отмечается лишь одной существенной датой — изданием в 1846 г. дальнейших работ Вебера по физиологии органов чувств.

Обозревая первую половину XIX в., можно сделать три вывода:

1. В этот период впервые выделяется в качестве самостоятельной естественно-научной дисциплины физиоло-

гия органов чувств и лишь в зародышевом виде появляется физиология головного мозга, которая в своём дальнейшем развитии должна определить судьбу не только психологии, но и физиологии органов чувств.

2. Естественно-научные открытия в этот период ещё не влияли непосредственно на характер психологической мысли; в ней продолжали почти безраздельно господствовать идеализм и метафизика духа как особой субстанции.

3. В самой психологии этот период характеризуется господством ассоцианизма и интроспекционизма с некоторыми модификациями в духе идеалистической теории аперцепции. В этот период впервые производится систематизация психологических знаний в духе идеалистической философии и создаются руководства по психологии.

В 40-х годах XIX в. возникает и оформляется теория марксизма. Учение Маркса создаёт для психологии подлинно научное философское основание и впервые делает возможным становление психологии как системы научных знаний. Однако буржуазная психологическая наука проходит мимо величайших открытий Маркса. Игнорируя единственный путь, ведущий к действительно научному построению психологии, она приходит в конце концов к неизбежному кризису.

Таков путь развития психологии на Западе.

При ознакомлении с историей русской психологии первой половины XIX в. обращает на себя внимание иное, чем на Западе, направление в разработке философских основ психологии: возникновение попыток понять диалектику нервно-психического развития и зарождение материалистической концепции сознания и личности. Эти две линии развития первоначально не совпадают, но в дальнейшем они сливаются и образуют своеобразную материалистическую традицию с элементами диалектического метода.

Важнейшие работы этого периода: Осиповский «О пространстве и времени» (1807) и «Рассуждение о динамической системе Канта» (1813), Велланский «Биологическое исследование природы» (1812) и «Физиологическая программа о внешних чувствах» (1819), Любовский «Опытное душесловие» (1815), Юрьевич «Пневматология» (1825), Н. Лебедев «Учение о раздражительности» (1832), Галич «Картина человека» (1834),

К. Лебедев «Общая антропология» (1835), Новицкий «Руководство к опытной психологии» (1840), Герцен «Диллетантизм в науке» (1842) и «Письма об изучении природы» (1843), В. Одоевский «Психологические заметки» (1843), Давыдов «Чтения о физиологии и психологии» (1844), Кедров «Курс психологии» (1844). Известно также, какое огромное значение имело опубликование в 40-х годах XIX в. целого ряда работ Белинского, которые вместе с трудами Герцена определили пути развития русского классического философского материализма в XIX в.

Из этого предварительного сравнительно-хронологического обзора можно заключить, во-первых, об обилии русских оригинальных трудов по психологии, посвящённых разработке философских основ и общих принципов психологии; во-вторых, о создании русскими учёными целого ряда систематических руководств по психологии различных направлений. Перечисленные нами работы имели действительно важное значение для своего времени, а некоторые из них — и для всего последующего развития русской философии и психологии. Этот рост русской психологии особенно знаменателен потому, что он происходил в условиях мрачной реакции 20—40-х годов XIX в., когда «свободомыслием» являлся самый факт применения науки к познанию психических явлений, признанных синодом «безраздельной областью веры».

Возвратимся вновь к хронологической таблице зарубежной психологии, с тем чтобы продолжить сопоставление её данных с соответствующими данными истории русской психологии.

В 50-х годах на Западе важнейшими событиями в психологии и примыкающих областях естествознания являются следующие: в 1850 г. Гельмгольц публикует свою работу об измерении скорости нервных импульсов; в 1855 г. выходит книга Бэна «Ощущения и интеллект»; в этом же году выходят «Принципы психологии» Спенсера; 1856 год ознаменован изданием «Физиологической оптики» Гельмгольца, а 1858 год — опубликованием первых работ Вундта по теории ощущений; в 1859 г. изданы «Происхождение видов» Дарвина, «Лекции по метафизике» Гамильтона, «Эмоции и воля» Бэна.

К 60-м годам относятся следующие факты: издание книги Фехнера «Элементы психофизики» (1860), откры-

гие Брока центра речи в коре головного мозга (1861), опубликование книги Гельмгольца по физиологической акустике (1863), работы Дондерса по исследованию реакций (1863), «Лекции о душе человека и животных» Вундта (1863), «Физиологии и патологии сознания» Маудсли (1867) и книги Гальтона «Наследственность гения» (1869).

В 70-х годах отмечаются следующие даты: к 1870 г. относятся работы Фрича и Гитцига по изучению локализации функций в головном мозгу; в 1871 г. публикуются «Происхождение человека» Дарвина и «Примитивная культура» Тейлора, а в 1872 г. — «Выражение эмоций» Дарвина; в 1873 г. начинается издание «Основ физиологической психологии» Вундта и публикуются работы Геринга по теории цветоразличения и Дельбефа по психофизике; в 1874 г. Вернике открывает новую форму афазии и уточняет локализацию центров речи в головном мозгу; в этом же году публикуется книга Brentano «Психология с эмпирической точки зрения»; в 1876 г. выходит «Введение в эстетику» Фехнера, дающее начало экспериментально-психологической эстетике; 1879 год вошёл в историю западной психологии прежде всего как год основания Вундтом первой экспериментально-психологической лаборатории.

80-е и 90-е годы характеризуются всё возрастающим числом имеющих крупное историческое значение трудов по психологии английских, немецких, французских и американских учёных. Так, в 1882 г. публикуется работа Прейера «Душа ребёнка», в 1883 г. — работы Гальтона «Исследование человеческих способностей» и Штумпфа «Психология музыкального звука», в 1884 г. выходят работы Бликса о кожной чувствительности, Джемса о теории эмоции и книга Селли «Очерки психологии». В 1885 г. публикуются исследования Эббингауза о памяти, книга Ланге об эмоциях, работы Гольдшейдера по изучению кожной чувствительности. 1886 год отмечается статьями Уорда по психологии в «Британской энциклопедии» и руководством по психологии Селли. В 1887 г. Ледд публикует книгу по физиологической психологии. В 1889 г. выходит первое систематическое руководство по экспериментальной психологии Мюнстерберга, в 1890 г. публикуются «Принципы психологии» Джемса, работа Тарда о подражании и исследование Эренфельса о

качественных особенностях образа. 1892 год отмечается трудами Титченера и Селли по общей теории психологии. В 1894 г. издаются работы Штерна по психологии ребёнка и публикуется теория Криса о «двойственности зрения». 1895 год характеризуется выдающимися лекциями П. Жанэ в Сорбонне и выходом в свет «Этюдов об истерии» Фрейда и Брейера. В 1896 г. выходят «Аналитическая психология» Стаута и «Очерки психологии» Титченера. В 1897 г. публикуются первые на Западе экспериментальные исследования работоспособности (Брен и Холтер) и работы Хавелок Эллиса по сексуальной психологии; в этом же году Торндайк начинает проводить опыты по зоопсихологии. Значительный рост экспериментально-психологических работ и возрастающее многообразие методов психологического исследования вызывают к жизни новый тип работ, первой из которых является книга Сауфорда «Направления в экспериментальной психологии» (1898). 1899 год в мировой литературе по психологии Флюгель считает возможным отметить лишь трудом Стаута «Руководство по психологии».

80-е и 90-е годы ознаменованы не столько выходом трудов и руководств отдельных учёных, сколько созданием новых в психологии специальных научно-исследовательских лабораторий. В этих лабораториях проводились многие сотни конкретных экспериментальных исследований психических функций и процессов, создавались методика и техника специального научного исследования в области психологии. В эти два десятилетия намечается переход от индивидуального теоретического творчества учёных-психологов к коллективному научно-экспериментальному труду специальных научных учреждений по психологии.

Интересна в этом отношении хронология образования экспериментально-психологических лабораторий на Западе. В 1882 г. основывается первая в США психологическая лаборатория (созданная Ст. Холлом), труды которой, впрочем, не оказали какого-либо влияния на последующее развитие психологии даже в самой Америке. Во Франции первая экспериментально-психологическая лаборатория создаётся в 1889 г. В 1894 г. Бенуси основывает первую психологическую лабораторию в Австрии. В 1897 г. в Лондоне и Кембридже организуются первые в Англии экспериментально-психологические ла-

боратории. В отношении размаха развёртывания психологических лабораторий Европа значительно отстаёт от США, где в 1894 г. уже существовало 27 психологических лабораторий. Значительный рост числа лабораторий, научных работников и экспериментальных исследований в США подготовил организацию там в 1892 г. «Психологической ассоциации», существующей и поныне.

Развитие научной психологии и в частности её экспериментальных методов в разных странах Европы и в США вызвало к жизни создание международных объединений психологов. Впервые в этот период организуются международные психологические конгрессы. 1-й конгресс был созван в 1889 г. в Париже, 2-й — в 1892 г. в Лондоне, 3-й — в 1896 г. в Мюнхене, 4-й — в 1900 г. в Париже.

Такова в самых кратких чертах схема истории научной психологии на Западе во второй половине XIX в. Отметим теперь характерные особенности в развитии русской научной психологии за тот же период.

Достаточным свидетельством высокого развития русской психологической науки в последней четверти XIX в. является уже участие русских психологов во всех международных психологических конгрессах того времени.

Наиболее, однако, существенным показателем состояния русской научной психологии к концу XIX в. является организация экспериментально-психологических лабораторий в России.

Мы уже видели, что во Франции, Австрии, Англии психологические лаборатории начали создаваться лишь в период 1889—1897 гг. В целом ряде европейских стран (Италии, Испании, Бельгии, Дании, Швеции, Норвегии и т. д.) в XIX в. ещё не было создано ни одной такой лаборатории. Между тем мало кому известно не только на Западе, но и у нас, что вторая по времени возникновения в Европе экспериментально-психологическая лаборатория была создана в России в 1886 г. В. М. Бехтеревым. Если в 1897 г. в Англии существовали всего две экспериментально-психологические лаборатории, то в России в это время было уже шесть лабораторий, возглавлявшихся Бехтеревым (Казань, затем Петербург), Корсаковым и Токарским (Москва), Николаем Ланге (Одесса), Сикорским (Киев), Чижем (Юрьев), П. Ковалевским (Харьков). В этих лабораториях,

созданных не только без какой-бы то ни было поддержки со стороны царского правительства, а, напротив, вызывавших часто недоброжелательное отношение со стороны министерства народного просвещения и университетского начальства, было проведено немало ценных исследований.

Важнейшее значение для развития русской психологии в конце XIX в. имели работы по физиологии нервной системы. Открытие в 1862 г. И. М. Сеченовым явлений центрального торможения определило целую серию капитальных исследований в области физиологии нервных процессов и деятельности головного мозга. Достаточно указать на начатые с 70-х годов исследования В. М. Бехтерева, а затем и большого числа его учеников по проблеме проводящих путей спинного и головного мозга. Важнейшее значение в 80-х годах имели начатые Н. Введенским исследования природы нервного возбуждения при тетанусе, из которых возникла новая концепция парабииоза. В это же время Тархановым создаётся психогальванометрия и проводятся первые исследования по раннему онтогенезу нервных функций. В конце 90-х годов Бехтерев начинает публикацию своих «Основания учения о функциях мозга». Наконец, крупнейший русский физиолог И. П. Павлов переходит от физиологии пищеварения к физиологии больших полушарий головного мозга, открывая на рубеже двух столетий механизм условно-рефлекторной деятельности больших полушарий.

Каждому изучающему историю физиологии нервной системы ясно, что уже в конце XIX в. Россия становится одним из главных научных центров по изучению физиологии нервной системы. В России происходят исключительно важные события в науке о мозге, связанные с открытиями законов деятельности нервной системы.

Основой такого расцвета русской нервной физиологии является плодотворнейший источник русского философского материализма. Именно в этом источнике коренится единство и связь в развитии русской нервной физиологии и русской материалистической психологии.

Обратимся теперь к хронологии важнейших событий и фактов из истории русской психологии второй половины XIX в.

Как известно, 50-е годы занимают важное место в истории русской общественной мысли. В философии и психологии это десятилетие отмечается рядом произведений Добролюбова, утверждающих психофизический монизм, и публикацией «Эстетических отношений искусства к действительности» Чернышевского (1856).

60-е годы XIX в. являются великим десятилетием в развитии русской психологии. В 1860 г. вышла работа Чернышевского «Антропологический принцип в философии», в 1863 г. — «Рефлексы головного мозга» Сеченова, в 1867 г. — «Человек, как предмет воспитания» Ушинского. В этом же году выходит труд Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии», подвергший решительному пересмотру вопрос о приоритете немецкой психологии в мировой науке. В это десятилетие русская материалистическая мысль с особенной силой наносит сокрушительные удары по идеализму в психологии, утверждая господство принципа психофизического монизма в русской передовой психологии и физиологии.

В 70-годах эта идеологическая борьба охватывает всё более широкий круг физиологических и психологических вопросов. В это десятилетие опубликованы следующие работы: исследование Тарханова «О гальваническом явлении в коже человека при раздражении органов чувств и различных формах психической деятельности» (1871), книга Кавелина «Задачи психологии» (1872) и явившаяся ответом на неё работа Сеченова «Кому и как разрабатывать психологию» (1873), работы Н. Ковалевского «Как смотрит физиология на жизнь вообще и психическую в особенности» (1876) и «Органы чувств человека» (1876), труды Сеченова «Об элементах зрительного мышления» (1877) и «Элементы мысли» (1878), исследования Тарханова «О психомоторных центрах и развитии их у животных и человека» (1879) и Сикорского «О явлениях утомления при умственной работе» (1879).

В большинстве этих работ обращает на себя внимание теснейшая связь психологии и нервной физиологии, реализующая принцип психофизического монизма, выдвинутый русским философским материализмом.

80-е годы характеризуются большим ростом психологической литературы, среди которой по своему историческому значению выделяются следующие труды: «Психология чувствования» Н. Грота (1879—1880), «Учение

о личности» Викторова (1881), «Психологические этюды» Кандинского (1881), «Психология» Владиславлева (1881), «Наука о духе» Троицкого (1882), «Школьные типы» Лесгафта (1884), «Основы механизма душевной деятельности» П. Ковалевского (1885), «Сознание и его границы» Бехтерева (1886). В это десятилетие создаются первые экспериментально-психологические лаборатории в Казани (Бехтерев) и в Киеве (Сикорский).

В 90-х годах отмечается открытие ряда новых психологических лабораторий (в Москве, Юрьеве, Одессе, Харькове) и опубликование большого количества (свыше двухсот) капитальных теоретических трудов, статей и экспериментальных исследований по психологии. Особенное значение имеют следующие работы: «Семейное воспитание ребёнка» Лесгафта (1890), «Влияние утомления на восприятия пространственных отношений» Марина (1891), «Душа ребёнка в первые годы жизни» Н. Ланге (1892), «Предметная мысль и действительность» Сеченова (1892), «Психологические исследования» Н. Ланге (1893), «Экспериментальные материалы по памяти» Токарского (1894—1895 гг.), «О восприятии постоянных и переменных раздражителей» Бернштейна (1895), «Экспериментальное исследование памяти звуковых восприятий» Чижа (1896), «Проблема восприятия пространства» Челпанова (1896), «О памяти зрительных восприятий» Гервера (1899) и т. д. С 1891 по 1897 г. ежегодно печатались обзоры мировой психологической литературы, составляемые профессором Чижем. С конца 80-х годов начали выходить журналы «Вопросы психологии и философии», «Вестник психиатрии» с отделом психологии, затем «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии».

Приводимый материал даёт достаточное представление о всё возраставшем оживлении в русской психологии в XIX в.

Нельзя дать правильную и полную картину развития мировой психологии, игнорируя участие русской науки. Особенно важным вкладом русской психологии в мировую науку является разработка принципа психофизического монизма и объединение усилий физиологии и психологии в решении психофизической проблемы. Первоначально это объединение осуществлялось Сеченовым, основавшим не только русскую нервную физиоло-

гию, но и русскую научную психологию. Через Сеченова в естествознании и психологии укреплялись и развивались материалистические идеи Герцена, Белинского, Чернышевского. Этими идеями питалась в период своего формирования экспериментальная психология в России.

Русский философский материализм породил и такое замечательное достижение русской и мировой физиологии, как учение Павлова о законах высшей нервной деятельности. Созданное в значительной мере под влиянием идей Сеченова, оно оказало решающее влияние на всю современную сравнительную психологию (зоопсихологию) и определило новые пути в исследовании навыков и простейших функций памяти. Оно реформировало психофизиологию органов чувств, дав ответ на вопрос о роли центрального фактора в различительной деятельности органов чувств. Учение Павлова об анализаторах дало возможность научной психологии найти отправные пункты для объяснения физиологического механизма представлений и их влияния, в частности сенсibiliзирующего влияния, на чувствительность. Открытые Павловым законы иррадиации и концентрации корковых процессов, индукции и различных форм торможения (внешнего, внутреннего, запредельного и т. д.) создали стройную картину элементарной деятельности коры головного мозга, общей для человека и животных. Вместе с тем эти открытия подготовили постановку проблемы о «второй сигнальной», речевой, системе коры головного мозга человека.

Зависимость научного становления психологии от научного становления нервной физиологии далеко не всегда понималась правильно. Столетие назад немецкий физиолог Иоганнес Мюллер говорил, что психология прекратит своё существование вместе с успехами нервной физиологии, что нервная физиология уничтожит психологию или, по крайней мере, превратит её в одну из своих вспомогательных глав. Однако известно, что Мюллер был воинствующим, по определению Фейербаха, «физиологическим идеалистом». Поглощение психологии физиологией нужно было Мюллеру для утверждения крайнего субъективного идеализма, который он пытался подкрепить своим учением о специфической энергии органов чувств. Как идеалист Мюллер был врагом научной психологии.

Но И. Мюллер оказался таким же незадачливым пророком в отношении судеб психологии и её взаимоотношений с нервной физиологией, как и френолог Галль, стремившийся заменить психологию своей «органологией» мозга. Галль и его ученики, исходившие в своих псевдонаучных изысканиях из положения о врождённой организации идей и душевных способностей, считали свою «органологию» религиозно оправданной, а психологию, пытающуюся выяснить происхождение психики из материальной действительности, — богопротивным делом.

Дискуссия о физиологии и психологии имела целый ряд циклов, возникавших с каждым новым успехом физиологии и переоценкой этого успеха физиологами-механистами, пытавшимися использовать новое открытие для подмены психологии физиологией. История науки свидетельствует, однако, что психология не только не «отмерла» вследствие успехов нервной физиологии, но в значительной мере именно благодаря им оформилась как самостоятельная наука.

Научная психология, отправляясь в своих исходных (психофизиологических) проблемах от физиологии (проблема материального субстрата психических процессов, развития психики, ощущения и движения, образной и двигательной памяти, навыков, темперамента, природных задатков), *объективным ходом своего развития направляется в сторону истории, языкознания и философии.*

Уже в выделении особой самостоятельной проблемы восприятия из проблемы ощущений намечается переход от *психофизиологии* чувственного познания к *психологии* познавательной деятельности. Этот переход неразрывно связан с выдвижением в центр экспериментальной психологии проблемы *мыслительных* процессов, определяющих *предметное значение* целостных образов восприятия. С этим же связано выделение в проблеме памяти вопроса о более высоких по своей организации процессах словеснологической памяти, в проблеме воображения вопроса о более сложных механизмах творческого воображения. Этим самым психология объективно шла к решению той проблемы, которая была определена Лениным как диалектика перехода от ощущения к мысли. Психологические исследования в этой области соприкасались с логикой и теорией познания, и при господстве философского идеализма они неизбежно должны были

нести на себе печать последнего. Но положение о своеобразном характере сложных мыслительных операций, об отличии этих операций от их чувственных основ вошло всё же как известное приобретение в систему научной психологии.

Целый ряд психологических исследований свидетельствовал об огромной опосредующей роли речи, а следовательно, языка и идеологии, в психическом развитии. На основе этих исследований в новейшее время возникли концепции «культурно-исторического развития» познавательных процессов, наметилось в западноевропейской научной психологии движение в сторону изучения исторической эволюции человеческой психики. Эти концепции строились на основе неправильных принципов буржуазной социологии. Но, выдвигая на первый план проблему психического развития, они выявляли факты, вскрывающие историческую природу человеческого сознания.

Движение от психофизиологии к идеологическим, философско-этическим проблемам психологии ясно сказывается и в постановке проблем внутренних побуждений (потребностей и интересов), способностей, характера и жизненного пути личности. Исследования Викторова, Лазурского, Штерна, Фрейда, Полана, Жанэ, несмотря на неизбежную для идеалистической психологии мистификацию истинной природы личности, наполнили конкретное содержание научной психологии рядом вновь открытых фактов.

Вместе с теоретическим развитием психологии от естествознания к истории обогащались и методические средства психологических исследований. Наряду со всё возрастающей экспериментальной техникой (главным образом в области психофизиологии ощущений и движений) создаются новые методы: сравнительно-генетический, биографический, метод анализа продуктов деятельности, метод «естественного» или «ситуационно-предметного» эксперимента и т. д.

Сопоставляя историю психологии и историю биологии, можно сказать, что если биология, возникнув на основе физики и химии, «эмансипировалась» от них на основе разработки эволюционных принципов, отражающих специфические законы биологического развития, то в психологии этот высший этап самостоятельного

научного развития осуществляется лишь в настоящее время и только в нашей советской психологии.

Этот переход психологической науки от разработки её основ, связанных со смежными отделами естествознания, к разработке самой *системы* научных психологических знаний возможен лишь на основе открытия законов, специфических для исторического становления человека и его сознания.

Западноевропейская и американская психология в поисках этих законов пришла к неизбежному для неё кризису, проявляющемуся, в частности, в метафизическом разрыве между учением о психических функциях и учением о личности («функционализм», с одной стороны, «персонализм» — с другой). Непонимание действительного исторического процесса развития человека и его сознания неизбежно приводит к одностороннему пониманию взаимоотношения природы и истории (природа без истории — натуралистическая психология поведения; история без природы — спиритуалистическая психология духа и т. д.).

Лишь на основе марксистско-ленинского понимания личности и её психических процессов, на основе открытых Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным законов общественного развития становится возможным переход психологии от разработки физико-биологических основ её к построению системы науки.

Именно поэтому история нашей отечественной психологии — с её передовыми традициями прошлого и современными достижениями — имеет общее значение, далеко выходящее за пределы национальных интересов русской науки. Для создания подлинно научной истории мировой психологической науки важнейшей предпосылкой является изучение истории русской научной психологии, в современной системе которой впервые происходит завершение процесса формирования её как особой самостоятельной науки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В XVIII в.

Восстанавливая историю развития психологической мысли в России, следовало бы искать источники её ещё задолго до XVIII в. В древнерусском фольклоре, былинах и сказках отразилась и закрепились народная мудрость, своеобразная философия практической жизни, представляющая большой интерес для разработки истории психологических представлений и понятий. Особенно заслуживает внимания этико-психологическая сторона народного эпоса, в которой раскрывается гуманизм русского народа, его свободное от догматизма и мистицизма понимание личности, характера и способностей. С возникновением славянской письменности в Киевской Руси при князе Владимире, сыне Святослава, впервые становится возможным развитие такой литературы, в которой излагались философско-психологические воззрения.

Известно, что Киево-Новгородская Русь являлась одним из наиболее культурных государств своего времени. Характерной особенностью древнерусской культуры является её связь с древнегреческой культурой, возникшая благодаря политическим и торговым отношениям с Византией.

Уже в конце IX — начале X в. в русской литературе отражается знакомство с древнегреческой философией. Иоанн-пресвитер, ссылаясь на мнения Фалеса, Демокрита, Диогена, восхваляет Аристотеля и высказывает свои критические замечания об учении Платона. Большой интерес для истории философско-психологической мысли представляют нравственно-философские

наставления митрополита Никифора, посвящённые Владимиру Мономаху, и особенно «Поучения» к детям самого Владимира.

В дальнейшем развитие культуры на Руси было приостановлено татаро-монгольским нашествием.

Длившееся два с половиной столетия татаро-монгольское иго надолго задержало хозяйственное, политическое и культурное развитие русского народа. В последующие столетия (XV и XVI) Руси приходилось отстаивать свою независимость от посягательств немцев, шведов и Польско-Литовского униатского государства. Однако в процессе собирания и объединения русских земель в Московском государстве создавались новые предпосылки для постепенного возрождения русской культуры. Уже в середине XVI в. в Москве началось книгопечатание, а с начала XVII в. возникает ряд учебных заведений, в которых читалась и философия, носившая, конечно, идеалистический характер. В то время особое значение имели: основанное Петром Могилой учебное заведение в Киеве, превратившееся затем в духовную академию; московская школа, основанная Ртищевым и возглавлявшаяся Славинецким; славяно-греко-латинская академия в Москве, руководимая братьями Лихудами.

Таким образом, были созданы предпосылки для культурного и в частности философско-научного развития, однако расцвет подлинной русской науки и философии был связан с реформами Петра I, преобразовавшего государство помещиков и купцов на новых хозяйственно-технических и культурно-политических основах.

Из числа сподвижников Петра в деле культурного преобразования нужно прежде всего указать на В. Н. Татищева, одного из первых русских просветителей XVIII в. Он стремился отделить разум от веры и прямо ставил судьбы России в зависимость от развития разума. Это относительное свободомыслие Татищева и его политические воззрения дорого обошлись ему в послепетровскую эпоху: в царствование Анны Иоанновны он был отдан под суд по приказу Бирона.

Наиболее характерным из произведений Татищева является его «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ», написанный им в 1733 г.

В этом произведении, где в одно целое сливаются философия, психология, педагогика и политика, вполне

последовательно проводится чисто светский взгляд на науку и просвещение, убеждение в том, что наука и просвещение, а не религия, являются условием духовного развития русского народа. По своеобразному выражению Татищева, «телесная философия» должна изучаться независимо от «духовного богословия». Наука немало пострадала от вмешательства религии в познание истины, и одной из заслуг Петра I он считал отделение «телесной философии от духовного богословия».

Татищев доказывал необходимость науки и учения для развития разума, приводя ряд интересных материалов по истории знаний у древних народов, в том числе и восточных. Указывая на недостаток просвещённости и на вред, приносимый церковью, Татищев писал:

«Паче же ужасно от истории видеть, что подобного тому в христианстве последовало, видим бо высокого ума и науки людей невинно тем оклеветанных и проклятию от пап преданных, как-то Виргилий епискуп за учение, что земля шаровидна, Коперникус за то что написал: земля около солнца, а месяц около земли ходит; Картезей за опровержение аристотелической философии и за учение, чтобы все сущими доказательствами, а не пустыми силлогизмы доводить; Пуфендорф за изъяснение естественного права, которым несколько непристойные папешские законы или юс каноникус нарушались, прокляты, афеистами оглашенны и книги их употреблять запрещены были, но потом не хотя сами папы все оное не токмо за полезно, но и правильно признали; и сие токмо в науках философских, коль же паче того в науках церковных находится и колико сот человек в Италии, Гишпании и Португалии чрез инквизицию každогодно разоряют, мучат и умерщвляют токмо за то, что кто с папою не согласует... да у нас того не без сожаления довольно видимо было как-то Никон и его наследники над безумными раскольниками свирепость свою исполняя, многие тысячи пожгли и порубили или из государства выгнали, которое вечнодостоинные памяти Петр не именем, но делом и сущою славою в мире великий, пресек и не малую государству пользу учинил»¹.

---

¹ В. Н. Татищев, Разговор о пользе наук и училищ. «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских», 1887, стр. 49.

Наряду с освобождением просвещения и науки от церковной зависимости Татищев считает крайне необходимым очищение самой науки от всяких ходячих лженаучных систем: астрологии, алхимии, хиромантии, физиогномики, так как они «ни физического, ни математического основания не имеют и наносят вред науке своими предвещаниями».

Татищев утверждал, что, преодолевая предрассудки и суеверия, возможно установить основы *самопознания* в системе научного знания, а не веры. В психологическом введении к своему «Разговору» он пытался раскрыть понятие души, её состояние и свойства, отношение к телу. Под силами души Татищев понимал ум и волю, которыми управляется разум человека, в то время как физическая жизнь человека руководится чувствами — зрением, слушанием, вкушением, обонянием и «ощущением», под которым понималось осязание. Свойствами ума являются: понятность, память, догадка, или смысл, суждения. Воля проявляется в наклонностях и склонностях, являющихся её свойствами. Из того, что свойства человеческого ума требуют постоянного развития для своего совершенствования, а склонности воли требуют их правильного применения, руководства и правил, Татищев выводил необходимость обучения как условия духовной жизни человека.

Излагая вопрос о сущности психической жизни, Татищев сопоставляет идеалистическое и материалистическое понимание этого вопроса. Критикуя крайний идеализм — спиритуализм, представители которого им насмешливо называются «помешанными головами», Татищев не соглашается и с материалистической трактовкой психофизической проблемы. Он делает попытку совместить философский идеализм с естествознанием и примирить разум и веру, признавая вредным лишь вмешательство религии в дела науки, самую же религию считая необходимым средством для укрепления абсолютной монархии.

Критикуя существовавшую в послепетровское время отсталость образования в России, Татищев указывал на невежество риториков и предъявлял высокие требования к философскому образованию. Он писал, что «философы их никуда лучше, как в лекарские, а по нужде в аптекарские ученики, но и учителя сами математи-

ки, которое основанием есть философии, не знают, и по их разделению за часть философии не счисляют. Физика их состоит в одних званиях или именах; новой же и довольной, как Картезий, Малебранж и другие преизрядно изъяснили, не знают. Не лучше их логика в пустых и не всегда правильных силлогизмах состоит»¹.

Прогрессивное стремление Татищева превратить философию в науку было ярко выражено и в его психологических воззрениях. Основной психологической идеей, которую он рассматривал в качестве объяснительного принципа, была для него идея о зависимости умственного развития от просвещения и обучения. Всеми доводами он стремится доказать невозможность понять ум и душевную жизнь вообще лишь из них самих; источником индивидуального ума являются для него опыт и знание других людей, усваиваемые отдельным человеком через язык и письменность. Большой интерес представляет трактовка Татищевым памяти и законов её развития. В памяти он различает: хранение, воспоминание, цельное и частичное. Память без понимания (смысла) считается им не только бесплодной, но и вредной; во времена господства догматического учения и муштры (зубрёжки) это звучало ново и смело. Он доказывал невозможность развития памяти человека без письменности и грамотности вообще; это же положение он утверждал в отношении «смысла» (мышления) и воли. Для наглядного доказательства положения о ведущей роли учения в умственной деятельности человека Татищев сопоставляет поведение животных и человека в «начале жизни». «...Например возьму беднейшую скотину овцу и посмотрю на ее начало жизни, — писал Татищев, — то вижу, что как скоро ягненок родится, не показывает ему мать титьки, не кладет оной в рот, не прыщет молока, чтоб научился сосать, природа бо его научила; не пеленает его, чтоб не свихнулся, природа укрепила; не шьет и не надевает одежды, природа ему дала; не бережет его от огня, воды и ямы, природа его бережет... Бедный же человек во всем сем оскудевает, что ежелиб

---

¹ В. Н. Татищев, Разговор о пользе наук и училищ, стр. 116—117.

не помощь других людей жизнь его содержала, тоб конечно смерть купно с началом живота являлась»¹. Вот почему с самого рождения человек является продуктом помощи других людей или «соучастия», как об этом много позже будет писать Радищев. Ум отдельного человека прямо зависит от того, как он усваивает знания, накопленные человечеством. Из этой предпосылки Татищев исходил в построении интересной периодизации возрастного развития человека от рождения до зрелости, периодизации, построенной по аналогии с культурной историей человечества.

В лице Татищева—передового деятеля школы Петра I и выдающегося просветителя XVIII в. — русская философия имеет одного из первых своих крупных представителей. Буржуазные историки русской философии не упоминали о Татищеве, имя которого было, однако, широко известно в историографии русской истории и в истории русской педагогики. Лишь Плеханов впервые отметил философские идеи Татищева, внесшие новое слово и в историю русской психологической мысли. Особенно надо подчеркнуть понимание Татищевым культурно-исторических, общественных источников умственного развития индивидуальности и самосознания.

Крупным русским философом первой половины XVIII в. был поэт А. Кантемир. С его именем связана серьёзная работа над русской философской терминологией. Комментарии А. Кантемира к его переводу книги Фонтенеля «О множестве миров» представляют собой первый опыт создания русского философского языка (1730). Достаточно сказать, что именно им введены в качестве философских терминов «понятие», «средоточие», «гражданин» и т. д. Основной философский труд Кантемира «Письма о природе и человеке», написанный в 30-х годах XVIII в., представляет собой очерк натурфилософии с элементами материалистического понимания природы.

Психологические воззрения Кантемира не имеют самостоятельного значения: они служат лишь аргументацией его философско-этической системы, направленной против модной в то время этики Мопертюи, доказательством основного тезиса этой системы, что счастье

---

¹ В. Н. Татищев, Разговор о пользе наук и училищ, стр. 29.

жизни заключается в душевном спокойствии и в сдерживании страстей. С этой точки зрения излагается им понимание чувств, страстей и путей самовоспитания соответственно этическим представлениям о «главном счастье жизни».

Одним из первых русских специалистов по философии, логике и психологии был профессор Д. Аничков, занимавший философскую кафедру в Московском университете. Его сочинение «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богочитания» (1769) было признано крамольным и «безбожным» и сожжено на Лобном месте. В другом своём сочинении, «Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии» (1777), он дал зато вполне традиционное сочетание философского идеализма и теологии в утверждении субстанциональности и божественного происхождения души, её предсуществования и бессмертия.

Материалистическое направление в русской психологии XVIII в. связано с именем Ломоносова как основателя русского философского материализма XVIII в.

«При рассмотрении явлений природы Ломоносов основной вопрос философии решал материалистически. Для него материальный мир существовал вне и независимо от сознания людей. Явления природы Ломоносов объяснял на основе материальных законов самой природы. Так, он отвергал гипотезы о теплороде, звуороде, флогистоне и электрической жидкости, объясняя происхождение звука, теплоты, электричества и т. д. естественными законами природы. Противопоставляя материализм идеализму, Ломоносов призывал изучать природу такой, какова она есть, черпать знания только из природы, а не руководствоваться схоластическими принципами средневековой идеалистической философии»¹.

В философских взглядах Ломоносова, равно как и других великих материалистов XVII—XVIII вв., имеются отступления от материализма к деизму. Однако эти деистические элементы не определяют его гносеологии и психологии.

---

¹ Г. Васецкий и М. Новчук, Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв., Госполитиздат, 1942, стр. 27.

Психологические воззрения Ломоносова развиты им главным образом в работах по физике, в частности оптике, и по риторике.

Обобщив лучшие достижения физики своего времени, Ломоносов в отличие от многих современных ему физиков истолковал эти знания в духе философского материализма. Ощущения, чувства и «идеи» являются для него продуктом воздействия физического мира на физиологическую деятельность органов чувств и мозга. В своей теории света, изложенной им на публичном собрании Академии наук в 1756 г., он объясняет ощущение как продукт действия «коловратным» движением совмещённых частиц материи. Разрабатывая психофизиологию зрения, Ломоносов делает упор на установление: а) зависимости ощущения от раздражения, б) взаимодействия органов чувств и мозга, в) определяющей роли мозга в различении раздражений. Большой интерес представляет, в частности, учение Ломоносова о происхождении цвета, его оригинальная попытка объяснения физиологического механизма цветоразличения.

Очень важным в материалистическом учении Ломоносова об ощущении и восприятии является понимание им первичных и вторичных качеств материи. Он считает, что не только первичные, но и вторичные качества существуют объективно, присущи материи, различие же между ними в том, что «...одни возбуждают у нас вполне точное раздельное представление, другие — только ясное... Первые и познаются взором и определяются геометрическими и механическими законами, предметом которых они являются; причина же последних лежит в частях, недоступных остроте зрения, поэтому сами качества не могут быть определены геометрически и механически без помощи физической химии. Первые по необходимости присущи всем телам, вторые — только некоторым. Поэтому, мы считаем возможным... называть первые качества — общими, вторые — частичными»¹. «Развивая эту мысль, Ломоносов приходит к выводу, что частичных или вторичных качеств в природе бесконечное множество»². Это многообразие

---

¹ М. В. Ломоносов, Избранные философские сочинения, Соц-экгиз, 1940, стр. 80.

² Г. Васецкий и М. Новчук, Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв., стр. 31.

вторичных качеств и порождает множественность ощущений, представлений, понятий.

Ещё в 1744 г., в первом своём сочинении по риторике («Краткое руководство к Риторике»¹) Ломоносов дал материалистическую трактовку представлений, или «идей», по терминологии того времени. «Идеями называются, — писал он, — представления вещей в уме нашем... когда их самих или вид оных без них в уме представляем»². Предметным содержанием идей являются вещи природы, без наличия которых не могут существовать идеи, их отражающие. Этот материалистический взгляд на представления, или идеи, как мы видели, не является для Ломоносова случайным: мысль о первичности материи и зависимости всех явлений сознания от явлений внешнего мира развивается Ломоносовым и в ряде физических работ, затрагивающих проблему ощущения.

Сочинения Ломоносова по риторике особенно богаты психологическим содержанием. Являясь одним из творцов русского литературного языка и русской поэтики, Ломоносов одновременно *и созидал, и изучал* новые формы своего родного языка, оформлявшегося с большими трудностями во времена насильственного насаждения в России латинского, немецкого и французского языков. Борьба Ломоносова за расцвет русского литературного языка, за сочетание в нём русской народности и основ западноевропейской культуры отразилась непосредственно в его системе риторики. Риторика Ломоносова включала в себя глубокий и оригинальный анализ мыслей и страстей, обозначаемых и выражаемых поэтической речью.

Вслед за анализом идей и изложением своих взглядов на строение простых и сложных идей, отражающих различные связи материальных предметов, Ломоносов в риторике переходит к описанию жизненных свойств, принадлежащих «к одушевленным вещам... первые суть главные душевные, — пишет Ломоносов, — понятие, память, мечтание, рассуждение, произволение». Сюда же относит он и страсти, именно: «радость, печаль, удовольствие... надежда, боязнь, гнев, милосердие,

---

¹ См. Ломоносов, Сочинения, т. III, Спб. 1895.

² Там же, стр. 18.

любовь, ненависть, удивление, отчуждение, благодарность, зависть, мщение»¹. Страсти он отделяет от ощущения, зрения, слуха, вкуса и т. д.

Из соотношения основных умственных способностей и страстей возникают умственные качества человека (мудрость, терпеливость, добродетельность — чистота, постоянство, трудолюбие и т. д.) и, что особенно важно, — «действие». Ломоносов определяет действие как всякую перемену, «которую одна вещь в другой производит»². Таким образом, *действие* есть продукт *предметного воздействия*, результатом которого в свою очередь являются *страсти*. Действия и страсти Ломоносов считал основными движущими силами человеческой психики. Следует отметить, что такое толкование психики радикально расходилось с психологической концепцией Хр. Вольфа, господствовавшей в то время в Германии.

В своей риторике Ломоносов подходит к вопросам психологии как тонкий наблюдатель душевной жизни, великолепный знаток людей. Именно поэтому исходным моментом для Ломоносова становится не абстрактная умственная способность или психическая функция, а жизненные качества человеческой личности, проявляющиеся в страстях и действиях как двигателях человеческого поведения, руководимого разумом, отражающим природу. Здесь художественный реализм Ломоносова перекликается с его материалистическим воззрением на психофизическую проблему.

Особенный интерес представляет учение Ломоносова о страстях, во многих отношениях близкое к концепции Спинозы. На этих вопросах Ломоносов останавливается главным образом во втором своём сочинении по риторике, изданном в 1748 г.

В главе «О возбуждении, утолении и изображении страстей» Ломоносов пишет: «Страстью называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с несбыкновенным движением крови и жизненных духов, причем всегда бывает услаждение или скука»³. В этой связи Ломоносов даёт такие определения отдельных

---

¹ Ломоносов, Сочинения, т. III, стр. 22.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 154.

страстей: «зависть есть скука, которая происходит от благополучия того, кого мы ненавидим»¹, «надежда есть услаждение о получении будущего добра»² и т. д.

Две основные закономерности определяют, по Ломоносову, «утоление страстей». Первая закономерность заключается в том, что, так как «каждая страсть имеет себе противную, то для утоления оные сию возбудить должно; итак противное от противного уничтожится. Таким образом печаль утолить можно возбуждением радости, любовь возбуждением ненависти и прочая»³. Вторая закономерность говорит о ведущей роли ума в утолении и направлении страстей: «Каждую страсть можно представить силлогизмом, и потом одну или и обе посылки опровергнуть, например: кто радуется, тот думает так: *Кто такую вещь получил, тот нажил великое добро, и посему имеет причину, чтобы радоваться: но я такую вещь получил, следовательно имею великое добро, и потому мне радоваться должно.* Здесь надлежит показать, что в оной вещи нет никакого добра, или оно весьма мало, или хотя бы оно подлинно было, однако он того не имеет, или оно не надежно»⁴.

В вопросе о личных качествах людей Ломоносов достаточно смело и прямо утверждал равенство людей. Так, «благородство», «славу», «власть», «вольность» и т. д. Ломоносов считал «благоприобретенными дарованиями».

Психологические воззрения Ломоносова были органической частью его общественно-научного мировоззрения. Человек как деятельная личность был в центре внимания Ломоносова. В своих общетеоретических воззрениях Ломоносов не оставался умозрительным философом, абстрактно, в отрыве от человеческой практики, созерцающим предметы и явления природы. Его внимание привлекает не природа сама по себе, а природа в её отношении к человеку и в её значении для человека. Поэтому его интересует не только «природа» внешнего мира, но и «природа» самого человека. Эти научные устремления Ломоносова породили его психологические воззрения.

---

¹ Ломоносов, Сочинения, т. III, стр. 177.

² Там же, стр. 166.

³ Там же, стр. 183—184.

⁴ Там же, стр. 184.

Одна из основных практических задач, стоявших перед Ломоносовым, заключалась в том, чтобы улучшить русский литературный язык соответственно возросшим потребностям русских людей, сделать его ещё более богатым, чутким ко всему разнообразию мыслей и переживаний русского человека. Отсюда — тот глубокий и оригинальный психологический анализ речи в её отношении к страстям и мыслям, который мы находим в произведениях Ломоносова.

Как и во многом другом, в своих философско-психологических воззрениях Ломоносов предвосхитил тенденции последующего развития науки. Это относится, например, ко многим положениям, выдвинутым им в психофизиологии зрения. Намного впереди своего века идёт Ломоносов и в истолковании психологической природы речи, её тонких и многогранных связей с мыслительной и эмоционально-волевой сферой. Тем более это следует сказать в отношении всей его концепции сознания, явившейся блестящим применением к области психологии философского материализма.

Продолжателем материалистических традиций Ломоносова, его научного новаторства, его высокого демократического патриотизма и гуманизма был великий русский мыслитель — Радищев.

Но прежде чем перейти к рассмотрению его философско-психологической системы, надо остановиться ещё на трёх писателях второй половины XVIII в., внесших существенный вклад в историю русской психологической мысли, — на Козельском, Новикове и Михайлове.

В своих «Философических предложениях» (1768), этом весьма знаменательном для настроения передовых русских людей того времени философском произведении, Козельский излагает ряд основных вопросов философии, психологии, этики и политики. Последняя придаёт определённый смысл его «предложениям», которые были прежде всего политическими.

Исходя из определения: «политика есть наука производить праведные действия», Козельский прямо пишет о том, что «в республиканском правлении общая польза есть основание всех человеческих добродетелей и законодательств»¹. Мотивы равенства прав народа и

---

¹ Я. Козельский, Философические предложения, Спб. 1768, стр. 185.

гражданина звучат у него открыто и сильно. «Никакого народа, — замечает он, — нельзя сделать иначе добродетельным, как чрез соединение особенной пользы каждого человека с общей пользой всех»¹. Критическое сопоставление республиканского строя и монархии составляет интереснейшую часть книги, где Козельский обнаруживает политическую зрелость, являясь оригинальным последователем французских просветителей. Резко критикуя традиционную философию, он признаёт в качестве «истинных» философов лишь Руссо, Вольтера, Монтескье, Гельвеция. Однако в одном вопросе он критикует и Руссо: это — вопрос об отношении к цивилизации. Призывая русский народ к просвещению, Козельский пишет: «Господин Руссо думает, что полезнее б было для человеческого рода, чтоб не знать ему наук и жить бы натурально... В нынешнем состоянии ученого света, ежели б какой народ вздумал не учиться, то другие ученые народы в краткое время и с великим аппетитом его скушают; и тогда то уж он от сих просвещенных волков безсумненно убежден будет, о вредности своей простоты в нынешние мудреные и развращенные времена»². В качестве наглядного примера вреда «простоты» Козельский приводит народы Америки, загубленные «просвещенными коршунами».

Политика, по Козельскому, есть *практическая* философия. *Теоретическая* же философия, состоящая из теории познания, логики и психологии, призвана обосновать эту практическую философию — политику. Отсюда и задача философии в целом — общественно-практическая: философия должна преследовать цели перестройки общественных отношений между людьми, установить равенство между людьми, устранить неравенство и беззаконие «начальствующих лиц» и т. д.

Подобно французским энциклопедистам Козельский прямо устанавливает связь между учением о понятиях и нравственной, политической философией и оценивает категории логики с точки зрения общественной пользы. Общество и гражданин — вот исходный критерий оценки всех философских проблем.

---

¹ Козельский, Философические предложения, стр. 188.

² Там же, предисловие автора.

Как и философия, психология имеет, с точки зрения Козельского, «политические», т. е. общественные, основания. Впервые в русской литературе он развивает взгляд, согласно которому человек раскрывается лишь в своей общественной деятельности и поэтому познать его внутренний мир возможно лишь «через отправление им своих общественных обязанностей». «Политика, — пишет он, — научает нас познавать качества людей в рассуждении отправления поручаемых должностей»¹.

В выполнении общественных обязанностей раскрываются такие внутренние качества человека, как *темперамент, качество разума и «крепость духа»* (воля).

Приобретённые в общественной жизни привычки или обычаи в сочетании со склонностями и особенностями нрава кладут основание воли. Воля, по определению Козельского, есть «способность души нашей желать того, что она почитает за добро, и отвращаться от того, что ей кажется худым». Поэтому большую роль в волевом акте играют представления, так как «приятность от какой вещи есть не что иное, как представление себе ее совершенства». В вопросе о воле Козельский объединяет нравственность человека с его познавательной деятельностью, которая через нравственность оказывается политически обусловленной. Такое понимание единства практического и теоретического начала в сознании человека отличалось от проповедывавшегося многими французскими просветителями господства разума самого по себе.

Ум и воля — явления природы и общества и определяются естественными и общественными законами. Полное отсутствие каких-либо теологических моментов особенно обращает на себя внимание в психологии Козельского.

Основанием психологии как учения о сознании является онтология как учение о бытии. Поэтому в изложении онтология предшествует психологии. Есть основание говорить о наличии материалистических тенденций в мышлении Козельского.

Материализм Козельского в психологии, как и материализм французских энциклопедистов, имел ярко выраженный характер сенсуализма. «Все познание че-

---

¹ Козельский, Философические предложения, стр. 149.

ловеческое, — пишет Козельский, — начинается от чувств, а чувствами понимаем мы только единственные (единичные. — Б. А.) вещи, которые имеют при себе многие обстоятельства и ограничения: как например по времени, или по месту...»¹ Итак, всё познание начинается от ощущений, но посредством их познаются лишь единичные вещи в их пространственно-временном существовании, познаётся, следовательно, лишь *бытие*. Это положение резко направлено против спиритуализма и мистицизма с их идеями сверхчувственного мира и внечувственного познания. Переход от материалистической онтологии к учению о понятии осуществляется Козельским также посредством сенсуалистического определения источников образования понятий, которые, по Козельскому, всегда есть «*понимаемые вещи*».

Сочинение Козельского, написанное в духе просветительной философии, не было понято его современниками во всех, далеко идущих политически-философских выводах. В годы французской революции эта книга с её республиканскими мотивами и прямой проповедью материализма вообще вряд ли увидела бы свет.

Видное, но весьма своеобразное положение в истории русской общественной мысли занимает Новиков. Заточение в крепость придало всей его жизни и деятельности трагический оттенок, столь характерный для многих выдающихся представителей русского народа в условиях помещичье-капиталистической России.

Выдающийся просветитель, один из самых крупных публицистов XVIII столетия, Новиков способствовал живому отражению в русской повременной печати наиболее важных и спорных вопросов мировоззрения. Для истории русской психологии публицистика Новикова и его друзей (Гамалей, Шварц, Трубецкой и др.) представляет большой интерес, потому что в ней отражались споры вокруг психофизической проблемы, одной из важнейших для психологии.

Наличие противоречивых взглядов, терзавших многих просветителей XVIII в., особенно в таких вопросах, как вопросы о природе души, о её смертности или бессмертии, было особенно типично для Новикова. В специальном исследовании о мировоззрении Новикова

---

¹ Козельский, Философические предложения, стр. 37.

Лонгинов указывает на ряд противоречий, имевших место в идеологии Новикова и отдалявших его от настоящих мартинистов¹. На разных этапах его деятельности и в разных его повременных изданиях изменялось соотношение между свободомыслием и религией то в пользу первого, то в пользу второй. Так, если в 1782 г. в журнале «Вечерняя заря» Новиков вместе со своими сотрудниками занимал религиозно-мистическую позицию в вопросе о природе души, то в 1784 г., в журнале «Покоющийся трудолюбец», он публикует статьи, в которых под видом сомнений высмеивает идеалистическое понимание психологии и всё более сомневается в правильности такого понимания. Эти колебания и противоречия в мировоззрении Новикова характерно отражали идейную борьбу, происходившую в русском дворянском обществе и связанную, в частности, с буржуазным революционным движением на Западе.

В 1782 г. Новиков публикует «Философическое рассуждение о душе», в котором душа определяется как «бессмертный дух, имеющий свое собственное существо и жизнь, хотя он с телом и соединен, но может и без оно́го быть, как и другие духи». Несмотря, однако, на это спиритуалистическое определение, само описание души не выходит за рамки «телесной феноменологии», что особенно сказалось в изображении и анализе различных темпераментов, проявляющихся в поступках и связанных со строением тела. При этом утверждается, что темперамент проявляется в жизни и сам определяется жизнью. Поэтому темпераменты изменяются, взаимопревращаются под влиянием сложившихся в жизни привычек и упражнений, подробно описываемых в этой статье. Таким образом, содержание «Философического рассуждения о душе» оказывается в противоречии с исходной идеей статьи, поскольку фактически в ней идёт речь о телесности души и воспитуемости, а не врождённости телесно-психических свойств.

В следующей статье — «Философическое рассуждение о соединении души с телом и о действии сего соединения» — Новиков и его сотрудники пытаются сгладить это

---

¹ См. М. Н. Лонгинов, Новиков и московские мартинисты, М. 1867.

противоречие путём своеобразной трактовки «соединения души с телом»: «Итак, из соединения души с телом происходит нечто новое, т. е. как бы из обоих сих нечто одно, почему необходимо и их свойство соединиться и должно отсюда произойти чемунибудь смешанному, т. е. таким свойствам, которые, так сказать, полуматериальны и полудуховны и которые не иначе можно истолковать, как из соединения души с телом. Но при всем том как душа, так и тело удерживает свое, и как скоро уничтожается их соединение и разрушается естественная жизнь, то тотчас же и преобразается тело опять в персть, а душа удерживает свои свойства, подобно, как ртуть, по разрушении киновари делается опять чистой и настоящей ртутью».

Новиков и его друзья, как видим, избегают последовательного, радикального решения психофизической проблемы. Они уже не допускают чистой духовности души, но в то же время их страшит «телесность души». Это стремление найти «полудуховные», «полутелесные» свойства пронизывает весь этот дуалистический способ утверждения идеалистического понимания психики. Однако в тех условиях даже это стремление могло показаться «вольномудством», поскольку оно допускало «полутелесность» души и тем самым шло хотя бы и на половинчатое соглашение с материалистической философией и естествознанием.

В «Философическом рассуждении о рассудке» делается ещё дальнейший шаг в этом направлении. Рассудок обусловлен внешними чувствами (ощущениями), а разум есть способность духа, независимая от тела; однако, в отличие от аристотелевской психологии, ведущее значение в умственной деятельности придаётся именно рассудку, а не разуму. В «Философическом рассуждении о человеческой воле вообще» воля определяется как соотношение известных «хотений и представлений». При ближайшем анализе представления обнаруживают свою зависимость от внешних чувств, а хотения обнаруживают свою практическую направленность. И здесь итоги «философических рассуждений» вступают в противоречие с исходной их идеей. Наиболее теологический, спиритуалистический характер носят «Рассуждения о познании себя самого», ничем не отличающиеся от любого богословия того времени.

Однако спустя два года, в 1784 г., в «Покоющемся трудолюбце» начинают звучать уже другие идеи.

В этом журнале попрежнему уделялось большое место философии, психологии и этике, но особое внимание обращалось на связь этих вопросов с задачами воспитания молодых поколений русского народа. Так, «Увещание к детям» включает в себе остроумное нравоучение о выборе друзей. И именно в этой статье, с таким скромным педагогическим названием, впервые в русской литературе подвергнута была серьёзной критике «физиогномика» Лафатера; множество примеров, говорится в этой статье, свидетельствует об изменении физиономии от образа жизни, состояния духа, жизненных отношений к другим людям и т. д.

В этой серии назидательных статей особый интерес представляет статья «Опыт краткого для детей учения о душе», оригинальная популяризация психологических знаний для детей. В этой статье приведён весьма любопытный диалог о природе души. В диалоге участвует сын, олицетворяющий, очевидно, молодое поколение, живущее новым духом времени, и отец, исповедующий старые спиритуалистические принципы. Сын утверждает, что душа — «ничто!», реально лишь тело; отец, напротив, защищает субстанциональность души. Для дидактических целей отец использует опыт с зеркалом и устанавливает, что функция зеркала исчерпывается *отражением*; душа же человека, в отличие от зеркала, *равна самопознанию плюс отражение*, чем и отличается от любого предмета и вещи, лишь отражающих внешний мир.

В образе сына выведен в этом диалоге типичный для того времени скептик, усвоивший некоторые идеи французского материализма. Идеалисту-отцу потребовалось большое усилие для доказательства того, что душа не есть «ничто»; для этого ему пришлось поступиться самобытностью души и признать за ней свойство отражения, общее ей с другими материальными предметами. В этом диалоге обнаруживается, повидимому, и борьба идей в группе Новикова и его личные колебания и сомнения, ещё более обострившиеся в дальнейшем.

В статье «Человек, наедине рассуждающий о неудоборешимых пневматологических, психологических и онтологических задачах» дано характерное выражение

этих колебаний и сомнений. «Уже много времени прошло, — говорится в этой статье, — как я *тружусь над чтением Психологии* (подчёркнуто нами. — Б. А.), желая учинить естественный опыт о душе: но каждый шаг, употребляемый мной при сем случае, кажется, отдаляет меня от моего предмета. Я стараюсь найти Аксиомы, но вместо их попадают мне одни сомнения; я желаю шествовать по ровному пути, но мне встречаются пропасти, от измерения глубины которых содрагаются все мои чувства»¹.

В этой статье собрана исключительная по интересу коллекция сомнений, касающихся традиционной идеалистической психологии. «Чтоб познать душу, — читаем мы в ней, — то не нужно ли взирать на нее без действия чувств, и без потрясения органических жилок? Но может ли разум понимать больше о душе человеческой, разлученной с телом, нежели о море без воды, и о часах без пружины?»² Итак, душа не существует без тела так же, как часы без пружины; телесность души составляет, следовательно, действительное бытие её. Далее следуют ещё более острые сомнения: «Почему душевные способности, которые не сотворены из вещества, возрастают по мере чувств телесных, которые не суть дух?» или «Кто может мне истолковать, для чего мои чувства меньше меня обманывают, нежели мой разум? Я розу не принимаю за алмаз, но всякий день малые причины признаю за великие: а посему мне кажется, что больше находится истины в самих предметах, нежели в моем разуме, который их сравнивает»³.

Эти сомнения и колебания «между вольтерьянством и религией» свидетельствуют о том, что Новиков не придерживался традиционных масонских взглядов, шёл значительно дальше, не переходя, однако, черты, отделяющей дуализм от материализма. Новикова нельзя расценивать только как последователя масонских религиозно-нравоучительных правил, только как главу московских масонов. Такая оценка игнорировала бы атеистические сомнения Новикова и его критику спиритуализма в отдельные моменты его деятельности. Такое

---

¹ «Покоющийся трудолюбец», ч. II, М. 1784, стр. 65.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, стр. 70—72.

одностороннее определение смазывало бы роль Новикова в развитии русской мысли как просветителя и патриота своей родины. Но не менее ложным было бы, конечно, преувеличивать материалистические и атеистические элементы в противоречивом мировоззрении Новикова.

В 1796 г. была опубликована первая русская книга, специально посвящённая психологии: «Наука о душе», написанная Ив. Михайловым. В ней дан опыт систематизации психологических знаний и воззрений, как мы видели, достаточно уже развившихся к тому времени в России.

Несмотря на духовный сан Михайлова и богословскую задачу его книги («изображение ее (души. — Б. А.) совершенства, способностей и бессмертия»), содержание книги оказывается весьма светским, а богословские задачи не только не разрешаются, но, напротив, фактически устраняются из излагаемой Михайловым «науки о душе». В этой книге с явно богословскими задачами богословие совершенно отсутствует, а авторитет «отцов церкви» вовсе и не привлекается к затеянному Михайловым делу создания «науки о душе».

Особенно интересно то, что психологический трактат Михайлова написан в духе серьёзно понятого английского эмпиризма. По признанию самого Михайлова, для него Локк является даже бóльшим авторитетом, чем «сам» Декарт.

Именно эта направленность книги, отразившей в себе передовые для того времени принципы философско-психологических знаний, и способствовала тому, что она не только пережила своего автора, но и высоко оценивалась спустя несколько лет после смерти автора таким выдающимся учёным, как Галич.

Систематизируя все вопросы психологии на основе сенсуалистических принципов, Михайлов совершенно избегал прямых ответов на такие вопросы, как «бессмертие души» или «самобытность души»; он ограничивался тем, что давал положительное решение противоположно поставленных вопросов, таких, как вопросы о «конечности» души, о её зависимости от внешнего мира как в ощущении, так и в мышлении.

По определению Михайлова, то, «что познает и ощущает обстоящие нас вещи, называется *Душа*»¹. За по-

¹ И. Михайлов, Наука о душе, М. 1796, стр. 3.

стулат им принимается существование внешнего предметного мира, не зависящего от сознания и обуславливающего его.

Это основное определение Михайлов доказывает четырьмя «законами душевной жизни». Первый закон формулируется так: «когда вещь ударяет в чувства, а чувственные органы не повреждены: тогда мы чувствуем, *хотя б того и не хотели*»¹ (подчёркнуто нами. — Б. А.). Второй закон определяет интенсивность ощущения относительно к силе последовательно действовавших раздражений, «когда две вещи ударяют в наши чувства, одна крепче, другая легче: тогда последнюю мы не так ясно чувствуем, как бы чувствовали ее, есть ли бы первая вещь в наши чувства не ударяла»². Что душа определяется воздействиями внешнего мира, показывается также и последующими законами. Согласно третьему закону, «вещь одинаким образом в чувство ударяющая, одинакое и чувство производит; а различным образом, различное и чувство рождает»³. Наконец, четвёртый закон гласит: «Когда действие предметов в наши органы чем либо воспящается: тогда воспящается и самое чувство»⁴. Мысли рассматриваются Михайловым как ассоциация представлений, являющихся в свою очередь воспроизведением «чувств», возникающих в результате прямых воздействий внешнего мира. Отсюда ясны следствия, обращённые по существу против теологических задач психологии: «по природе своей она (душа. — Б. А.) есть существо ограниченное и конечное. Сие доказывается таким образом: внешние вещи, ударяющие в телесные наши чувства, суть тела, яко части видимого мира»⁵. Следовательно, представления в душе бывают всегда по положению нашего тела и внешних его органов, «орудий». В традиционной главе «О соединении души с телом» Михайлов стремится выбраться из дуалистических пут и, несмотря на ряд теологических оговорок, довольно осторожно, но определённо вступает на монистическую точку зрения. С этой же точки зрения освещается вопрос о воле и склонности; свобода воли им

---

¹ И. Михайлов, Наука о душе, стр. 24.

² Там же.

³ Там же, стр. 24—25.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 139.

отрицается вследствие обусловленности представлений «положением тела нашего относительно к вещам» и т. д.

«Наука о душе» Михайлова выполнила важную для того времени задачу систематизации психологических знаний, в чём уже настоятельно сказывалась потребность в русской литературе. Не менее важно и то, что в этой книге психология была переведена из плоскости умозрительной в плоскость эмпирическую.

* *

*

Психологические воззрения А. Радищева составляют важный момент в его философско-политической концепции. Великий русский революционер, демократ и гуманист XVIII в., Радищев в философском отношении явился продолжателем материалистических традиций Ломоносова. «Основной вопрос философии Радищев решает так же, как Ломоносов и французские философы XVIII века, — материалистически и разделяет вместе с тем механистическую ограниченность материалистов XVIII века... Материалистически решает Радищев и проблему познания. Человек, по Радищеву, познаёт материальный внешний мир. Внешний мир вызывает ощущения, а ощущения дают содержание разуму, мышлению... Радищев — решительный враг агностицизма и, подобно Ломоносову, верит в силу и всемогущество человеческого познания... Однако материализм Радищева не был до конца последовательным. Так же как и у Ломоносова, материалистическое содержание философии Радищева было облечено в форму деизма»¹.

В концепции Радищева материалистические традиции, созданные Ломоносовым, получают своё блестящее развитие. В его философско-психологических воззрениях нашли своё непосредственное выражение успехи естествознания и естественно-научного материализма XVIII столетия. Однако та новая ступень, на которую русский материализм был поднят в философско-психологических воззрениях Радищева, определялась прежде всего его революционно-демократическими воззрениями. Гуманистическая этика Радищева не в меньшей мере, нежели его материалистическая гносеология, определила

---

¹ Васецкий и Новчук, Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв., стр. 46—47.

передовой и оригинальный характер психологических воззрений великого мыслителя.

Проблема человека была целью и основным предметом познания для Радищева. Первоначально эта проблема была поставлена Радищевым политически — как проблема свободного гражданина, как проблема равенства и свободы, конкретно — как вопрос освобождения русского крестьянства от рабства. Затем проблема человека выступает в работах Радищева как философская проблема познающего субъекта, и отсюда возникает психологическая проблема человека как сознательного существа. В психологической постановке вопроса Радищевым огромную роль сыграли его натуралистические знания, его опыт в медицине и естествознании. Эта связь политической, морально-педагогической, философской и психологической постановки проблемы человека в произведениях Радищева придаёт его психологическим воззрениям невиданную ещё в русской общественной мысли широту и научность; революционный гуманизм становится принципом познания человека.

В 1789 г. Радищев опубликовал своё сочинение «Житие Федора Васильевича Ушакова с приобщением некоторых его сочинений». Для нас в этом сочинении особенно важно то, что сам Радищев считал поворотным моментом в жизни как своего друга Фёдора Ушакова, так и своей собственной — знакомство с книгой Гельвеция «О разуме». По словам Радищева, он «в оной мыслить научился». В примечаниях к этой книге Радищев писал, что «Г. Гримм в бытность свою в Лейпциге, извещен будучи, с каким прилежанием мы читали Гельвециеву книгу о разуме, по возвращении своем в Париж, сказывал о том Гельвецию», что весьма растрогало знаменитого французского философа. В приложениях к «Житию Федора Ушакова» Радищев издал «Размышления Федора Ушакова», среди которых находятся «Письма о первой книге Гельвециевского сочинения о разуме», ярко и лаконично излагающие основные идеи сенсуалистического понимания ума. Самый факт издания Радищевым этих писем указывает на солидарность его с отношением Ушакова к теории Гельвеция.

Уже после издания книги, обессмертившей его имя, — «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) — и последовавшего за этим осуждения Радищев, находясь

в далёкой ссылке, в Илимском остроге, пишет своё главное философское и психологическое сочинение: «О человеке, о его смертности и бессмертии». Работа над этим трактатом была начата сейчас же после прибытия Радищева в Илимск, в январе 1792 г., и продолжалась, повидимому, до конца ссылки (1796). Опубликован он был уже после смерти автора, в 1809 г.

Основной замысел труда Радищева заключался в том, чтобы установить характер развития человека и, главное, ответить на вопросы, волновавшие передовых людей XVIII в.: существует ли «предсуществование» души до рождения человека и «послесуществование» человека и его души вслед за смертью?

Достаточно напомнить, что теория преформации вновь овладела умами после непримиримой и остроумной защиты её Галлером. С точки зрения преформизма человек не только «предсуществовал» до своего рождения, но вообще все люди «предсуществовали в яичнике нашей праматери Евы», как остроумно определил существо позиции Галлера Геккель. Преформизм стремился подвести «естественно-научную основу» под старую библейскую легенду о сотворении мира и, утверждая «предсуществование души», доказать фатальную предначертанность её жизненного пути ещё до рождения человека. Тем самым преформизм утверждал и бессмертие души.

Радищев никогда не избегал острых актуальных проблем; напротив, он мужественно и открыто искал наиболее прямых и честных путей их разрешения. Понятно, что для Радищева с его политическими, философскими и естественно-научными интересами нельзя было обойти и животрепещущие для того времени вопросы о предсуществовании и бессмертии души. Вопрос о «предрождественном состоянии человека» необходимо было решить в соответствии с данными естествознания.

Ссылаясь на современное ему естествознание и зачатки возникавшей в то время эмбриологии, Радищев прежде всего указывает, что хотя «человек зачинается во чреве жены», но «семя существует» не только до зачатия, но и «до плододеяния»¹. Где же существует

---

¹ Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, М. — Л. 1941, стр. 40—41.

оно? Если бы Радищев следовал а преформизмом, он должен был бы признать, что семя всегда существовало в готовом виде с самого сотворения мира и лишь передавалось от поколения к поколению каким-либо необъяснимо чудесным образом. Однако Радищев не только не следует за этим взглядом, но развивает совершенно новую, материалистическую теорию формообразования: «Если чувствительность, мысль и все свойства человека (не говоря о животных и растениях) образуются в нем постепенно и совершенствуют, то для чего не сказать, — пишет Радищев, — что и жизнь, которая в семени, яко в хранилище, пребывать имеет, доколе не изведет на развержение, образуется в органах человека. Ибо всякая сила, не токмо действующая в человеке, но в вселенной вообще, действует органом; по крайней мере, мы иначе никакой силы постигать не можем»¹. Следовательно, жизнь не «предсуществует», её нет в «предрождественном состоянии», хотя имеется семя, находящееся, как в «хранилище», в половых органах предков. Жизнь образуется в органах зачатого ребёнка, и её не могло быть раньше; она не передаётся в готовом виде, а каждый раз вновь образуется в органах зачатого организма.

Выяснив, таким образом, вопрос об образовании жизни, Радищев переходит к следующему вопросу, к тому знаменитому вопросу, ради которого преформизм был поднят на щит религией: существует ли ещё до зачатия душа в семени, «сопряжена ли была душа с семенем, доколь не прешло семя в зародыш?»

На этот вопрос Радищев отвечает так: «Но что сия душа? свойство ее жизни, или в совершенном возрасте человека есть чувствовать и мыслить; а понеже ведаем, что чувственные орудия суть нервы, а орудие мысли, мозг, есть источник нерв, что без него или же только с его повреждением или болезнью тела исчезает понятие, воображение, память, рассудок; что нервы только тупеть могут, что суть иногда в болезненном состоянии тела почти бесчувственны; если же общий закон природы есть, что сила не иначе действует (для нас по крайней мере), как органом или орудием, то скажем не

---

¹ Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 43.

обинуясь, что до рождения, а паче до зачатия своего человек есть семя и не может быть что либо иное»¹.

Итак, до тех пор, пока не образуются у человека нервы и мозг, до тех пор не может быть у него и души. Без этих материальных органов человек есть только семя, а семя не может быть «разумною тварию»: «Бесчувствен, нем, не ощущаяй, как может быть разумною тварию?»²

Итак, Радищев в этом вопросе занял позицию, противоположную взглядам преформистов и философскому учению о душе Лейбница. Для него психика является функцией известных органов тела — нервов и мозга, и лишь с их развитием она формируется; психика без нервов и мозга невозможна, она и не существует вне их. Следовательно, семя неодушевлённо, душа не передаётся в готовом виде от поколения к поколению, а всегда образуется заново вместе с образованием жизни в органах тела.

После ответа на этот вопрос, ответа, который по существу уже предопределяет, как мы увидим дальше, и отрицательное решение вопроса о бессмертии, Радищев описывает характер зачатия человека в любви и процесс образования и первоначального физического созревания зародыша. Наиболее важным моментом в этом описании является замечательная догадка, высказанная Радищевым относительно психики зародыша: «Уже жена зачала во чреве; уже зародыш жив... Уже мало по-малу члены его образуются... Но паче всего образуется голова, растёт больше и величает. В ней пребывание чувствий и умственных сил!... Орудии движения, чувства, голоса и жизни получили свое дополнение; основание уже положено разумным силам, орган их уже готов... Упругость, содрогательность существуют уже в образованном, да некогда произведут страсти, притяжение и отвращение...»³. Лишь современная психофизиология раскрыла ту форму генерализованной реактивности, которую Радищев называл «содрогательностью» и с которой связано развитие проприоцептивной и интроцептивной чувствительности.

---

¹ Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 43—44.

² Там же, стр. 44.

³ Там же, стр. 45.

Однако только после рождения ребёнка, в результате воздействия на него внешних предметов, в нём постепенно формируются «умственные силы», «основание» которым было положено во время утробного развития¹.

Итак, по отношению к индивидуальному развитию человека Радищев поставил психогенетическую проблему материалистически. Из этой области Радищев так же смело переходит в область более широкую, охватывающую развитие жизни вообще и человеческого рода в частности.

Огромные естественно-научные знания Радищева, прекрасная ориентировка его в систематике растений Линнея и Бюффона очень чётко выразились в его сравнительном анализе строения органов и функций питания, роста, размножения у человека, животных и растений. Установив сходство и материальное сродство человека с другими организмами на земле, он ставит новый вопрос: чем же отличается человек от других организмов?

«Хотя медведь становится на задние лапы, — пишет Радищев, — а обезьяны ходят и бегают на них, но сложение ног человеческих доказывает, что ему одному прямо ходить должно». Вертикальное положение человеческого тела и прямая походка обусловили общее изменение человеческого организма и характер развития органов чувств: «Череп его круглится, лоб воздымается, нос становится острее, две ровные губы составляют уста, где обитает улыбка. Казалось бы, что понеже человек, наипаче к мысленным действиям определенный, иметь долженствовал отменное во всем образование головного мозга, в котором, как то всякому чувствуемо, обитает мысль»².

Особенно подчёркивает Радищев развитие у человека руки. «Гельвецкий, — пишет он, — не без вероятности утверждал, что руки были человеку путеводительницы к разуму»³.

По сравнению с животными огромные изменения произошли у человека как в образе жизни, так и в отношении к самой природе. Одежда и жилища, созданные

---

¹ Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 67—68.

² Там же, стр. 48—49.

³ Там же, стр. 51.

человеком, сделали его независимым от стихий природы. «Он (человек. — Б. А.) превратил климаты, в холодной полосе он зной ощущает; он подвержен многим болезням, но живет долее земных зверей». Особое значение Радищев придаёт тому, что «детство, отрочество, юность долее в нем. Он долее всех учиться должен, ибо должен иметь более знания других»¹.

Главное, что отличает человека от животных и что создаёт возможности его психического развития, это — речь. «Но все сии преимущества, — пишет Радищев, — обведены бы, может быть, были тесною чертою, если бы не одарен был человек способностью, ему одному свойственною, речью. Он един в природе велеречив, все другие живые его собратия немые». «Речь, — продолжает он, — есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно»².

Итак, человек обязан речи и своим «собранием мыслей воедино», т. е. обобщением, и своими чудесными творениями культуры. Единство мышления и речи, зависимость мышления от речи, которая является его выразителем и носителем, Радищев подчёркивал неоднократно. «Мысли наши суть токмо знамения вещей, изображаемые произвольными звуками». Следовательно, мысли как «знамения вещей», как отражения внешнего мира необходимо требуют слов, «произвольных звуков». «Доколе вещи не дано имя, доколе мысль не имеет знамения, то она разуму нашему чужда, и он над нею не трудится». Чтобы усвоить разуму какое-либо явление, нужно прежде всего его «ознаменовать»³.

Речь для Радищева является, таким образом, необходимым условием для проявления умственной деятельности человека. Нужно ли говорить о том, насколько близки эти взгляды Радищева современному пониманию роли речи в умственном развитии человека и особенно современной постановке этого вопроса в советской психологии?

---

¹ Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 49.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 132.

Способность речи тесно связана у человека с той существенной особенностью его, которую Радищев называет «соучаствованием».

«Следствием нежности в нервенном сложении и раздражительности в сложении фибров, человек паче всех есть существо соучаствующее». «Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится»¹.

Приводя ряд примеров, Радищев доказывает, что это «соучаствование», это высокое развитие симпатических чувств обуславливает подражательность людей, имеющую совершенно другой источник, нежели инстинктивное подражание у животных. С точки зрения Радищева подражательность человека есть отрасль «соучаствования».

Опираясь на это понятие, Радищев критикует мистические выводы спиритуализма об особой жизненной силе, животном магнетизме, и показывает, что это внушение тоже есть вид «соучаствования».

Это же «соучаствование» изменяет у человека и взаимоотношение полов по сравнению с животными. Половая склонность у человека «отличествует тем, что сопрягает оба пола во взаимный союз непринужденно и свободно, нередко на целый их век. Кто из животных, разве не человеческие супруги, могут сказать: мы два плоть едина, мы душа единая!»²

Очень важно подчеркнуть, что в трактовке всех перечисленных нами вопросов Радищев сделал попытку установления общественной сущности человека. Однако, подойдя к этому выводу, он в силу ограниченности его взглядов, определявшейся историческими условиями, в которых он жил, не мог дать научного обоснования его. Идеи Радищева о специфически человеческих особенностях, отличающих человека от животных (положение тела, роль мозга, руки, речи, роль «вооружения» органов чувств и т. д.), были прогрессивны и значительны. Но, установив характер этих различий, Радищев не мог вскрыть их причины. Так же как и все домарксовские материалисты, Радищев не мог дойти до открытия общественно-исторических законов развития человеческого общества. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека Радищевым не была выяснена, так

---

¹ Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 54.

² Там же, стр. 57.

же как и его современниками-материалистами, которые объясняли происхождение и развитие человека «естественными законами». Всё же идеи, высказанные Радищевым, были достаточно новыми и смелыми не только для той эпохи, но и для более позднего времени.

Во II, III и IV книгах своего трактата Радищев специально рассматривает проблему бессмертия души.

Во II книге он даёт подробное изложение материалистического решения психофизической проблемы, доказывая, что «мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества»¹.

Сущность мысли, утверждает Радищев, заключается в её отношении к бытию. «Поелику чувственностию имеем мы представление о вещах, а разумом получаем понятия, то есть познания их отношений; и поелику *общее* всех представлений есть *пространство*, *общее* всех понятий есть *время*, а *общайшее* сих *общих* есть *бытие*, то что себе ни вообрази, какое себе существо ни представь, найдешь, что *первое*, что ему нужно, есть *бытие*, ибо без того не может существовать о нем и мысль»².

Исходя из такого решения психофизической проблемы, Радищев последовательно доказывает смертность души. Точно так же, как не существует «предсуществования души», не существует и её бессмертия. Точно так же, как «чувственность» и «мысленность» заново образуются вместе с образованием жизни в телесных органах, они перестают существовать вместе со смертью тела. Существует последовательная связь между материалистическим ответом, который дал Радищев на вопрос о «предсуществовании души», и его материалистическим ответом на вопрос, «бессмертна ли душа». Для того чтобы ответить на оба эти важные вопроса материалистически, Радищеву пришлось шаг за шагом бороться с идеализмом, утверждать единство жизни и материи, материальные основы мысли, зависимость мысли от речи, ума отдельного человека от «соучаствования» и т. д.

В III и IV книгах Радищев излагает доводы в пользу бессмертия души. Важно подчеркнуть, что и здесь ему удалось совершенно избежать теологической, религиозной трактовки этого вопроса. Мало того, и здесь он су-

---

¹ Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 89.

² Там же, стр. 77.

мел выдвинуть несколько важных и прогрессивных идей, связанных с его учением о речи и «соучаствовании».

Поскольку человек усваивает знания других и развивается совместно с другими, «соучаствуя» в их жизни, и поскольку это «соучаствование» находит своё главное выражение в речи, постольку человек, даже умирая, продолжает жить в умах и сердцах других людей.

Жизнь *письменной* речи становится независимой от отдельного лица, от его жизни или смерти. Человек и его мысль не исчезают с его смертью, образ и значение человека, его мысли сохраняются последующими поколениями.

Этот аргумент Радищева показывает, насколько высоко он понял силу идей, воплощённых в речи и передававшихся благодаря этому от человека к человеку. В бытии речи начинается как бы своя особая жизнь, не связанная с жизнью отдельного человека, и именно в этом можно видеть бессмертие человека.

То, что Радищев считает *бессмертием мысли в бытии речи*, и есть в действительности одна из исторических закономерностей развития идеологии.

Стойкий и гордый революционер, Радищев был первым русским гуманистом, оказавшим огромное влияние на последующее развитие русской передовой общественной мысли.

Несмотря на непоследовательность и отдельные противоречия в вопросах гносеологии и психологии, он является великим русским материалистом XVIII в., предвосхитившим ряд идей и открытий психологии XIX в. как в области психогенеза, так и в вопросе о роли речи в психическом развитии человека.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ П. ЛЮБОВСКОГО и А. ГАЛИЧА

Развитие русской психологии в первой половине XIX столетия, особенно в первых трёх десятилетиях, протекало в сложных исторических условиях.

Великий патриотический подъём русского народа в 1812 г. был использован самодержавием для борьбы с Наполеоном, но после победоносного завершения Отечественной войны главной задачей самодержавия стала борьба с народом. Наступил длительный период реакции. Аракчеевщина в культуре, проводившаяся особенно рьяно пресловутыми Магницким и Руничем, была прежде всего направлена на искоренение материализма и атеизма.

В этих условиях всё усиливавшейся реакции развитие передовых психологических воззрений чрезвычайно ограничивалось, тогда как возрождение разного рода идеалистических и мистико-теологических спекуляций всемерно поощрялось. С одной стороны, официально осуждались и запрещались такие книги, как «Метафизика» Лубкина, «Естественное право» Куницина и особенно произведения психолога и философа 20—30-х годов А. И. Галича, а с другой стороны, поощрялось издание таких пошлых и реакционно-идеалистических книжонок, как, например, «Об органе души» И. Ястребцова, «Психология» Н. Зубовского, «Френология» М. Волкова и др.

Однако, несмотря на официальную политику царизма в области культуры, направленную на подчинение науки богословию, русская психологическая мысль пробивала себе дорогу к подлинно научному пониманию проблемы сознания.

Продолжение материалистических и демократических традиций передовой русской философии и психологии было связано с революционной деятельностью декабристов и особенно А. И. Герцена (см. об этом в гл. IV). Эта линия: Ломоносов — Радищев — декабристы — Герцен и Белинский — была наиболее передовой и характерной для самобытного развития русской мысли в области философии и психологии.

Однако было бы неправильно ограничить исследование развития путей русской психологии лишь этой главной линией. В формирование русской научной психологии XIX в. существенный вклад внесли также натурфилософы Велланский и Одоевский. Особенно же значительна была роль оригинальных русских психологов этого времени П. Любовского (работа 1815 г.) и А. Галича (работа 1834 г.).

В начале XIX столетия «лекарь» Д. М. Велланский (Кавунник) был направлен в Германию для усовершенствования в медицине. Вместе с Океном, тогда ещё начинавшим свою философскую карьеру, Велланский слушает Шеллинга и становится его ревностным адептом. По возвращении из Германии он получает профессорское звание в медико-хирургической академии и читает ряд курсов, в которых стремится развить новое натурфилософское понимание природы.

Из сочинений Велланского могут быть упомянуты: «Пролюзия к медицине» (1805), «Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве» (1812), «Физиологическая программа о внешних чувствах, внутренних действиях мозга и наружных очертаниях головы» (1819), «Опытная наблюдательная и умозрительная физика» (1831), «Основное начертание общей и частной физиологии» (1836).

Существует несомненное противоречие между философскими воззрениями и естественно-научным содержанием работ Велланского. Определённый интерес представляют, например, его воззрения на природу различных органов чувств и ощущений.

Интересные мысли высказывает он об активности субъекта в познавательном процессе при определяющей, однако, роли в нём объективного момента; он подходит к мысли о том, что в сходстве с объектом заключается критерий истинности познания.

В «Физиологической программе» Велланский сделал попытку сочетать натурфилософию, или «органическую физику», Шеллинга с «Галловой краниоскопией». Он определяет здесь мозг как «орган мысленных действий», подражая Галлю, подробно описывает гипотетическую локализацию духовных способностей.

Однако, несмотря на отдельные интересные и ценные мысли, высказанные Велланским, в его сочинениях в целом преобладает натурфилософский идеализм. Стремление всюду искать «целость» всеобщей жизни и всеобщность духа приводит иногда Велланского к невероятным аналогиям.

Другой представитель того же философского направления, князь В. Ф. Одоевский в течение долгого времени был ревностным последователем Шеллинга и пытался перенести его учение в область психологии. Впоследствии Одоевский стал проявлять критическое отношение к шеллинговой системе, и это объясняется тем, что он, активно работая в художественной литературе как писатель-реалист, интересовался «лишь живой человеческой личностью» и «житейским бытом». Его произведение «Психологические заметки» (1843) написано в реалистическом духе и является одной из лучших психологических работ 40-х годов. Наряду с интересными наблюдениями и соображениями, в особенности касающимися соотношения языка и чувства, языка и мысли, Одоевский в своих «Психологических заметках» пытается развить теорию «инстинктуального» фактора в психической деятельности человека.

На развитие нравственного инстинкта прямое влияние оказывает культура; ум и знание преобразуют «нравственный инстинкт» как основную духовную силу человека. Однако это преобразование очень относительно и в конечном счёте приводит к восстановлению инстинкта на новой основе. «Человек должен окончить тем, чем он начал, — пишет Одоевский, — он должен свои прежние инстинктуальные познания найти рациональным образом: словом, ум возвысить до инстинкта»¹.

Но в своей апологии инстинкту и чувствам Одоевский не может оставаться последовательным; развитие ума и особенно памяти оказывается зависимым не от инстинкта, а от «изобретений», от культуры, а такие

---

¹ Журнал «Современник», т. XXXII, 1843, стр. 124.

сложные процессы, какими являются процессы творчества, тем более зависят от культурного развития.

Характеристика Одоевского как психолога была бы неполной и односторонней, если бы мы не указали на его более раннее сочинение «Письма к графине Е. П. Р.» (Растопчиной) о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, магии, каббалистике, алхимии и т. д., написанное в 1839 г. и напечатанное под псевдонимом «Безгласный». В этом сочинении, направленном против бушевавшей в аристократических салонах моды на магию и всякие чудеса, Одоевский проявляет себя как тонкий психолог-натуралист. Здесь на первый план выступают научные искания и научные интересы Одоевского и далеко в стороне остаются его мистико-философские воззрения. «Мне казалось, — писал в своих «Письмах» Одоевский-Безгласный, — что под всеми этими баснословными рассказами о страшилищах разного рода скрывается ряд естественных явлений, доныне не вполне исследованных и причины которых частью находятся в самом человеке, частью в окружающих его предметах».

В одних своих положениях Одоевский нередко опровергал свои же собственные высказывания. Противопоставляя, например, «инстинктуальность», т. е. в конечном счёте веру, знаниям и разуму, Одоевский очень часто утверждал и обратное — торжество знания, его превосходство над верой и несовместимость с ней. Подобные противоречия возникали в психологических работах Одоевского тогда, когда в них философ-идеалист сталкивался с писателем-реалистом, причём в этом столкновении нередко реализм писателя преодолевал идеализм философа. Это преодоление художественным реализмом философского идеализма и представляет собой положительный момент в произведениях Одоевского.

* *
*

В 1848 г. вышло нашумевшее «произведение» Никифора Зубовского, претендовавшего быть «истинно-русским» духовным философом. «Психология», как называлось это сочинение, замечательна не своими идеями, а той критикой, которую она вызвала в русской публицистике.

Книга Зубовского была направлена против материализма и безбожия. «Внутреннее начало жизни и деятельности последних (людей и животных. — Б. А.) мы называли душой, — писал Никифор Зубовский. — Собрание сведений о душе человеческой, изложенных в известном порядке, составляет науку, получившую название Психологии». После такого «определения» Зубовский начинает своё произведение с опровержения материализма. «Опровергнув» материализм «доводами» библии и евангелия, Зубовский провозглашает в качестве принципов психологии «простоту и неделимость души, неразрушимость и бессмертие». Важнейшим исходным положением «науки» психологии Зубовский объявляет также «врождённость идей».

Книга Зубовского была лишь наиболее законченным выражением того реакционно-спиритуалистического направления в психологии, которое поддерживалось николаевским правительством. Это же направление развивал философско-педагогический журнал «Радуга», среди сотрудников которого наиболее типичной фигурой был С. Бурачек, так формулировавший цель своего издания: «Сплочение всех наук в одну — философическую науку природы, человека и бога». Передовая русская общественная мысль, идущая от Радищева до декабристов, постоянно стремилась к «возвеличению человека и человечества». Реакционные идеалисты устами Бурачка, своего наиболее болтливого и циничного «божьего мужичка», проповедывали ненависть и презрение к человеку. «Бессмертие души» и «потусторонний мир» — вот и вся премудрость человеконенавистничества бурачковой «психологии». Идеализм в этом своём крайнем крыле выразительно противопоставлял себя не только материализму и атеизму, но и гуманизму.

Известный в то время врач-спиритуалист И. Ястребцов в 1832 г. издал книгу «Об органе души», а в 1841 г. другую — «Раздумье о моем теле». В них Ястребцов решительно отвергал распространявшиеся уже в то время убеждения в том, что мозг является органом психической жизни. Он утверждал, что всё тело является «вместилищем души», управляемым некоей духовной силой.

Ястребцов не был одиноким спиритуалистом в русской медицине. В 40-х годах спиритуализм пропаганди-

ровал даже такой серьёзный орган медицины, каким был «Терапевтический журнал». В этом журнале с большим успехом подвизался И. Зацепин, ставший официальным теоретиком «философской медицины», в действительности — спиритуализма и богословия.

На этом фоне несколько выделяется книга профессора О. Новицкого «Руководство к опытной психологии» (1840), изложенная сравнительно научно и содержащая немало фактических данных по психологии. Это относится главным образом ко II части книги — «Частной психологии», где можно найти ряд оригинальных и интересных положений.

Примером может служить освещение вопроса о соотношении темперамента и характера: «*Характер и темперамент*, — пишет Новицкий, — как ни близки они между собою и как часто поэтому ни смешивают их, должно различать один от другого. Характер и по своему происхождению большею частью есть дело свободы, и в своем существовании подлежит постепенному изменению и преобразованию силою свободы; напротив того, темперамент, если и способен к некоторому изменению и образованию действием свободы, тем не менее, по своему происхождению, есть чисто врожденное расположение. — Темперамент, во всех своих оттенках, нравственно безразличен, а характер весь заключается в нравственных противоположностях доброго и злого. Впрочем, на этом основании еще не отрицается, что темперамент под влиянием свободы может получить какое-либо особенное качество и чрез то сделаться составною долею характера»¹.

Всё же «Руководство» Новицкого в целом, и особенно I часть его — «Общая психология», представляет собой обычную компиляцию немецких идеалистических источников, направленную к одной цели — «опровержению материализма». К этому же типу психологических руководств относится и «Курс психологии» Кедрова (1844).

Историческое исследование состояния физиологии и психологии во второй четверти XIX в. показывает сильную засорённость их такими псевдонаучными теориями, как физиогномика, френология, учение о «животном магнетизме» и т. д., а иногда даже пережитками каббалистики, астрологии и т. п.

---

¹ О. Новицкий, Руководство к опытной психологии, Киев 1840, стр. 344—345.

Ещё в XVIII и начале XIX в. русское масонство подготовило почву для проявления интереса ко всем этим мистическим «чудесам», а французская аристократическая эмиграция вызвала в дворянском обществе специальное внимание к Лафатеру и его физиогномике.

Лафатер был признан защитником аристократических интересов, так как он всерьёз утверждал врождённость, «природность» дворянского превосходства. «Голубая кровь» дворянства нашла в нём изощрённого и яростного апологета. С редкостной злобой и презрением высмеивал он демократический дух, облакая его в скотоподобные телесные формы. Лафатеровская физиогномика служила не только для французской, но и для русской аристократии идейным средством борьбы с буржуазными революционными идеями о всемогуществе воспитания и просвещения. Лафатер и его русские эпигоны проповедывали бессилие воспитания перед всемогуществом родословной, сословного положения и сословного духа. Физиогномика не сходила со страниц реакционной печати вплоть до самого конца первой половины XIX в.; важнейшие положения её были обобщены Клоссовским в его «Теории и мимике страстей» (1849).

Однако ещё в 20-е годы физиогномика начала уступать место исключительному влиянию учения о «животном магнетизме», «теоретиком» которого в России выступил Велланский, а затем френологии, первым представителем которой в России оказался опять-таки Велланский.

После Велланского наиболее известным пропагандистом френологии в России был М. Волков, у которого превознесение френологии сопровождалось неприемлемым отрицанием психологии. В течение двух лет (1847—1848) в «Отечественных записках» печаталась большая работа М. С. Волкова «Физиология головного мозга», представлявшая собой френологию в популярном изложении. В 1857 г. Волков издал эту работу в переработанном виде отдельной книгой под названием «Френология». Френологические писания Волкова были ещё более вульгарны, чем писания его западноевропейских собратьев, что не мешало им пользоваться некоторым «научным» авторитетом.

Лишь в 50-х годах против Волкова выступил Добролюбов. В своей рецензии на сочинения Волкова, напечатанной в «Современнике» в 1858 г., он впервые в

русской литературе разоблачил реакционность и псевдонаучность фатализма в его френологическом проявлении. Классовая буржуазная сущность френологии была вскрыта Добролюбовым с большой ясностью. Как последовательный революционный демократ он показал связь френологической «системы» с лженаучными «социологическими» спекуляциями Волкова по поводу революции 1848 г. во Франции. Мужественное выступление Добролюбова в защиту революционного французского пролетариата от пошлых нападок реакционного блюстителя порядков крепостнической России было вместе с тем разоблачением френологии как лженауки, как прислужницы эксплуататорских классов.

В дворянских и буржуазных кругах России 30—50-х годов увлечение физиогномикой, френологией, животным магнетизмом имело одну общую черту — это было увлечение наиболее «научоподобной» формой мистико-фаталистического понимания развития человека. Усиленная пропаганда фатализма была направлена к тому, чтобы внушить эксплуатируемым массам убеждение в вечности, неизменности, природности, а поэтому и неприкосновенности самодержавия и бесплодности всякой борьбы с крепостническим строем.

По сравнению со средневековыми формами откровенно религиозного фатализма этот новейший фатализм постоянно рядился в замаскированные формы «научоподобия». И физиогномика, и френология, и «теория» животного магнетизма выступали под флагом естествознания, прикрывая этим свои подлинные религиозномистические мотивы и реакционно-классовые цели.

* * *

В 1815 г. в Харькове вышла книга магистра Харьковского университета П. Любовского «Краткое руководство к опытному душесловию». Эта книга явилась первым после книги И. Михайлова систематическим трудом по психологии.

«Опытное душесловие» Любовского есть в сущности «Эмпирическая психология». Об этом он говорит так: «*Опытное душесловие (Psychologia empirica)* есть наука, излагающая все душевные дарования, по колику оные могут быть замечены *опытностью*»¹.

¹ П. Любовский. Краткое руководство к опытному душесловию, Харьков 1815, стр. 1.

Стремясь избегнуть метафизики, Любровский, однако, стал на идеалистическую точку зрения, приняв как постулат концепцию взаимодействия начала телесного с активным психическим началом. Но ценность и значение работы Любовского в другом — в ряде интересных попыток самостоятельно построить систему психологии не на абстракции духа, а на конкретности человека.

Весь, солидный по тому времени, труд Любовского состоит из трёх частей: I — чувствительность, II — познание и III — стремление, влечение и воля.

Впервые в русской литературе Любровский подробно анализирует механизм ощущений, особенно зрения и, в частности, бинокулярного зрения, и описывает факты оптических иллюзий. Ощущение (чувствование) он называет «неким образом, или, так сказать, отпечатком чувствуемого предмета»¹, «более или менее верным изображением того предмета, который произвел впечатление»². Он считает, что чувства и чувствительность являются источниками, предпосылками познания. Изложению этого положения он посвящает специальную главу «О содействии чувствительности к познанию», в которой ярко выступают противоречия и колебания в его взглядах.

Влечения с точки зрения Любовского являются теми внутренними побуждениями, двигателями психической жизни, которые лежат в основе не только всей как бы интегральной деятельности человека (например, влечение к отечеству или богатству), но и отдельных отправлений тела. Так, Любровский высказывает предположение о том, что есть влечения глаза — зрения, слуха и т. д. Влечение глаза — зрения проявляется в «любовании красотой и величеством предметов и особенно в выражении «движений души» (взгляд). Слезы есть и у животных (от раздражения глаз при болезни), но выражением печали и горести они становятся только у человека. Совершенно отсутствует у животных и «взгляд» как способность выражения чувствительности («сверкание очей», «потупленный взор», «неподвижный взор», «умильный взгляд» и т. д.). Человек же не может переживать, не выражая переживание внешне, те-

¹ П. Любровский, Краткое руководство к опытному душествованию, стр. 17.

² Там же, стр. 23.

лесно, поэтому и возникает «влечение глаз» не только к любованию, но и выражению. То же относится к слуху, для которого характерно влечение к человеческой речи и гармонии звуков, к гортани, которой свойственно «влечение к произнесению речи». С точки зрения Любовского стремление органов к «выражению» обусловлено господством среди влечений человека общественных мотивов поведения, называемых им вслед за многими западноевропейскими философами и психологами симпатическими чувствами.

Любовский наиболее оригинален в этой своей попытке сочетать в единое целое проблему симпатических чувств с телесной феноменологией и превратить учение о влечениях (и прежде всего этических) в основную главу психологии.

Нельзя не отметить влияние передовых гуманных общественных идей начала XIX в. на психологические воззрения Любовского.

Так, в качестве одного из самых главных влечений человека Любовский называет «любовь к отечеству». Характерно при этом, что, следуя лучшим передовым идеям *народного патриотизма*, Любовский совершенно не упоминает здесь об императоре и «царственной фамилии», в любви к которой упражнялись в период создания «Священного союза» борзописцы реакционной печати. Любовский анализирует психологию любви «к отечеству», а не к самодержавию. Основным примером при характеристике этого влечения Любовский взял Кутузова. Бессмертный спаситель отечества — так называет Кутузова Любовский — показал всем образец самоотверженной любви к отечеству и тем самым ответил на вопрос, возникавший у современников, — «почему он при всех невыгодах своей службы не берет отставки?»¹ В этом ясном намёке на тягостное положение Кутузова при Александре и Аракчееве раскрывается понимание Любовским подлинной «любви к отечеству».

Отражение тех же влияний видно в высказываниях Любовского о «влечении к труду». «Человек... имеет *врожденное стремление к труду*» — говорит Любовский, поэтому даже «самые ленивые, ежели не работают следуемого, то по крайней мере всегда

---

¹ И. Любовский, Краткое руководство к опытному душе-словню, стр. 102.

занимаются недозволенным»¹. Одно из самых больших удовольствий для человека — удовольствие, получаемое от труда, в доказательство чего Любовский ссылается на Руссо и Дидро. И именно за ними и другими передовыми просветителями идёт Любовский, намекая на необходимость «благоустроенного общества» для развития этого врождённого стремления к труду.

* *

*

В 1848 г. погиб от холеры чиновник провиантского департамента А. И. Галич (он же Говоров). В последние годы своей жизни Галич терпел всяческие моральные и материальные лишения. В облике опустившегося, несчастного чиновника невозможно было узнать одного из замечательных учёных России 20—30-х годов. Судьба Галича характерна для судеб многих передовых русских учёных XIX в.

Сын дьячка Говорова, Галич исключительным талантом и волей проложил себе путь к науке. Один из лицейских учителей Пушкина, позднее блестящий профессор вновь открытого Петербургского университета, он был известен рядом работ по истории философии и эстетике.

Но замечательный расцвет таланта разночинца Галича был грубо подавлен разгромом передовой профессуры Петербургского университета в 1821 г. Вместе с профессорами Арсеньевым, Германом и Раупахом он подвергся унизительному инквизиторскому суду; был лишён кафедры, а затем изгнан из университета за «вольнодумство» и «нечестивые мысли». Поставленный судом перед угрозой объявить его сумасшедшим, Галич принуждён был в тот момент отказаться от своих философских воззрений. Однако в действительности он не только не отказался от своих взглядов, но стал на позиции ещё более радикальные. В 1834 г. Галич закончил и опубликовал свой капитальный труд «Картина человека», оригинальный по замыслу и богатый по содержанию.

Книга Галича своей гуманистической направленностью, а также отсутствием «опровержения материа-

---

¹ П. Любовский, Краткое руководство к опытному душесловию, стр. 78—79.

лизма» резко отличается от идеалистически-богословского стандарта психологических сочинений того времени. В разрешении психофизической проблемы он использует данные естествознания и по возможности основывает психологию на материале физиологии.

В первой части своей работы Галич излагает сначала «телесную дидактику» (отправления тела, системы тела, части тела), затем переходит к «телесной феноменологии» (характеристика здоровья и болезни, бодрствования и сна, уродств и ненормальностей тела) и заканчивает её так называемой «семиотикой», в которой излагает учение о темпераментах.

Во второй части («Дух») Галич развивает свою психологическую систему. Следуя за Локком, он начинает анализ психологии с чувственности — с ощущений как первоисточника теоретической деятельности духа. Чувственность выступает в виде: чувственного созерцания, чувственного представления и воображения, а также в виде «чувственных связей представления в соображениях и мечтах». Следующей ступенью умственного развития человека, по Галичу, является «свободное познание» как высший «способ познания». Свободное познание также стадияльно и изменяется сообразно качеству ступени умственного развития человека. Переходом от чувственного «связанного» познания к «свободному познанию» является «полумысль», к которой относятся «мнение» и «правдоподобные догадки». В результате сочетания «связанного» и «свободного» познания образуется память как «способ посредствующего или смешанного познания». Галич не допускает у человека возможности существования памяти без мышления; память так же связана с мышлением, как и со своими чувственными источниками — представлениями. На основе развития чувственного опыта, мышления и памяти, посредством которых человек познаёт внешнюю действительность, возможно и познание самого себя. Самопознание развивается лишь на основе развития сознания. Переход от сознания к самосознанию особенно связан с «практической стороной духа», т. е. с волей.

Галич исходит из существования неких духовных сил, «движущих изнутри наружу», к которым относятся: побуждение, вожделение, склонности. Повторяясь и закрепляясь в жизни, эти движущие силы

образуют привычки; развиваясь в известном избирательном и постоянном направлении, эти же движущие силы образуют страсти как проявления воли. Этим движущим силам Галич придаёт исключительное значение для понимания общих закономерностей психического развития человека. Движущие силы, привычки, страсти являются внутренними условиями деятельности человека, совершения поступков, следовательно, *практической стороны* духа, которой Галич придаёт решающее значение. «Я знаю, что и живу не иначе, как обнаруживая свою *деятельность* (хотя бы то было и по поводу внешних раздражений), — пишет в этой связи Галич, — не иначе, как *проявляя* свою жизнь для себя и для других, не иначе, как *выводя на позорище* временные, отдельные порождения внутреннего моего, средобежного могущества, которое везде и остается основанием последних, составляющих совокупность или сумму моего бытия исторического... Таким образом, — продолжает Галич, — пускай *мысль* делает различие между внешним и внутренним; в *практике* мы действительно и существуем и знаем про себя лишь столько, сколько удастся нам выказать свои силы, выказать то, что мы есть и чем бы могли быть»¹.

Блестяще раскрывает Галич процесс объективизации субъективной жизни в практической деятельности, особо выделяя значение этой деятельности для объективного содержания нашего самосознания.

В главе о страстях и «практической стороне духа» Галич обнаружил мастерское применение диалектики. Лишь «выводя на позорище», т. е. объективируя свою психику, свои страсти в частности, человек начинает себя познавать как личность, а следовательно, по Галичу, и как существо общественное и историческое. «Раскрывшееся сознание моей жизни исторической, — пишет Галич, — вместе с тем подает мне и способы распознавать свое лицо с другими отдельными лицами. Я и самого себя, и всякого другого принимаю за особенное, определенное существо однородное, и приветствую в нем *брата*»². Итак, по Галичу, осознание своей исторической жизни через практическое «действие ду-

---

¹ А. Галич, Картина человека, Спб. 1834, стр. 37.

² Там же, стр. 40—41.

ха» позволяет осознавать и других людей и свою однородную сущность с ними, позволяет видеть в другом человеке *брата*, жить общим историческим бытом со всем человечеством. «Посему... — заключает Галич, — все сии — родные мне твари — каждая по своему особенному устройству и значению составляют вместе со мною общий *исторический* быт одного того же *человечества*»¹.

Так теоретически обосновывает Галич исповедуемый им гуманизм, лишённый, как видим, какого-либо налёта теологического характера. Люди *сами*, практическими действиями своего духа, создают общий *исторический быт*, который и определяет жизнь каждого отдельного человека. В процессе развития этого быта люди как бы созидают друг друга, их страсти и чувства есть выражение их отношения друг к другу.

Галич прекрасно разрабатывает отдел симпатических переживаний, показывая на примере соболезнования, сочувствия, сострадания зависимость чувствований от взаимоотношений людей. В симпатических переживаниях Галичу удаётся раскрыть *человечность* чувствований человека, гармоническую настроенность чувств отдельной личности с чувствами всех других людей.

Галич обрушивается на эгоизм, который он считает самым большим бесчеловечным злом. Вопреки существующему предрассудку он утверждает, что «решительных эгоистов» нужно искать не среди замкнутых, уединённых людей, а среди «светских» людей, живущих шумной жизнью, равнодушных к человеческой жизни².

Это равнодушие человека к жизни других может превратиться из отрицательной психологической черты в политическое зло. Эгоизм в политике играет исключительно вредную, преступную роль, «поглощая интересы всех частных лиц и народов, дабы они, подобно нулям, служили только к возвышению достоинства единицы». Эгоизм неминуемо злобен: злость составляет его характерную черту. «Как в добродетели восходит человек на высоты; так здесь он погрязает все более в самом себе, — в бездне отверженного бытия». Примером этого может послужить и то, что злость любит не только сама делать зло, но и развращать других людей, развивая в них дурные наклонности, «развращать

¹ А. Галич, Картина человека, стр. 41.

² См. там же, стр. 329.

людей вокруг себя, напр.: нарочно воспитывая их в невежестве, в грубом вкусе и в рабских помыслах»¹.

Страсти расцениваются Галичем с точки зрения их пользы не для отдельно взятого человека, а для человечества в целом. Поэтому самолюбие он расценивает как страсть «одинокого быта или чисто-животного», все же остальные страсти — не «одинокие», а общественные, соучастные, говоря языком Радищева. Все остальные страсти, как положительные, так и отрицательные, есть известные отношения человека к жизни других людей.

Раздел, посвящённый анализу человеческих страстей, больше всего вызвал недовольство официальных критиков Галича. Под видом анализа страстей Галич бичует здесь пороки современного ему общества, беспощадно высмеивает лицемерие, фанатизм и ханжество попов, любостяжание чиновников и купцов, пустоту «избранного света». Так, «любостяжание» Галич иллюстрирует примерами учёного шарлатанства, женитьбой блудных сынов на богатеньких уродах и штатных местах, продажей прелестей и т. д. Отрицательной кажется Галичу и купеческая страсть к прибылям, при которой уже самое обладание деньгами доставляет удовольствие. Превращение денег из средства в самоцель кажется Галичу страстью, противной человеческому духу.

Любопытен раздел его книги, озаглавленный «Быт сердца». Он посвящён тревогам, или волнениям, как важнейшим проявлениям сердечной деятельности. Возможны, как указывает Галич, «тревоги со стороны рассудительности», к которым относятся: рвение или задумчивость, изумление, испуг или переполох как переоценка действительной опасности. Возможны также, по Галичу, «тревоги сердца со стороны воли», проявлением которых являются: страх, гнев, ревность. Наибольшую группу составляют «тревоги, которые сердце причиняет само себе», к каковым относятся: непосредственные порывы радости, печали, а также производные порывы беспокойства (стыд, раскаяние, мнительность). Наивысшим чувствованием, объединяющим и волю и рассудок, является энтузиазм.

Третья и последняя часть книги Галича посвящена «соотношению между телесной и душевной жизнью».

---

¹ А. Галич, Картина человека, стр. 323.

В ней Галич описывает чрезвычайные, особые или ненормальные проявления души (слабости сознания, душевные болезни, сонную жизнь), избегая какого-либо прямого решения психофизической проблемы. Ограничиваясь одним лишь описанием проявлений взаимоотношения телесной и духовной жизни, он стремится к компромиссному признанию важности обеих этих сторон.

Галич, конечно, не был материалистом, но он не имел ничего общего и с идеалистами мистикоспиритуалистического толка, которых так много развелось в России в 30-е и 40-е годы. В политическом отношении он не был революционером; он критиковал современное ему общество с либеральных позиций и не мог, например, правильно оценить роль французской буржуазной революции. И тем не менее Галич был на голову выше всех тех русских психологов и философов 30-х годов, которых расплодили святейший синод и министерство народного просвещения.

Галич первым попытался установить традиции русской психологии и обобщить наилучшие достижения русской философско-психологической мысли. Умалчивая о Радищеве (скорее всего по цензурным соображениям), он хвалебно отзывается о Козельском, Ив. Михайлове, Любовском, указывая, что их труды ничуть не хуже иностранных. И это отнюдь не случайно: и Козельский и Любовский, несомненно, оказали влияние на Галича как их высокой оценкой роли страстей, воли и чувств для психического и, в частности, умственного развития, так и прогрессивной общественной направленностью их психологических построений. Любовь к человечеству и любовь к отечеству, занимавшие важное место в учении Любовского о побуждениях, превратились в ведущие принципы психологической системы Галича. Эти принципы, развитые в определённой системе, и придали книге Галича то своеобразие, которое отличает её от всех других современных ей психологических работ.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КЛАССИКОВ РУССКОГО МАТЕРИАЛИЗМА СЕРЕДИНЫ XIX в.

Материалистические традиции русской философии составляют одну из важных сторон освободительного движения в России.

«Освободительное движение в России, — писал Ленин, — прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»¹.

История освободительного движения в XIX в. начинается декабристами, значительная часть которых была в первых рядах участников Отечественной войны 1812 г. и являлась передовой частью русской дворянской интеллигенции. Решительные враги крепостничества, декабристы боролись за буржуазно-демократические свободы, развитие промышленности и распространение народного образования в России.

Политические взгляды декабристов были тесно связаны с их материалистическими, а подчас и атеистическими воззрениями. В философии большинство декабристов были последователями Радищева и французских материалистов. Как следственные материалы по делу декабристов, так и другие документы эпохи свидетельствуют о материалистическом мировоззрении Пестеля, Николая Тургенева, Лунина, Крюкова и др.

---

¹ Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 311.

Известна, например, деятельность философского кружка молодых офицеров в Тульчино (Подольской губернии). Ведущую роль в этом кружке играл Н. Крюков, бывший одним из ближайших соратников Пестеля. О степени этой близости и о том, какое значение придавал Пестель теоретической работе Крюкова, свидетельствует тот факт, что философские заметки Крюкова были зашиты в один тук с «Русской Правдой» Пестеля и зарыты в условленном месте. Характеризуя найденные бумаги Крюкова, следовательно Боровков писал, что в них он обнаружил «полный свод соблазнительных и развратных умствований новейшей философии». Уже из этой характеристики видно, насколько опасными были для самодержавия материалистические убеждения декабристов.

Особый интерес представляет незаконченное сочинение Н. Крюкова, посвящённое воспитанию, которому декабристы придавали огромное значение. Истинная философия мыслилась им как сенсуалистическая теория познания, связанная с психологией. Одна из частей рукописи Н. Крюкова носит название «Психология». Мышление, память, чувствование, воля — все психические процессы рассматривались Крюковым с точки зрения их происхождения из ощущений. В основе же ощущения лежат материальные нервные процессы. Эта мысль формулируется Крюковым в следующем положении: «Итак, если бы мы не имели ни нерв, ни мозга, или если бы они не имели свойства содействовать нас чувствительными, тогда бы мы были твари бесчувственные, как, напр., камни, металлы и пр.»¹

Выпавшее из рук декабристов знамя материализма было поднято великим дворянским революционером-демократом Герценом и великими революционерами-демократами разночинцами Белинским, Добролюбовым и особенно Чернышевским.

«Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»².

¹ Приведено по книге Павлова-Сильванского «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.», Спб. 1910, стр. 279.

² Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 341.

Великий деятель русского освободительного движения А. И. Герцен был крупнейшим философом-материалистом, роль которого высоко ценил Ленин: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени». «Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»¹.

Будучи не только последовательным материалистом, но и замечательным диалектиком, Герцен с чрезвычайной силой обрушивается на метафизический материализм. Он подвергает серьезной критике не только логику и теорию познания, но и психологию, развиваемую метафизически.

Подробно разбирая философские концепции Локка и Кондильяка, Герцен указывает на существенный недостаток этих материалистических концепций: «Материалисты-метафизики совсем не то писали, о чем хотели; они до внутренней стороны своего вопроса и не коснулись, а говорили только о внешнем процессе; его они изображали довольно верно, и никто с ними не спорит; но они думали, что это все, и ошиблись: теория чувственного мышления была своего рода механическая психология, как воззрение Ньютона — механическая космология. Притом, никак не надобно терять из вида, что локкова школа рассматривала мышление только как частную, отдельную, личную способность одного типического человека; разум как родовое мышление, пребывающее и развертывающееся в истории и науке, не заслужил их внимания; оттого у всех у них недостает исторического понимания прошлых моментов мышления»².

Герцен блестяще доказывает, что метафизическая ограниченность этих материалистических школ приводит к отрыву мышления от бытия и бытия от мышления.

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 464—465.

² А. И. Герцен, Избранные философские сочинения, Соцэкгиз, 1940, стр. 207.

Он пишет: «*Природа помимо мышления — часть, а не целое*; мышление так же естественно, как протяжение, так же — степень развития, как механизм, химизм, органика, — только высшая»¹. Подчёркивая единство природы и сознания, Герцен указывает, что «природа, понимаемая помимо сознания, — туловище, недоросль, ребенок, не дошедший до обладания всеми органами, потому что они не все готовы. Человеческое сознание без природы, без тела, — мысль, не имеющая мозга, который бы думал ее, ни предмета, который бы возбудил ее»².

Смело применяя диалектический метод к материалистическому пониманию природы и сознания, Герцен даёт новое решение вопроса о месте и роли психического развития в природе и истории. В своей статье «Публичные чтения г-на профессора Рулье» Герцен писал: «Г. Рулье избрал предметом своих публичных чтений *образ жизни и нравы животных*, т. е. как он сам выразился, *психологию животных*. Зоология в высшем своем развитии должна непременно перейти в психологию». «Выбор такого предмета свидетельствует живое понимание науки и большую смелость: здесь надобно часто прокладывать новую дорогу: психология животных несравненно менее обращала на себя внимание ученых естествоиспытателей, нежели их форма. Животная психология должна завершить, увенчать сравнительную анатомию и физиологию; она должна представить до-человеческую феноменологию развертывающегося сознания; ее конец — при начале психологии человека, в которую она вливается, как венозная кровь в легкие, для того, чтобы одухотвориться и сделаться алою кровью, текущею в артериях истории»³.

Герцен высказывает мысль, что именно в психологии совершается переход от естествознания к истории. Исходя из этого, он предостерегает против механистического сведения психологии к физиологии, сознания к физиологическим функциям мозга, которые являются его основой.

«Если задача физиологии, — пишет Герцен, — действительно состоит в том, чтобы узнать в органическом

---

¹ А. И. Герцен. Избранные философские сочинения, стр. 208.

² Там же.

³ Там же, стр. 222—223.

процессе высшее развитие химизма, а в химизме — низшую степень жизни, если она не может сойти с химико-физической почвы, то верхними ветвями своими она переходит в совершенно иной мир: мозг, как орган высших способностей, рассматриваемый при отправлении своей деятельности, прямо ведет к изучению отношения нравственной стороны к физической и таким образом к психологии. Здесь могут явиться вопросы, которых не осилит ни физика, ни химия, которые могут только разрешиться при посредстве философского мышления»¹.

Таким образом, Герцен видит задачу психологии в изучении соотношения нравственной стороны человека с его физической стороной. Он подчёркивает, что задачи физиологии и психологии совпадают лишь до известного момента, в дальнейшем же каждая из этих наук преследует свои собственные цели. При этом физиология, правильно понимающая свой предмет, должна базироваться на физике и химии и затем развиваться в сторону психологии, а психология должна отправляться от физиологии и развиваться в сторону философии и истории. Как видим, Герцен блестяще применил диалектический метод к материалистическому пониманию предмета психологии.

Первым в русской литературе Герцен наметил путь преодоления ограниченности эмпиризма и рационализма в теории познания и психологии. Чрезвычайно характерно, что, решая эту проблему, проблему взаимоотношения ощущения и мышления, Герцен вводил в философию понятие практической деятельности. Критикуя немецкий идеализм и берлинских профессоров, этих «талмудистов новой науки», Герцен писал, что Германия «никогда не имела вполне развитого смысла практической деятельности»². Это полностью относилось им и к Гегелю: «Гегель, раскрывая области духа, говорит об искусстве, науке и забывает практическую деятельность, вплетенную во все события истории»³.

Однако, выдвинув понятие практической деятельности как философскую категорию, Герцен не понял ещё значения практики как критерия истины; для него

---

¹ А. И. Герцен, Избранные философские сочинения, стр. 226.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 52.

оставался скрытым общественно-трудовой, классово-исторический характер практической деятельности человека. Он не мог распространить материализм на общественные отношения и, по выражению Ленина, «оставался перед историческим материализмом».

Критикуя модный в его время фатализм в понимании личности («предначертанность божественным провидением»), Герцен справедливо возмущается взглядом, по которому «будущее отдано в кабалу до рождения». Это меткое и саркастическое замечание задевало «теории» всяких физиогномиков и френологов, выдвигавших под покровом естественно-научных рассуждений учение о моральной наследственности. Герцен не мог до конца опровергнуть тсчку зрения фатализма, потому что он не нашёл путей к пониманию закономерностей исторического формирования личности.

И всё же герценовское понимание личности и взаимоотношения её с обществом резко противоречило обычным буржуазным концепциям. «Человек,— писал Герцен,— не может отказаться безнаказанно от участия во всех обителях, в которые он призван своим временем. Человек развившийся равно не может ни исключительно жить семейною жизнью, ни отказаться от нее в пользу всеобщих интересов»¹. Это единство и противоречие индивидуального и всеобщего (общественного) качественно изменяет человеческие страсти и создаёт волю. «Поднимаясь в сферу всеобщего,— писал Герцен,— страстность не утрачивается, но преобразуется, теряя свою дикую, судорожную сторону; предмет ее выше, святее; по мере расширения интересов, уменьшается сосредоточенность около своей личности, а с нею и ядовитая жгучесть страстей»².

Важный этап в развитии русских философско-психологических идей связан с именем Белинского.

Психологические воззрения Белинского в последние годы его жизни приобрели чёткий материалистический характер. Психофизическую проблему он разрешал материалистически. Так, в своём годичном обзоре русской литературы за 1846 г. он писал: «Вы, конечно, очень

---

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. Лемке, т. III, стр. 259.

² Там же, стр. 258.

уважаете в человеке ум? — Прекрасно! — так останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед этою массою мозга, где происходят все умственные отправления». «Иначе, вы будете удивляться в человеке следствию мимо причины, или — что еще хуже — сочините свои небывалые в природе причины и удовлетворитесь ими. Психология, не опирающаяся на физиологию, так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии»¹.

Это стремление к обоснованию психофизического монизма и разрушению казённого спиритуализма, царившего в официальной философии и психологии, составляет важную черту психологических воззрений Белинского. Другой характерной чертой этих воззрений является выдвижение в центр психологии понятия личности. Лишь отнесение к личности делает реальными такие психологические категории, как чувство, ум, воля, вне личности все эти духовные качества лишь «логическая отвлечённость». Такое понимание, вполне совпадающее с психологическими воззрениями Герцена, представляло полную противоположность современным Белинскому психологическим системам, большинство из которых было наполнено «самостоятельными» духовными способностями, независимыми от реальной жизни личности. Герцен и Белинский заложили основы для преодоления абстрактного функционализма в психологии.

Гуманизм и революционно-демократические идеи сочетались в концепциях Герцена и Белинского с патриотизмом. Свобода личности невозможна без свободы народа — это положение связано с самой основой социалистических взглядов Белинского.

В ряду великих материалистов XIX в. видное положение занимает Н. Добролюбов. Утверждение первичности материи и вторичности психики, предметного содержания психики и психофизического монизма характерны для философских взглядов Добролюбова. Особенно ярко формулируется им положение о предметности мысли. «Что же составляет материал мысли, — писал он, — как не познание внешних предметов? Возможна ли же мысль без предмета; не будет ли она тогда чем-то непостижимым, лишенным всякой формы и

¹ Белинский, Полное собрание сочинений, под ред. Венгерова, т. X, стр. 406.

содержания? Ведь защищать возможность такой беспредметной и бесформенной мысли решительно значит утверждать, что можно сделать что-нибудь из ничего!»¹

Борьба Добролюбова с идеализмом в философии, психологии и педагогике имела огромное значение для воспитания новых поколений революционной демократии и укрепляла позиции Чернышевского.

Но если Белинский и Добролюбов высказывали лишь отдельные, весьма важные для материалистической психологии идеи, то Чернышевский с полным правом может быть назван не только великим русским философом, но и психологом. Ему принадлежит глубоко продуманная психологическая концепция, оказавшая большое влияние на развитие русской научной психологии от Сеченова до наших дней. Несмотря на краткость наших «Очерков», мы не можем не остановиться подробно на характеристике этой гениальной психологической концепции Чернышевского.

* *

*

Политическая борьба Чернышевского за дело крестьянской революции, его воинствующий философский материализм, его благородство и революционный порыв, созданные им образы в художественной литературе — всё это навеки вошло в сокровищницу великой русской культуры. Образ Чернышевского, великого русского человека, славы русской нации, вдохновлял народы Советского Союза в Великой отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков. Чернышевский — не только славное прошлое передовой русской культуры, он не только великий мыслитель и революционер, завершивший развитие русского классического философского материализма до возможности возникновения ленинизма как высшей формы русской и мировой культуры, — Чернышевский остаётся нашим современником, идеи и образы, им созданные, продолжают жить в сознании наших людей и творить своё великое дело служения народу и освобождения человечества от политического, экономического и идеологического гнёта.

---

¹ Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. III, М 1936 стр. 241.

Великим русским учёным и критиком назвал Чернышевского Маркс¹.

В своей характеристике Чернышевского Ленин писал: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»². Это сочетание утопического социализма с революционным демократизмом и составляет характернейшую черту политического мировоззрения Чернышевского.

Ленину мы обязаны и определением существа философского мировоззрения Чернышевского. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»³.

Единство революционно-демократического и философско-материалистического мировоззрения определило влияние идей и образов Чернышевского не только на его современников, но и на людей нашего времени.

Ленинские слова о «цельном философском материализме» Чернышевского можно отнести не только к принципиальности и последовательности материалистического мировоззрения Чернышевского в период 1850—1888 гг., но и к единству материалистических принципов Чернышевского во всех философских проблемах, им разрабатывавшихся. В этом отношении нельзя даже сравнивать с Чернышевским таких выдающихся

---

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. XVIII.

² Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 144.

³ Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 295.

русских психологов, как Галич или Ушинский, в философском мировоззрении которых совершенно чётко сказываются противоречия между их гносеологическими и этическими взглядами. Принципами философского материализма проникнуты все труды Чернышевского в гносеологии, психологии, этике, эстетике.

Каковы же те общие идеи, которые лежат в основе всех философских исследований Чернышевского как в области гносеологии и психологии, так и в эстетике и этике?

Нам представляется, что ведущими из этих идей являются следующие: а) психофизиологический монизм, субстанциональность объективной действительности и материальной жизни самого человека, атрибутивность психических процессов и сознания; б) определяющая роль деятельности и практических отношений вообще в развитии сознания; в) единство внешней детерминации и внутренней мотивации в деятельности человека; г) процессуально-динамическое понимание субъективных состояний и актов; д) нормативный характер человеческого сознания и общественное развитие этой нормативности; е) единство народного и индивидуального в сознательной деятельности человека.

Психологические проблемы (психические процессы, их проявления и закономерности, строение сознания и личности) интересовали Чернышевского и сами по себе и как необходимая сторона проблем гносеологии, этики и эстетики, и поэтому он развивал свои психологические воззрения своеобразно в каждом отдельном случае, в зависимости от того, являлись ли они сами по себе *предметом* его исследования или *методом* в решении других философских проблем.

Интерес к психологическим проблемам ярко проявляется у Чернышевского в его литературно-критических произведениях. Ещё в самом начале литературной деятельности Льва Толстого Чернышевский с гениальным проникновением наметил основные особенности его творчества. В своей известной критической статье о «Детстве и отрочестве» и «Военных рассказах» Толстого (1856) он указал на недостаточность той характеристики, которую обычно давали критики творчеству Льва Толстого. Чрезвычайная наблюдательность, тонкий анализ душевных движений, отчётливость и поэзия

в картинах природы, изящная простота — отличительные черты таланта графа Толстого; но все эти признаки можно отметить и в творчестве других крупных русских писателей-реалистов. Стремясь точнее определить своеобразие творческого таланта Толстого, Чернышевский писал: «Психологический анализ (в литературе. — Б. А.) может принимать различные направления: одного поэта занимают всего более очертания характеров; другого — влияние общественных отношений и житейских столкновений на характеры; третьего — связь чувств с действиями; четвертого — анализ страстей; графа Толстого всего более — сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души, чтобы выразиться определительным термином»¹. По мнению Чернышевского, эта сторона психологического анализа более всего была развита (до Л. Толстого) у Лермонтова, но и у него она была «почти в совершенном подчинении анализу чувства». Приводя размышления Печорина о его отношениях к княжне Мэри, Чернышевский пишет: «Тут яснее, нежели где-нибудь у Лермонтова, уловлен психический процесс возникновения мыслей, — и, однако ж, это все-таки не имеет ни малейшего сходства с теми изображениями хода чувств и мыслей в голове человека, которые так любимы графом Толстым. Это вовсе не то, что полумечтательные, полурефлексивные сцепления понятий и чувств, которые растут, движутся, изменяются перед нашими глазами, когда мы читаем повесть графа Толстого, — это не имеет ни малейшего сходства с его изображениями картин и сцен, ожиданий и опасений, проносящихся в мысли его действующих лиц»².

«Ни у кого другого из наших писателей, — продолжает Чернышевский, — не найдете вы психических сцен, подмеченных с этой точки зрения. И, по нашему мнению, та сторона таланта графа Толстого, которая дает ему возможность уловлять эти психические монологи, составляет в его таланте особенную, только ему свойственную силу»³. Это не значит, что Толстой

---

¹ Чернышевский, Литературно-критические статьи, изд. «Художественная литература», 1939, стр. 247.

² Там же, стр. 247—248.

³ Там же, стр. 249.

ограничивается лишь изображением подобных «внутренних сцен»; в зависимости от художественной задачи в отдельных произведениях (например, «Записки маркера») они могут и вовсе отсутствовать. «Выражаясь фигуральным языком, он умеет играть не одной этой струной, может играть или не играть на ней, но самая способность играть на ней придает уже его таланту особенность, которая видна во всем постоянно. Так, певец, обладающий в своем диапазоне необыкновенно высокими нотами, может не брать их, если то не требуется его партией, — и все-таки, какую бы ноту он ни брал, хотя бы такую, которая равно доступна всем голосам, каждая его нота будет иметь совершенно особенную звучность, зависящую собственно от способности его брать высокую ноту, и в каждой ноте его будет обнаруживаться для знатока весь размер его диапазона»¹.

Таким образом, для всего художественно-психологического творчества Толстого характерен особенный интерес его к «диалектике души», к самому психическому процессу, его формам и законам. Поясняя это положение, Чернышевский указывает: «Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других; ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует, изменяясь по всей цепи воспоминаний; как мысль, рожденная первым ощущением, ведет к другим мыслям, увлекается дальше и дальше, сливает грезы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексией о настоящем»².

Тот психологический анализ, о котором говорит Чернышевский, не сводится к чисто субъективному самоанализу. Для Чернышевского предметом этого анализа является прежде всего то, как различно и противоречиво развивается субъективный процесс (мысль или чувство), возникающий из объективных обстоятельств (жизненное положение) и материальных источников (впечатление). Именно этот переход объективного в

¹ Чернышевский, Литературно-критические статьи, стр. 249.

² Там же, стр. 246—247.

субъективное является в художественной литературе, особенно в творчестве Л. Толстого, прежде всего предметом психологического анализа.

В характеристике Чернышевского важна оценка и другой особенности таланта Л. Толстого — «чистоты нравственного чувства», которая находится в прямой связи с особенностями его психологического анализа.

Нетрудно видеть, что симпатии Чернышевского направлены именно к той форме психологического анализа, который был создан в литературе Толстым и разгадан Чернышевским ещё задолго до написания «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения». Нам представляется, что эта симпатия далеко не случайна: в ней выразился особенный интерес Чернышевского к проблеме человека. В романах самого Чернышевского «Что делать?», «Пролог» мы видим иной по стилю, но сходный по существу приём художественно-психологического анализа, особенно интересный в изображении образов Веры Павловны, Лопухова, Волгина и Волгиной. «Сны Веры Павловны» — совершенно новый приём в изображении переходов неосознанного в осознанное, т. е. именно того сложнейшего момента «диалектики души», который Чернышевский обозначил у Толстого как «полумечтательные, полурефлективные сцепления понятий и чувств».

Однако Чернышевский прекрасно отдавал себе отчёт в границах художественно-психологического анализа. Возникновение психологического процесса из жизненных положений и прямых воздействий материальной действительности, взаимопревращений психических процессов, вся их неосознанно-осознанная динамика могут быть *изображены, воспроизведены, типизированы* средствами искусства, но вскрыть их сущность и законы может лишь наука, имеющая своим предметом эти психические процессы, т. е. психология.

В русской философской литературе вопрос о предмете и задачах научной психологии был впервые поставлен со всей принципиальностью цельного материалистического подхода именно Чернышевским. Великий русский материалист и революционный демократ Чернышевский оценил все возможности психологии как науки и поставил вопрос о *причинности и закономерности* в психической деятельности человека. Эти идеи

Чернышевского оказали прямое влияние на все дальнейшее формирование русской научной психологической мысли.

В своей работе «Антропологический принцип в философии» Чернышевский показал, что пути развития так называемых нравственных наук вопреки общепринятому мнению не отличаются от путей развития естественных наук.

Указывая на то, что в Англии «науками» называются лишь математика, физика, астрономия и другие так называемые «точные науки» и что под «наукой» там не понимают ни истории, ни психологии, ни нравственной философии, ни метафизики, Чернышевский писал: «Действительно существует громадная разница между этими двумя половинами знаний по качеству понятий, господствующих в той и другой. Из одной половины каждый сколько-нибудь просвещенный человек уже удалил всякие неосновательные предубеждения, и все рассудительные люди уже держатся в этих предметах одинаковых коренных понятий»¹. Однако хотя «не так далеко от нас время, когда нравственные науки в самом деле не могли иметь содержания, которым бы оправдывался титул науки», всё же это время уже прошло. «Теперь, — говорит Чернышевский, — положение дел значительно изменилось. Естественные науки уже развились настолько, что дают много материалов для точного решения нравственных вопросов. Из мыслителей, занимающихся нравственными науками, все передовые люди стали разрабатывать их при помощи точных приемов, подобных тем, по каким разрабатываются естественные науки. Когда мы говорили о противоречиях между разными людьми по каждому нравственному вопросу, мы говорили только о давнишних, наиболее распространенных, но уже оказывающихся отсталыми, понятиях и способах исследования, а не о том характере, какой получают нравственные науки у передовых мыслителей; о прежнем рутинном характере этих знаний, а не о нынешнем их виде»².

Каков же нынешний вид этих нравственных наук, в том числе и психологии, судьбе которых Чернышевский придаёт такое исключительное значение?

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, 1938, стр. 77.

² Там же, стр. 80.

«По нынешнему своему виду, — продолжал Чернышевский, — нравственные науки различаются от так называемых естественных собственно только тем, что начали разрабатываться истинно научным образом позже их и потому разработаны еще не в таком совершенстве, как они. Тут разница лишь в степени: химия моложе астрономии и не достигла еще такого совершенства; физиология еще моложе химии и еще дальше от совершенства; психология, как точная наука, еще моложе физиологии и разработана еще меньше. Но, различаясь между собою по количеству приобретенных точных знаний, химия и астрономия не различаются ни по достоверности того, что узнали, ни по способу, которым идут к точному знанию своих предметов»¹.

Чернышевский далёк от того, чтобы превратить математическую точность в единственный критерий научного знания. Под истинно научным способом разработки нравственных наук он подразумевает установление в этих науках принципов объективной необходимости, закономерности, причинности. «Первым следствием вступления нравственных знаний в область точных наук было строгое различие того, что мы знаем, от того, чего не знаем». «В нравственных науках теперь строго разграничено известное от неизвестного, и на основании известного доказана несостоятельность некоторых прежних предположений о том, что еще остается неизвестным. Положительно известно, например, что все явления нравственного мира проистекают одно из другого и из внешних обстоятельств *по закону причинности*»².

Ещё недавно психология и нравственная философия, не будучи науками и не умея различать известное от неизвестного, возможное и действительное от невозможного, не могли признаваться в собственном незнании. «Теперь, к счастью, не то, — пишет Чернышевский: — психология и нравственная философия выходят из прежней своей научной нищеты, у них уже большой запас богатства, и они прямо могут говорить: «мы еще не знаем этого», если действительно не знают»³. Характер этого незнания свидетельствует,

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 80.

² Там же, стр. 81. Подчёркнуто нами. — Б. А.

³ Там же, стр. 83.

однако, о высоком уровне уже достигнутых знаний. Вопросы, на которые наука ещё не может ответить, имеют совершенно специальный характер, такой специальный, что и в голову они приходят только людям, уже порядочно знакомым с данной наукой. «Психология, например, открывает следующий факт, — продолжал Чернышевский: — при слабом умственном развитии человек не в состоянии понимать жизни, различной от его собственной жизни; чем сильнее развивается его ум, тем легче ему бывает представлять себе жизнь, непохожую на его жизнь. Как объяснить этот факт? При нынешнем состоянии науки строго научного ответа еще не найдено, а существуют только разные догадки. Скажите теперь, кому из людей, незнакомых с нынешним состоянием психологии, приходил в голову такой вопрос?»¹ Этот случай, по Чернышевскому, вполне аналогичен с состоянием вопроса о металличности или неметалличности водорода: люди, не знакомые с химией, не знают ни этого вопроса о водороде, ни самого водорода. «Как открытие водорода повело к усовершенствованию химической теории, так и открытие этого психологического факта имело своим последствием построение теории антропоморфизма, без которой ни шагу теперь нельзя ступить в метафизике»².

Самым существенным в научном становлении психологии Чернышевский считал установление в ней принципа *причинности*. Вследствие установления того, что *психические явления возникают из внешних обстоятельств по закону причинности и проистекают одно из другого*, «нынешняя психология не допускает, например, таких предположений: «человек поступил в данном случае дурно, потому что захотел поступить дурно, а в другом случае хорошо, потому что захотел поступить хорошо». Она говорит, — продолжает Чернышевский, — что дурной поступок или хороший поступок был произведен непременно каким-нибудь нравственным или материальным фактом, или сочетанием фактов, а «хотение» было тут только субъективным впечатлением, которым сопровождается в нашем сознании возникновение мыслей или поступков из предшествующих мыслей,

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 84.

² Там же.

поступков или внешних фактов»¹. Чернышевский подчёркивает, что и самая воля является лишь «звеном в ряду явлений и фактов, соединенных причинной связью».

Понимание того, что и в психической жизни господствуют определённые закономерности, существуют определённые необходимость и причинная обусловленность, ставит психологию и нравственные науки точно в такое положение, как и естественные науки.

Основным содержанием этих закономерностей Чернышевский считал зависимость психических явлений от «внешних обстоятельств», под которыми он понимал не только воздействие внешней среды, но и материальные условия существования самого организма, сложившийся образ жизни человека как психофизического существа. Важнейшим законом является для Чернышевского психофизическое единство человека, определяющее зависимость психических явлений от материальной жизни организма, т. е. физиологических процессов в нём. Далее, эти закономерности, по Чернышевскому, касались внутренней причинной связи самих психических явлений, вызванных обстоятельствами жизни (зависимость воли от мыслей, мыслей от потребностей и т. д.).

Выделение психологии в самостоятельную область научного знания не означало, однако, для Чернышевского обособления психологии от нравственных наук. Подобно Герцену и Белинскому он полагал, что психология, основывающаяся на физиологии и немыслимая без неё с точки зрения материалистической теории психофизического единства, тем не менее входит в область нравственных, общественных или исторических наук, а вместе с тем и философии. Ещё Герцен, как мы видели выше, проложил путь к пониманию с точки зрения материализма и материалистически переработанной диалектики своеобразного места психологии в системе научного познания. В этом же духе развивает свою психологическую концепцию Чернышевский, для которого психология есть область, непосредственно соединяющая естествознание с философией.

Для последовательного и цельного материалиста Чернышевского закономерности психической деятельности и сознания раскрывались лишь в свете понимания

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 81—82.

общих законов бытия материальной действительности. Внешний материальный мир, отражающийся субъективно в форме ощущений, представлений, мыслей, и материальная действительность организма человека и его высшего органа — мозга определяют содержание и механизмы психических процессов. С этой точки зрения и рассматривалась Чернышевским вся система понятий о субъекте и субъективных процессах, начиная с ощущения и кончая мышлением.

Мастерски владея диалектикой, Чернышевский нашёл пути к преодолению противоречия между предметностью психических процессов и их относительной действительностью. Известно, что противопоставление предметного содержания психических процессов и деятельного характера сознания проходит красной нитью через всю историю борьбы материализма и идеализма. Метафизический материализм с типичной для него «со-зерцательностью», ограниченным сенсуализмом и физиологически понимаемым субъектом в конечном счёте отрицал деятельную сторону субъекта. В противоположность этому Чернышевский утверждал действительность сознания, отражающего внешний мир не оторванно от деятельности человека, но именно в процессе этой деятельности. Не случайно поэтому Чернышевский, равно как и Герцен, считал деятельность человека одной из центральных категорий научной психологии. В реальной жизненной деятельности нужно искать причины активности, деятельного характера сознания. Именно с этой позиции Чернышевский в ещё большей мере, нежели Герцен, преодолевал ограниченный сенсуализм в психологии («механическую психологию» по Герцену) и раскрывал процесс становления содержания сознания.

Выдвигая понятие деятельности человеческой личности в качестве одной из центральных категорий психологии, Чернышевский отдавал себе отчёт в трудностях его определения при современном ему состоянии «нравственных наук». Поэтому он сначала обращался к выяснению более частного и более известного понятия деятельности органов тела.

«Если даже предположить, — писал Чернышевский, — совершенный недостаток точных исследований о какой-нибудь части жизненного процесса как об

отдельной специальной части, то нынешнее состояние точных знаний о других частях того же самого жизненного процесса уже дает нам приблизительное понятие об общем характере этой неизвестной части»¹. В свете этого положения Чернышевский приступает к анализу вопроса об отношении между чувствованиями и ощущениями, с одной стороны, и деятельностью — с другой.

«Феномен приятности или удовольствия, — пишет Чернышевский, — принадлежит той части жизненного процесса, которая называется ощущением. Предположим пока, что собственно об этой части жизненного процесса, как об отдельной части, еще нет у нас точных исследований. Посмотрим, нельзя ли чего-нибудь заключить о ней из тех точных сведений, какие приобрела наука о питании, дыхании, кровообращении. Мы видим, что каждое из этих явлений составляет деятельность некоторых частей нашего организма». *«Только деятельность какой-нибудь части организма дает возникновение тому, что называется явлениями человеческой жизни; мы видим, что когда есть деятельность, то есть и феномен, а когда нет деятельности, то нет и феномена; из этого видим, что и для приятного ощущения непременно нужна какая-нибудь деятельность организма»*².

Следовательно, по Чернышевскому, ощущение и вообще психические процессы, как и всякий феномен жизни, производятся деятельностью. В чём же заключается деятельность, производящая субъективные процессы? «Теперь анализируем понятие деятельности, — продолжает Чернышевский. — *Для деятельности необходимо существование двух предметов, действующего и подвергающегося действию, и деятельность состоит в том, что действующий предмет обращает свои силы на переработку предмета, подвергающегося действию*». «Итак, приятное ощущение также должно непременно состоять в том, что силою человеческого организма переделывается какой-нибудь внешний предмет»³.

Для Чернышевского (как затем и для его последователя Сеченова) деятельность и ощущение, производимое деятельностью, имеют своё общее начало

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 94.

² Там же, стр. 92—93. Подчёркнуто нами. — Б. А.

³ Там же. Подчёркнуто нами. — Б. А.

в предмете, в фактах объективной, материальной действительности. Ощущение отражает объективный, материальный факт; тот предмет внешнего мира, который подвергается действию, переделывается деятельностью человека.

Из того факта, что Чернышевский воспользовался аналогией деятельности человека в целом с деятельностью отдельных органов, никак нельзя делать вывода о натуралистической биологизации Чернышевским человеческой деятельности. Хотя Чернышевский и не мог стать на позиции историко-материалистического понимания человека, в его концепции явно намечаются тенденции, противоположные натуралистическому толкованию человеческой деятельности. Весьма характерно, что из такого, казалось бы, абстрактного вопроса, как определение деятельности вообще, Чернышевский делает следующие совершенно конкретные выводы в демократическом духе:

«Праздность есть отсутствие деятельности, — пишет он, — очевидно, что она не может производить феноменов так называемого приятного ощущения. Теперь становится нам совершенно понятно, почему во всех цивилизованных странах зажиточные классы общества жалуются на постоянную скуку, на неприятность жизни... По обычаю, внесенному в общество ошибочною гипотезою, с богатством соединена праздность, то-есть вещи, которые должны были бы служить источником удовольствия, лишены этою гипотезою возможности составлять удовольствие»¹.

Светскую жизнь Чернышевский характеризует как такую жизнь, в которой «нет нормальной деятельности, т. е. такой деятельности, в которой объективная сторона дела соответствовала бы субъективной его роли, нет деятельности, которая заслуживала бы имени серьёзной деятельности». «Светский человек принужден создавать себе взамен нормальной деятельности фиктивную; он лишен движения, имеющего объективную разумную цель и потому «делает моцион», т. е. убивает на пустое размахивание ногами столько же времени, сколько следовало употреблять на деловую ходьбу; он лишен

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 98.

физического труда и потому «занимается гимнастикой для гигиены», т. е. машет руками и качается корпусом... столько же времени, сколько следовало бы ему заниматься физической работой; он лишен дельных забот о себе и своих близких, потому занимается сплетнями и интригами, т. е. хлопочет мысленно над вздором столько же, сколько следовало бы хлопотать о дельных вещах... Жизнь проходит у нынешнего богача так, как идет она у китайца, кушающего опиум; противуестественное раздражение сменяется летаргиею, напряженное пресыщение пустою деятельностью, оставляя после себя все ту же пустую тоску, спасения от которой ищут в нем»¹.

Не ясно ли, что гимнастику или моцион, когда ими пытаются заменить действительную деятельность, Чернышевский считал фиктивной деятельностью, несмотря на то, что в них имеются все формальные физиологические признаки деятельности. Действительной, т. е. содержательной и разумной, деятельностью человека Чернышевский считал лишь труд, производящую деятельность человека.

Труд делает жизнь полной и прекрасной, только в процессе труда создаётся и совершенствуется сам человек и его сознание. Утверждение труда как единственно достойной человека деятельности лежит в основе эстетики и этики Чернышевского.

Ничтожество, пустота и мелочность «светской жизни», её уродство, несмотря на внешне блестящие формы, изображаются всегда Чернышевским сравнительно с полнотой жизни трудового народа, создающего реальные ценности своим трудом. Прекрасное есть выражение полноты жизни, но сама полнота жизни есть многообразие фактических отношений человека к действительности через разумную производственную деятельность. Полнота жизни создаётся трудом, пустота жизни — праздностью или фиктивной деятельностью. Отсюда нравственным, или добром, Чернышевский считал лишь то, что создано производительной деятельностью, трудом самого человека. Все положительные образы романов

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 93—94.

«Что делать?» и «Пролог» — это люди труда, живущие общей с народом жизнью, которые видят счастье и красоту жизни именно в труде.

В философско-материалистической концепции Чернышевского особое место занимает последовательно-материалистическое толкование проблемы ощущения и мышления.

Мы видели, что ощущение, по Чернышевскому, есть продукт деятельности человека над предметом внешнего мира. Оно даёт реальное отражение материальных вещей внешнего мира, и в этом смысле оно есть снимок, копия, образ внешнего мира.

В последние годы своей жизни Чернышевский решительно боролся против всяких новейших попыток идеалистического естествознания мистифицировать проблему ощущения и познавательной деятельности в целом.

В своей замечательной статье «Характер человеческого знания» Чернышевский саркастически изображает учёного, который выражает своё научное сомнение утверждением, что «мы знаем только наши представления о предметах, а самих предметов не знаем и не можем знать. Не зная предметов, мы не можем сличать с ними наши представления о них; потому не можем знать, походят ли наши представления о предметах на предметы. Быть может походят; но быть может, и не походят. Если походят, то они — представления о действительно существующих предметах. Если не походят, то они — представления не о предметах, действительно существующих, а о предметах несуществующих. Которая из этих двух альтернатив соответствует факту, мы не знаем и не можем знать»¹.

Взамен научной теории, которой, по Чернышевскому, может быть лишь теория философского материализма, такой учёный «удовлетворяется пошлым иллюзионизмом», как саркастически называл он субъективный идеализм в естествознании.

Борясь в 80-х годах против всяких модных неокантовских и махистских идей в естествознании, Чернышевский утверждал, что в результате этих спекуляций иллюзионизма понятия о движении, о материи сами

---

¹ Чернышевский, Полное собрание сочинений, Спб. 1906, т. X, ч. 2, стр. 1—2.

собою исчезают из нашего мышления. Известно, как высоко ценил Ленин эту принципиальную критику Чернышевского, которая была вполне на уровне критики идеализма в естествознании, данной Энгельсом.

Чернышевский утверждал, что ощущение и представление дают знания о самих предметах, как они есть в действительности. «Мы имеем знание неисчислимого множества предметов, — прямое, непосредственное знание их, их самих; оно дается нам нашею реальною жизнью. Не все наше знание таково. У нас есть сведения, добытые нами посредством наших соображений; есть сведения, полученные нами из рассказов других людей или из книг. Когда эти сведения достоверны, они также знание; но это знание не непосредственное, не прямое, а косвенное, не фактическое, а мысленное»¹. Но это мысленное опосредствованное знание также опирается на непосредственное, чувственное знание о материальных вещах.

Чернышевский не мог поставить вопрос о качественном своеобразии мыслительного процесса, но истинность этого опосредствованного знания не вызывала в Чернышевском никакого сомнения. Объективность «мысленного знания» определяется прежде всего теми чувственными знаниями, которые являются источниками мышления.

Согласно Чернышевскому, мышление есть самый сложный интегративный процесс сознания, где в переработке ощущений взаимодействуют и воображение и память. «Мышление состоит в том, — писал он, — чтобы из разных комбинаций ощущений, изготовляемых воображением при помощи памяти, выбирать такие, которые соответствуют потребности мыслящего организма в данную минуту, в выборе средств для действия, в выборе представлений, посредством которых можно было бы дойти до известного результата. В этом состоит не только мышление о житейских предметах, но и так называемое отвлеченное мышление»².

Основанное на ощущениях, т. е. непосредственных знаниях о вещах, мышление представляет собой прежде

---

¹ Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, ч. 2, стр. 4.

² Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 99.

всего *выбор* средств и целей (представлений о результатах) для *действий*, соответствующих потребностям «мыслящего организма».

Для понимания единства мышления с памятью и воображением в трактовке Чернышевского особенно характерным является его учение о прекрасном. Реалистическое понимание воображения и его связи с ощущениями и памятью, подчёркивание зависимости мышления от практической деятельности и потребностей очень последовательно развёрнуты Чернышевским в его эстетике.

Единство ощущением и мышления с действиями и потребностями имеет свою общую основу в *жизни человека*. Чернышевский с особенной остротой критиковал тех учёных, у которых в результате «иллюзионистских» спекуляций «реальная жизнь человека» оказывалась отброшенной. Ограничение человека его «мысленной жизнью» лишает всю науку, психологию особенно, основ для анализа самой этой «мысленной жизни», которая является лишь отражением реальной жизни. С точки зрения Чернышевского, научной может стать лишь такая психология, которая не отбрасывает реальную жизнь человека, а изучает её и возникающие на её основе мысленные продукты, отражающие реально существующие предметы материального мира.

Выступление Чернышевского в 80-х годах в защиту «действительной жизни» перекликается с его знаменитой магистерской диссертацией «Эстетические отношения искусства к действительности», написанной в 50-х годах. Известно, что свою диссертацию Чернышевский очень метко определил как «апологию действительности».

Природа и жизнь выше искусства, утверждал в своей диссертации Чернышевский. «Искусство есть воспроизведение действительности». Заканчивая своё материалистическое изложение эстетики, Чернышевский писал: «Наука не думает быть выше действительности; это не стыд для нее. Искусство также не должно думать быть выше действительности; это не унижительно для него. Наука не стыдится говорить, что цель её — понять и объяснить действительность, потом применить ко благу человека свои объяснения; пусть и искусство не стыдится признаться, что цель его... воспроизвести по

мере сил эту драгоценную действительность и ко благу человека объяснить ее»¹.

Трактат Чернышевского явился теоретическим обоснованием реалистического искусства, «апологией действительности сравнительно с фантазией». По определению Чернышевского, «прекрасное есть жизнь»; «прекрасное в объективной действительности вполне прекрасно» и «совершенно удовлетворяет человека»².

Эстетика человеческого образа, по мнению Чернышевского, есть частное приложение этого общего принципа. «Я пересмотрел, сколько позволяло место, — замечает в этой связи Чернышевский, — главные принадлежности человеческой красоты, и мне кажется, что все они производят на нас впечатление прекрасного потому, что в них мы видим *проявление жизни*, как понимаем ее»³.

Прекрасное в жизни человека является продуктом целесообразной, разумной деятельности самого человека. «От самого человека зависит, — пишет Чернышевский, — до какой степени жизнь его наполнена прекрасным и великим. Пуста и бесцветна бывает жизнь только у бесцветных людей, которые толкуют о чувствах и потребностях, на самом деле не будучи способны иметь никаких особенных чувств и потребностей, кроме потребности рисоваться»⁴.

Итак, прекрасное в жизни человека создаётся самой действительной жизнью человека, его реальной деятельностью, важнейшими побуждениями которой Чернышевский считает потребности и чувства.

Обобщая отдельные высказывания Чернышевского по психологическим вопросам, мы видим, что в понимании Чернышевского действительная жизнь, человеческая личность и её потребности составляют единое целое, определяющее психическое развитие человека. Трудно найти в России того времени другого мыслителя, которому до такой степени было чуждо функциональное понимание психики, психологический атомизм.

¹ Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, ч. 2, стр. 162.

² Там же, стр. 163.

³ Там же, стр. 90. Подчёркнуто нами. — Б. А.

⁴ Там же, стр. 116.

Говоря о мышлении, памяти, воображении, Чернышевский постоянно рассматривал их как свойства человеческой личности, отражающие объективную действительность.

Ставя в основу понимания психики реальную жизнь, Чернышевский выдвинул на первый план проблему потребностей как проявлений жизни, определяющих и мышление, и воображение, и память человека. Отсутствие потребностей у человека Чернышевский рассматривает как потерю жизни.

Блестящий образец оригинального материалистического решения психологических проблем в духе развиваемого им принципа Чернышевский дал в своей трактовке проблемы потребности.

К этой проблеме у русских мыслителей и исследователей всегда был особенно большой интерес. Начиная с Ломоносова, с его «парадоксов» о страстях и правилах удовлетворения страстей, продолжая Любовским и Галичем и кончая Герценом, *проблема внутренних побуждений* постоянно ставилась как одна из центральных психологических проблем.

Проблема эта в различной формулировке (то как проблема страстей, то как проблема желаний и хотений, то как проблема потребностей) охватывала весь круг вопросов *динамики* психической жизни, её эмоционально-волевой стороны.

Чернышевский вновь выдвигает эту проблему на первый план.

Проблема потребностей получает в философско-психологической теории Чернышевского первостепенное значение не потому, что она позволяет всю психологию ввести внутрь субъекта (как в современных «динамических» психологических теориях), но, напротив, именно потому, что эта проблема позволяет понять отношение субъекта к объекту, к материальной действительности.

«Природа... — писал Чернышевский, — не знает о человеке и его делах, о его счастье и гибели... Природа бесстрастна к человеку; она не враг и не друг ему»¹. Но природа является условием человеческого существования, она определяет жизнь человека. Это,

---

¹ Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, ч. 2, стр. 104.

однако, не значит, что суть человеческой жизни — в приспособлении к природе. В своей диссертации Чернышевский указывает, что природа не всегда соответствует потребностям человека и поэтому человек для спокойствия и счастья своей жизни должен во многом изменять объективную действительность именно для того, чтобы приспособить её к потребностям своей практической жизни. Таким образом, *активность* человеческого отношения к объективной действительности связана, по мнению Чернышевского, с деятельностью, приспособляющей эту действительность к потребностям практической жизни, а следовательно с созданием, производством необходимых материальных средств для удовлетворения не только физических, но и нравственных потребностей.

Касаясь вопроса о причине возникновения положительных и отрицательных нравственных качеств, Чернышевский писал: «Психология говорит, что самым изобильным источником обнаружения злых качеств служит недостаточность средств к удовлетворению потребностей... Психология прибавляет также, что человеческие потребности разделяются на чрезвычайно различные степени по своей силе; самая настоятельнейшая потребность каждого человеческого организма состоит в том, чтобы дышать; но предмет, нужный для ее удовлетворения, находится человеком почти во всех положениях в достаточном изобилии, потому из потребности воздуха почти никогда не возникает дурных поступков. Но если встретится исключительное положение, когда этого предмета оказывается мало для всех, то возникают также ссоры и обиды; например, если много людей будет заперто в душном помещении с одним окном, то почти всегда возникают ссоры и драки, могут даже совершаться убийства из-за приобретения места у этого окна. После потребности дышать (продолжает психология) самая настоятельная потребность человека есть и пить»¹. Здесь, как мы видим, имеется указание на роль материально-экономических условий для нравственного развития человека.

Основную и ведущую роль в развитии человека имеют потребности, создаваемые жизнью организма и

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 87.

его материальными отношениями к природе. Удовлетворение или неудовлетворение этих потребностей создаёт те или иные условия для возникновения нравственных и эстетических потребностей. Не имея возможности вскрыть подлинные причины отличия между потребностями человека и потребностями животных, Чернышевский тем не менее подчёркивает эту разницу и развивает при этом в работе «Критика философских предубеждений против общинного владения» оригинальный взгляд на эволюцию потребностей.

«Зрение, слух, обоняние для млекопитающего имеют только то значение, что служат средствами для прискакивания пищи, различения предметов и местностей, удобных и здоровых для целого организма, от нездоровых или неудобных и для избежания опасностей. Даже вкус служит почти только для рассортировки различных питательных материалов по степени их здоровости для целого организма». Так характеризовал Чернышевский полную зависимость ощущений от основных биологических потребностей у животных. В этих условиях невозможны собственные потребности зрения, слуха, обоняния и пр., относительно независимые от биологических потребностей питания, самосохранения и т. д. «Даже осязание очень мало служит для животных источником удовольствий, не зависящих от общих потребностей жизни целого организма. Даже половой инстинкт не занимает их собою, как самобытный источник ощущений»¹.

«Можно сказать, — продолжает Чернышевский, — что все ощущения животных и все их стремления являются только видоизменениями общих потребностей и чувств целого организма, именно, отправления желудка и чувства здоровья или болезни. Совершенно не такова жизнь человека. Каждое из его чувств достигает самобытного интереса для него; глаз, ухо и каждый из других органов чувств становится в человеке как будто каким-то самобытным организмом с собственной жизнью, с своими особенными потребностями и удовольствиями... Чем выше поднимается человек в своем развитии, чем цивилизованнее становится он, то-есть чем человечеснее становится его жизнь, тем больший и больший

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 173.

перевес берут эти частные стремления каждого органа к самостоятельному развитию своих сил и наслаждению своею деятельностью. Ощущения, доставляемые зрением, слухом и другими физическими чувствами, различные нравственные ощущения, игра фантазии, деятельность мышления все решительнее заслоняют собою интересность общего органического процесса для самого индивидуума, и, наконец, этот процесс (питание) сохраняет только тот интерес, какой придается ему наслаждениями отдельного органа вкуса»¹.

Здесь Чернышевский возвышается до подлинно диалектической постановки вопроса о потребностях. Частные потребности в ходе развития превращаются в общие, и, наоборот, общебиологические потребности (питание, размножение) превращаются у человека в потребности частные. Интересно соображение Чернышевского о том, что в ходе развития первоначально потребности определяют возникновение и развитие ощущений, но на высших ступенях ощущение, фантазия, мышление производят всё новые и новые потребности, сами превращаясь в известный вид актуальных потребностей. Исходя из понимания психики как стороны бытия, реальной жизни личности, Чернышевский ставит вопрос о законах, управляющих потребностями и интеллектуальными процессами, как материалист, а вопрос о взаимоотношении потребностей и этих процессов разрешает в духе диалектики.

На основе развития потребностей формируются страсти и чувства как отражение в сознании зарождения и удовлетворения потребностей организма. Страсть возникает из потребности, а характер страсти зависит от удовлетворения этой потребности. Общим законом человеческой жизни, по мысли Чернышевского, является то, что страсти достигают ненормального развития только вследствие ненормального положения человека и только в таком случае, когда естественная и в сущности довольно спокойная потребность, из которой возникает та или другая страсть, слишком долго не находила себе соответственного удовлетворения. По мнению Чернышевского, страсти (или эмоции) не могут быть

---

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 173—174.

вообще поняты без ощущений или чувственных впечатлений, и поэтому, ставя вопрос о границах и продолжительности действия страстей, он решает его путём выяснения границ и продолжительности действия ощущений, т. е. работы органов чувств. Приведя ряд примеров, свидетельствующих о зависимости между интенсивностью и продолжительностью действия потребностей, страстей и чувств, Чернышевский подчёркивает определяющую роль деятельности человека в изменении развития его внутренних побуждений.

Для наших целей особенный интерес в воззрениях Чернышевского представляет постановка им вопросов общей теории личности.

В этой связи надо прежде всего остановиться на написанных Чернышевским в последние годы жизни дополнениях к «Всеобщей истории» Вебера, дающих анализ «научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории».

В одном из этих дополнений, озаглавленном «О расах», Чернышевский отправляется как от бесспорного от следующего положения: «Все расы произошли от одних предков». Далее он устанавливает независимость высоты психического развития от расовых признаков. «Цвет кожи, — пишет он, — красивость лица — не такие особенности, которые имели бы прямую связь с умом и характером. Относительно цвета кожи понятно само собой, что он не имеет непосредственного отношения к деятельности головного мозга. Нельзя найти никаких физиологических причин, почему белый, или желтый, или черный цвет кожи мог бы считаться благоприятным или неблагоприятным для высокого развития умственной жизни или результатом какого-нибудь ее состояния»¹. Условия исторической жизни народа, а не его расовая принадлежность, определяют высоту его культурного развития. В этом вопросе Чернышевский очень близко подошёл к историческому материализму, что лучше всего показывает, насколько далёк был антропологизм Чернышевского от вульгарно-биологического антропологизма современных ему буржуазных натуралистов.

---

¹ Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, ч. 2, стр. 91.

В постановке Чернышевским проблемы расы психологический интерес представляет то положение, которое уже встречалось у его соратника, Добролюбова, в критике френологии, а именно — отрицание правильности вульгарных антинаучных параллелей между физической внешностью человека и его умом и характером. Здесь обнаруживается отрицательное отношение Чернышевского ко всякому вообще фатализму. Ещё в своей магистерской диссертации, анализируя понятие «судьбы человека», Чернышевский противопоставляет фатализму принцип цельной творческой *деятельности* человека и принцип личной *ответственности*.

С этой критикой фатализма связано и особое внимание Чернышевского к вопросу о формировании личности человека, особенно его характера. С целью наиболее правильно определить характер и его возможности Чернышевский выделяет из него понятие темперамента, анализируя его особо.

Нужно отметить, что в постановке проблемы темперамента и характера Чернышевский не только опередил своих современников, но и предвосхитил некоторые идеи, разрабатываемые в наше время советской психологией.

«Относительно нравственных качеств, — писал Чернышевский, — должно предполагать, что от родителей наследуются те склонности, которые прямо обусловлены так называемым темпераментом (в тех случаях, когда наследуется темперамент)»¹. Однако «из этого еще не следует ничего о наследовании хороших или дурных нравственных качеств. Темпераментом определяется только степень быстроты движений и, вероятно, перемен душевного настроения. Должно думать, что человек, имеющий быструю походку, расположен к более быстрой смене настроений, чем человек, движения которого медленны. Но этой разницей не определяется то, который из них более трудолюбив, и тем менее определяется степень честности или доброжелательности того или другого; не определяется даже и степень рассудительности. Торопливость или нерешительность — не качества темперамента, а результаты привычек или затруднительных обстоятельств. Суетливыми,

¹ Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, ч. 2, стр. 149.

опрометчивыми, безрассудными бывают и люди, имеющие тяжелую, медленную походку. Нерешительными бывают и люди с быстрой походкой»¹.

И далее Чернышевский развивает мысль о том, что природные качества темперамента претерпевают глубочайшие преобразования в процессе жизни человека. «Особенного внимания заслуживает то обстоятельство, — говорит он, — что быстрота движений и речи, сильная жестикуляция и другие качества, считающиеся признаками природного расположения, так называемого сангвинического темперамента, а противоположные качества, считающиеся признаками флегматического темперамента, бывают у целых сословий и у целых народов результатом только обычая»². «У тех народов, где общество делится на резко обособленные классы, эти кажущиеся признаки темпераментов оказываются на самом деле только сословными привычками»³.

Для доказательства этого положения Чернышевский приводит ряд примеров: «Те люди, которым их старшие родные и знакомые внушают привычку держать себя с достоинством, почти все с очень ранних лет привыкают к плавности движений и речи; наоборот в тех сословиях, где считается надобной резкость движений и речи, почти все с молодости привыкают к сильной и быстрой жестикуляции, к пронзительному и быстрому тону речи»⁴.

В другом месте Чернышевский, вновь возвращаясь к темпу движений и речи, устанавливает, что этот темп находится в тесной связи с обычаями сословий или профессий, к которым люди принадлежат, с их понятиями о своей личной, семейной важности или низости своего общественного, семейного, личного положения, с их довольством или недовольством ходом своей жизни, с состоянием их здоровья и вообще с обстоятельствами, имеющими влияние на душевное настроение.

«Природный темперамент вообще заслоняется влияниями жизни, — заключает Чернышевский свои рассуждения о темпераменте, — так что различить его

---

¹ Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, ч. 2, стр. 149.

² Там же.

³ Там же, стр. 149—150.

⁴ Там же, стр. 149.

несравненно труднее, чем обыкновенно предполагают: внимательно разбирая факты, мы должны прийти к мнению, что врожденные склонности к быстроте или медленности движений и речи слабы и гибки, что главное дело не в них, а в том влиянии, какое оказывают на народы племя или сословие народа, обстоятельства жизни»¹.

Исследование Чернышевским вопроса о темпераментах приводит его к убеждению, что определяющую роль в формировании и развитии характера играет не наследственность и не телосложение, а обстоятельства жизни и деятельности (поступки) самого человека.

Критикуя попытки поверхностного оперирования аналогиями и параллелями между наружностью, телосложением, с одной стороны, и внутренним складом человека, его умом и характером — с другой, Чернышевский писал, что «вообще достоверные сведения об уме и характере человека мы до сих пор не можем приобретать никакими рассуждениями по каким-нибудь общим основаниям. Они приобретаются только изучением *поступков* этого человека»². Характер формируется делами самого человека и является продуктом всего предшествующего воспитания и образа жизни. Чернышевский многократно подчёркивал мысль о том, что развитие личности ребёнка «определяется качествами старшего поколения», по образцу которого или в противоречии с которым складываются черты характера подрастающей, формирующейся личности.

В трактовке развития характера и источников его формирования Чернышевский вступает в противоречие с ограниченностью антропологического взгляда на человека лишь как на цельное *органическое существо*. Социальный характер развития человека, своеобразие человека как *исторической личности*, а не расовый источник различий между народами — все эти положения Чернышевского выходили далеко за пределы антропологических воззрений.

Но всё же, как указывал Ленин, Чернышевский «не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»³. Это сказалось и в отдельных психологических взглядах

¹ Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, ч. 2, стр. 151.

² Там же, стр. 92. Подчёркнуто нами. — Б. А.

³ Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 295.

Чернышевского, например в понимании им психологии животных. Поскольку для Чернышевского человек был прежде всего «мыслящим организмом», постольку и животные, особенно высшие позвоночные, сходные в органическом отношении с человеком, наделялись им сознанием. В «Антропологическом принципе» Чернышевский развивает антропоморфические взгляды, очень распространённые в то время в биологии. Нужно, конечно, отметить, что в то время антропоморфизм играл относительно прогрессивную роль, сближая человека с природой и устанавливая не только материальную, но и духовную общность человека и животных. Однако антропоморфизм неизбежно препятствует правильному пониманию не только психики животных, но и сознания человека, являющегося в действительности «изначально-историческим продуктом».

Конечно, эти слабые стороны философско-психологических воззрений Чернышевского не могут заслонять огромного исторического значения Чернышевского не только в развитии русской общественной мысли и философии, но и в истории русской психологии. Н. Чернышевский и его последователи и единомышленники (Добролюбов, Антонович) сыграли исключительную роль в формировании русской научной психологии, борясь против идеализма и реакционных теорий и выдвигая материалистическое понимание психики как единственно научную психологическую теорию. Духу и способностям спиритуалистической психологии они противопоставили жизнь и потребности, на основе которых развиваются умственные процессы.

Вся деятельность Чернышевского была связана с политической борьбой против крепостничества и его идеологии, что определяло остроту и непримиримость его материалистических позиций, в частности и в психологии.

Чернышевский и его воинствующий материализм стал знаменем передовых людей России 60-х годов. Идеи Чернышевского вошли в плоть и кровь передовой русской науки того времени. Ими определилось и идейно-теоретическое направление И. М. Сеченова.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ И. М. СЕЧЕНОВЫМ

Сеченов был смелым преобразователем и нервной физиологии и психологии. Он был одним из лучших представителей славных традиций передовой русской общественной мысли в русской науке 60—90-х годов.

Устанавливая общность мировоззрения Сеченова и Чернышевского, С. Е. Драпкина¹ показала, что знаменитый трактат И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», впервые вышедший в 1862 г., был блестящей конкретизацией идей Чернышевского и Антоновича, развивавшихся ими в «Современнике».

Ещё в «Антропологическом принципе» Чернышевский, подходя к вопросу о единстве природы человека, указывал, что естественные науки открывают связь между разнородными качествами одного предмета «не по формам обнаружения, не по явлениям, которые решительно несходны, а по способу происхождения разнородных явлений из одного и того же элемента»². Можно полагать, что, основываясь в значительной мере на этом положении Чернышевского, Сеченов видел свою задачу именно в том, чтобы показать, что психика и нервный процесс — два качественно разнородных явления, имеющие один и тот же источник своего происхождения.

¹ С. Е. Драпкина, Н. Г. Чернышевский и И. М. Сеченов («Физиологический журнал СССР», т. XXVIII, вып. 2—3, 1940, стр. 147—156).

² Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 63.

Как известно, основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию — Сеченов решал материалистически. «Предметный мир, — писал он, — существовал и будет существовать, по отношению к каждому человеку, раньше его мысли; следовательно, первичным фактором в развитии последней всегда был и будет для нас внешний мир с его предметными связями и отношениями»¹.

Одним из первых и важнейших положений, сформулированных Сеченовым в физиологии центральной нервной системы, было установление целостности нервного акта, единой природы его чувственной, центральной и двигательной деятельности. Сеченов подчёркивал невозможность правильно анализировать механизм движений без их чувственного компонента (ощущение, впечатление), равно как неправомомерность любого противопоставления центра периферии в работе нервного аппарата. Большое внимание уделял Сеченов работе органов чувств для понимания деятельности центральной нервной системы; это определялось важнейшим его материалистическим тезисом: «Нервная система не может работать иначе, как за счет внешних сил». Зависимость нервной системы от внешнего мира, возбуждающего её деятельность, осуществляется прямо и непосредственно органами чувств, функциями которых являются ощущение, чувствование.

Сеченов считал, что «чувствование тоже можно рассматривать как своеобразную работу, входящую звеном в цепь других рабочих процессов животного организма». Эта своеобразная работа заключается в переработке нервной системой воздействий внешнего мира.

Уже в своём первом психофизиологическом труде Сеченов трактует рефлекс как отражение в широком смысле слова, возникающее в результате раздражения со стороны внешнего мира чувствующей поверхности, составляющей часть нервного механизма.

Сеченов показал, что рефлекторный механизм характеризует не только спинно-мозговую деятельность, но и деятельность головного мозга, являющегося непосредственным материальным субстратом психики.

---

¹ И. М. Сеченов, Элементы мысли, Сборник избранных статей, 1943, стр. 210.

Оценивая впоследствии это открытие, И. П. Павлов назвал его гениальным взмахом сеченовской мысли.

В характеристике центрального звена рефлекса Сеченов особенно подчёркивает его психический характер. Именно поэтому Сеченов отвергает идеалистическое понимание психических процессов как процессов самостоятельных и настаивает на понимании их как интегральной части нервного процесса. В таком плане психический элемент — сознание — невозможно оторвать от своего начала — внешнего импульса и от своего завершения — поступка, действия. Во всех своих трудах как по физиологии центральной нервной системы, так и по психологии Сеченов всегда стремится показать единство нервно-психического процесса.

Исследовательская мысль Сеченова шла от общего понимания закона центрально-нервных процессов к *психофизиологическому* пониманию конкретных проявлений высшей нервной деятельности. Особенно важным в этом отношении оказалось открытие им явления центрального торможения, которое дало ему возможность показать чувственную основу происхождения произвольного действия и с наибольшей яркостью обнаружило возможность и необходимость двухстороннего психофизиологического исследования в этой пограничной области. Очень интересны с этой точки зрения и исследования в области психофизиологии органов чувств, где Сеченов развил весьма плодотворное учение об органах чувств как об «аналитических снарядах», впоследствии развитое Павловым в его учении об «анализаторах».

Не менее существенной является и его теория взаимодействия органов чувств. Так, например, общность зрения и осязания, по Сеченову, заключается в том, что только они обладают способностью свои впечатления относить к производимым причинам, в то время как другие виды чувствительности приобретают эту способность лишь во взаимодействии со зрением и осязанием. Рассматривая деятельность как реальные встречи человека с внешним миром, как основу психического развития и познания, Сеченов прекрасно и глубоко очертил роль зрения и осязания в их совместной деятельности и их относительную ценность в различных условиях и в различных целях. Зрение даёт возможность

отражения пяти качеств предмета: его очертаний или контуров, величины, формы, цвета и положения в пространстве (относительно глаза). Сумма кожных ощущений разнообразнее по содержанию, так как за исключением цвета осязание включает в себя все зрительные категории и, помимо этого, тепло, гладкость или шероховатость, твёрдость, упругость или мягкость воспринимаемой поверхности. В своём сочетании зрение и осязание дают возможность многостороннего активного чувственного познания внешнего мира. Согласно Сеченову, ведущую роль играет при этом рука как одновременно чувствующее и действующее орудие, что наиболее ярко обнаруживается у слепых. Являясь органом активного осязания, руки служат человеку подвижно во всех тех направлениях, что и глаза (вверх, вниз, вправо, влево и т. д.). Осязательную поверхность, эквивалентную сетчатке глаза, представляет ладонь. Рука же в целом с её подвижностью во всех сочленениях служит аппаратом, перемещающим осязательную поверхность ладони в пространстве, и часто играет ту же роль в актах пространственного осязания, что и мышечный аппарат глаз.

Специально анализирует Сеченов значение мышечного чувства как общего компонента ряда сложных чувствований. Оригинально обрисовав генезис мышечного чувства в процессе развития человека, Сеченов показывает, как движение, в частности ходьба, превращает мышечное чувство в *измеритель или дробный анализатор пространства и времени*¹.

Исследования и идеи Сеченова об ощущениях и деятельности органов чувств заслуживают самого глубокого внимания психологов и физиологов.

Исходя из своего понимания психики, Сеченов ставит перед психологией следующую основную задачу: *«Научная психология по всему своему содержанию не может быть ничем иным как рядом учений о происхождении психических деятельностей»*². Психология должна изучать историю развития ощущений, представлений, мысли, чувства и пр., а также *«способы сочетания всех этих видов и родов психических деятельностей*

---

¹ См. И. М. Сеченов, *Элементы мысли*, стр. 187.

² Там же, стр. 33.

друг с другом, со всеми последствиями такого сочетания»¹. Психолог должен выводить изучаемые им процессы из целостной нервной деятельности, так как для Сеченова нервный процесс как результат внешнего раздражения является необходимым источником всякой психической деятельности. Именно в лице Сеченова, вероятно, видел Ленин прототип того научного психолога, который, отбросив общие философствования о душе, взялся за изучение конкретных психических процессов и их материального субстрата, т. е. нервных процессов².

Несмотря, однако, на то, что Сеченов в отдельных пунктах поднимается до диалектико-материалистического понимания психики, его концепция психической деятельности содержит ряд механистических моментов. По Сеченову, психическая деятельность как субъективное отражение объективного чувственного раздражения находит своё внешнее выражение лишь в мышечном движении. Эта мысль, доведённая до своего логического конца, приводит к заключению, что вся сложная и многообразная человеческая деятельность как по содержанию, так и по выражению есть лишь нервно-мышечное реагирование, что, как известно, и было положено рефлексологами и бихевиористами в основу развиваемой ими механистической психологии. Из правильного положения о том, что *исходные психические деятельности должны представлять со стороны начала актов (чувственное возбуждение) сходство с рефлексам*, Сеченов делает затем неправильное заключение об универсальности рефлекса во всех областях и на всех ступенях развития психической деятельности. Между тем только *исходные* психические деятельности и только со стороны начала актов действительно представляют сходство с рефлексам.

Развивая свои мысли о построении психологии физиологами, Сеченов исходил из того, что психология лучше всего может быть разработана с помощью физиологических методов, вскрывающих механизм психических явлений. Эти методы он противопоставлял мето-

---

¹ И. М. Сеченов, *Элементы мысли*, стр. 33.

² См. Ленин, *Сочинения*, т. I, стр. 127.

ду самонаблюдения как единственному методу субъективной психологии. При этом основной задачей Сеченова было вырвать психологию из мертвящих рук «психологов-метафизиков» и передать её в руки естествоиспытателей-экспериментаторов.

Необходимо, однако, отметить, что Сеченов не ограничил научную психологию одним лишь физиологическим методом. Он всегда подчёркивал роль генетического метода в психологии. Отсюда внимание его к психологии животных, психологии ребёнка, к вопросам исторического развития представлений, мышления и речи. Критикуя субъективную психологию, целиком основанную на самонаблюдении, Сеченов не отбрасывал совсем метода самонаблюдения, считая, что одна из выдающихся сторон психических явлений — сознательный элемент — может подлежать исследованию только на самом себе, при помощи самонаблюдения. Он дал и прямой образец использования самонаблюдения в экспериментальном исследовании о влиянии раздражения чувствующих нервов на мышечную работу человека¹, в котором полученные данные подтвердились и физиологическим экспериментом.

Показательным для психологического направления И. М. Сеченова является характер разрабатывавшихся им психологических проблем. К ним относится прежде всего проблема произвольных действий и происхождения их из непроизвольных движений. Здесь Сеченов раскрывает своё материалистическое понимание эмоций и воли, представлений, памяти и мышления. В проблеме представлений и памяти Сеченов, продолжая в целом развивать ассоциативную теорию памяти, идёт дальше неё главным образом в *генетическом* анализе этих процессов. В разработке этой проблемы Сеченовым важно отметить выяснение им роли усвоения исторического опыта отдельным человеком в развитии его памяти. Необходимо также отметить, что в трактовке Сеченова память не сводится к одному лишь запечатлению, а характеризуется прежде всего типом *организации* запечатлеваемых представлений, связанной с произвольной деятельностью человека.

---

¹ См. Сеченов, Собрание сочинений, т. I, М 1907, стр. 244 — 261.

Сеченов проявляет особый интерес к проблеме мышления. С его точки зрения познание не ограничивается чувственным опытом, но развивается от чувственного восприятия к предметному мышлению; анализ которого дан Сеченовым с очень большой полнотой и глубиной¹. В специальных работах о мышлении он подробно анализирует генезис основных форм мышления, к которым он относил анализ, синтез и классификацию. При этом он опирается главным образом на добытый им самим материал наблюдений над развитием мышления ребёнка.

В отличие от Гельмгольца, во многом идеалистически разрешавшего проблему восприятия, Сеченов в проблеме ощущения и восприятия стоял на последовательно материалистической точке зрения, опираясь при этом на достижения естествознания. Но для правильного разрешения проблемы мышления и речи этого было недостаточно. Отождествляя мышление с речью, рассматривая мысль лишь как заторможённую речь, Сеченов превратил частную особенность речи — символизацию — во всеобщий закон мышления.

Труды И. М. Сеченова, последовательно создававшего научную психологию, производили глубокое революционизирующее действие, устрашавшее идеалистов и эклектиков разнообразных направлений. Неудивительно, что его психологические взгляды с самого начала вызвали острую критику. Наиболее развёрнутым ответом на «Рефлексы головного мозга» со стороны идеалистического лагеря явилась вышедшая в 1872 г. книга Кавелина «Задачи психологии», основным содержанием которой была критика материалистического понимания психики вообще и воззрений Сеченова в частности. На эту книгу Сеченов в свою очередь ответил большой статьёй: «Кому и как разрабатывать психологию».

Критика Сеченова идеалистами продолжалась и в 80-х и в 90-х годах. Эта дискуссия являлась выражением наиболее острой формы борьбы материализма и идеализма в русской психологии конца XIX в.

В 1881 г. Остроумов публикует книгу «О физиологическом методе в психологии», составленную из

¹ См. И. М. Сеченов, *Элементы мысли*, статью «Предметная мысль и действительность».

отдельных критических статей против Сеченова, первоначально печатавшихся в официальном органе церкви—журнале «Вера и разум». Прежде всего Остроумов осмеивает всякую физиологическую психологию за отрицание самодеятельности души. В этой связи он обрушивается также и на Вундта, несмотря на ряд уступок последнего классической интроспективной психологии. Особенное порицание Остроумова вызвала попытка Сеченова свести психические явления по их происхождению к физиологическим процессам.

Главная задача сочинения Остроумова заключалась в том, чтобы показать одиночество Сеченова в физиологии и его конфликт с господствовавшей физиологией органов чувств, опиравшейся в своих философских основах на кантианские традиции. Действительно, направление Сеченова в физиологии органов чувств отличалось от направления Гельмгольца тем, что Сеченов исходил из обусловленности деятельности органов чувств процессами мозга, его «отражательной» деятельностью. Даже в сравнительной оценке трудов Гельмгольца по физиологической оптике и акустике Сеченов обнаружил свой собственный материалистический критерий. Он оценивал учение Гельмгольца о слуховых ощущениях гораздо выше, нежели его учение о зрении, на том основании, что в физиологической акустике Гельмгольц установил «согласие... между физической и чувственной стороной явлений», тогда как в физиологической оптике Гельмгольца «такого согласия между внешним воздействием и чувственной реакцией еще не установлено»¹.

Сеченов мужественно противостоял всем попыткам извратить и опознать его философско-психологические взгляды. И в 90-х годах он продолжает публиковать теоретические статьи, в которых материализм, вооруженный действительным знанием тех механизмов, которые определяют психические процессы, выступает против всякого рода идеалистических фальсификаторов и их псевдонаучных «обоснований» физиологии органов чувств и физики.

Большой заслугой русской передовой науки 70—90-х годов в целом является та идейная поддержка, которая была оказана Сеченову в его борьбе за основание

---

¹ Сеченов, Собрание сочинений, т. II, М. 1908, стр. 439.

научной психологии. Великие русские учёные и мыслители Менделеев и Тимирязев, замечательный русский естествоиспытатель и педагог Лесгафт, крупнейшие психиатры Корсаков и Бехтерев встали на защиту сеченовских позиций в психологии, отстаивая в них выражение передовых тенденций всего русского естествознания.

70-е годы в истории русской культуры были началом мрачной реакции, ознаменовавшейся возвращением буржуазии и дворянства, напуганных революционным движением в России и ещё больше призраками коммунизма в Европе (Парижская коммуна), к самым «диким суевериям», мракобесию и мистицизму. Волна бурного увлечения мистицизмом прокатывается в эту эпоху по всей России. Особенно большое распространение среди буржуазных обывателей получил в эти годы спиритизм, с жестокой и уничтожающей критикой которого выступил Менделеев.

Борьба Менделеева против спиритизма и его дискуссия с защитниками спиритизма составляют одну из замечательных страниц в истории передовой русской науки.

По инициативе Менделеева физико-математическое общество при Петербургском университете занялось критической проверкой и исследованием так называемых спиритических явлений, причём Менделеев с самого начала не скрывал своей задачи разоблачить спиритизм, показать истинный характер этого суеверия и уничтожить веру в него у русских читателей. Для этого Менделеев считал необходимым привлечь внимание общества и науки к изучению психической деятельности, так как разработка этого материала наукой наносит удар по главному предмету суеверий и предрассудков. «Такой предмет, — говорил Менделеев, — и составляет деятельность психическая, относительно которой ныне распространены в массах, преимущественно противу других предметов, наиболее суеверные понятия... Немного осталось предметов, питающих суеверие в такой же мере, как психическая деятельность людей»¹.

С большой страстью Менделеев высказывает своё убеждение в том, что «придет черед и вопросу о

---

¹ Д. Менделеев, Материалы для суждения о спиритизме, Спб. 1876, стр. 377.

деятельности психической»¹, с которой будет окончательно сорвана мистическая завеса идеализма в любых его проявлениях.

Своей критикой спиритизма Менделеев поставил задачу полного устранения веры из области психологии и превращения её целиком в область материалистически обоснованного научного знания. Это, конечно, полностью совпадало с сеченовскими принципами.

К сеченовским позициям горячо примыкал и Тимирязев в его критике витализма в биологии, пытавшегося (например, в лице Фоминцына) использовать идеалистическую психологию в качестве основания всей биологии и даже ботаники. Тимирязев принял участие в дискуссии о физиологии и психологии с целью окончательно устранить из науки мистицизм и неовитализм.

Восхищаясь Сеченовым и считая, что именно им создана научная психология на физиологической основе, Тимирязев затем одним из первых оценил и работы И. Павлова, видя в них учение, которое коренным образом перестроит естествознание и повлияет на судьбы психологии.

Выдающуюся роль в развитии русской научной психологии сыграл крупнейший русский анатом профессор П. Лесгафт. Будучи человеком передовых научных и общественных убеждений, активным общественным деятелем и популярнейшим в Петербурге «вольным» учителем молодёжи, Лесгафт проявлял большой интерес к педагогическим и психологическим вопросам. Его взгляды в этих областях науки отражают его гуманистические идеи и общественно-нравственные направления всей его деятельности. Несомненно влияние на его мировоззрение материализма Чернышевского и научных принципов физиологии и психологии Сеченова.

Подчёркивая на примере анализа психического акта единство нервно-психических процессов, Лесгафт сделал вывод о том, что «всякое возбуждение или раздражение непременно переходит или непосредственно в мышечное сокращение или в умственную работу».

Соответственно своему пониманию нервно-психического развития Лесгафт в 1884 г. в своей знаменитой

---

¹ Д. Менделеев, Материалы для суждения о спиритизме, стр. 380.

книге «Школьные типы», устанавливая периодизацию индивидуально-психического развития человека, стремился показать вычленение из первоначальной рефлекторной деятельности нервно-психической сферы подражательности и на её основе — творчества. Тем самым он принимал рефлекторную теорию для объяснения начального развития человеческой психики и отвергал её как объяснение всего процесса формирования и развития психики.

Подчёркивая роль подражательности в развитии личности ребёнка, Лесгафт раскрывал свою основную идею, согласно которой родители творят своих детей не только физически, но и нравственно, вызывая у них подражание как своим достоинствам, так и своим порокам и недостаткам¹.

Именно на этом положении основана резкая критика Лесгафтом реакционных толкований учения о наследственности, находивших широкое отражение в педагогической литературе того времени. «Типичность как последствие влияния семейной жизни, — писал Лесгафт, — прямо исключает наследственность; ребенок не рождается лицемером, а становится таковым в семье, не приучаясь рассуждать и не получая понятия о правде; он не появляется на свет честолюбивым, а таким делается постоянным поощрением отличиями и восхищением его действиями и способностями»².

В то время, когда фатализм господствовал в буржуазном естествознании, медицине, психологии и педагогике, доходя до таких чудовищных выражений, как антропологическая криминология Ломброзо или писания Мебиуса о женщинах, Лесгафт выступает со смелым опровержением реакционных извращений в учении о личности и её воспитании. «Исключительно индивидуальные, самостоятельные проявления или проявление характера лица, — пишет он, — по самому уже определению, не могут быть наследственными, ибо в последнем случае они не были бы индивидуально проявленными, самостоятельными видоизменениями типичных действий. Характер выражается волевыми проявлениями

---

¹ Ср. с идеями Чернышевского об источниках характера.

² П. Лесгафт, Школьные типы. Семейное воспитание ребенка и его значение, ч. II, Спб. 1890, стр. 241.

лица, и эти проявления должны быть противопоставлены стадным, имитированным, или от предков по наследству переданным действиям и их видоизменениям».

«Из всего этого необходимо заключить, — продолжает Лесгафт, — что способности лица могут быть унаследованы только в виде темперамента, выражающегося различиями в силе и скорости действий и размышлений, в энергии их проявления, которая еще изменяется в различном возрасте, смотря по условиям, при которых живет человек; *ни в каком другом смысле передача наследственных способностей не может быть допущена, что, без сомнения, необходимо помнить при воспитании*»¹.

В 1890 г. Лесгафт развил своё учение о темпераменте, типе и характере детей, имеющее исключительный научный интерес.

Характерологическую точку зрения Лесгафт проявил и в своей теории физического воспитания, видя в нём также средство развития и изменения темперамента. Теория физического воспитания и теория характера у Лесгафта теснейшим образом переплетаются. Будучи последовательным материалистом, Лесгафт, однако, высоко расценивал активность сознания как свойства мозга и одно из важных проявлений этой активности видел в труде и физических усилиях тела человека.

---

¹ П. Лесгафт, Школьные типы. Семейное воспитание ребенка и его значение, ч. II, стр. 241—242. Подчёркнуто нами. — Б. А.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАЗРАБОТКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РОССИИ

Сеченов положил основание наиболее прогрессивному направлению научной психологии в России не только в отношении её основных идей, но и в отношении её экспериментально-методических предпосылок. Им были намечены пути объективного исследования психических процессов посредством эксперимента, сравнительно-генетического метода и посредством критического использования метода самонаблюдения, пути, подготовившие во многом оригинальное использование русскими учёными экспериментально-психологических методов, разработанных на Западе¹.

Первым и непосредственным продолжателем сеченовских принципов в экспериментальной психологии следует считать выдающегося учёного профессора И. Тарханова, одного из ближайших учеников и сотрудников Сеченова.

Наибольший интерес в этом отношении представляют работы его «О психомоторных центрах и развитии их у человека и животных» (1879) и «О гальваническом явлении в коже человека при раздражении органов чувств и различных формах психической деятельности» (1889). Последнюю работу можно назвать классической; она (вместе с одновременной работой Фере) положила

---

¹ Так, например, вундтовские экспериментально-психологические приёмы, применённые впервые в России психиатрами В. Бехтеревым и Токарским, были значительно изменены и дополнены ими под влиянием сеченовской концепции психологии.

начало разработке теории и методики так называемого психогальванического рефлекса.

Психофизиологический метод исследования, намеченный Тархановым первоначально в работе о психомоторных центрах и полностью реализованный в исследовании психогальванических явлений, представляет собой, в сущности, развитие идей И. М. Сеченова о единстве чувствительного и двигательного звена в нервно-психическом акте. Тарханов сделал крупный вклад в развитие научной психологии в России, который ещё недостаточно оценён в нашей литературе.

Интерес к психологии как науке сравнительной и отчасти обосновывающей психиатрию был чрезвычайно сильным среди психиатров в период создания русской психиатрии. Многие крупные психиатры считали необходимым получить специальное экспериментально-психологическое образование. Так, например, Бехтерев и Чиж получили такую подготовку в лаборатории Вундта.

Очень важной для развития экспериментальной психологии была научная деятельность основателя московской психиатрической школы профессора С. Корсакова.

С. Корсаков был инициатором создания первой психологической лаборатории при Московском университете, заведывание которой было поручено его сотруднику Токарскому. Корсаков был также в числе инициаторов создания Московского психологического общества и, входя в течение многих лет в совет общества, представлял в нём экспериментальную психологию. Под руководством Корсакова был выполнен ряд психологических исследований, из которых в первую очередь надо назвать работы А. Н. Бернштейна: «Мир звуков, как объект восприятия и мысли», «О восприятии постоянных и переменных раздражений», а также имевшую в своё время известное значение «Методику экспериментально-психологического исследования душевнобольных». По настоянию С. Корсакова была опубликована работа Суханова «Учение о нейронах в приложении к объяснению некоторых психических явлений», резко выдвигавшая ряд материалистических положений.

В числе работ самого С. Корсакова особый теоретический интерес представляет его работа «К психологии микроцефалов», в которой на разборе специального

случая Корсаков показывает недостаточность ассоциативно-психологического объяснения умственной деятельности и делает попытку материалистически объяснить явление понимания смысла, не сводимое к ассоциации представлений.

В основанной Токарским по поручению профессора Корсакова экспериментально-психологической лаборатории было произведено большое количество экспериментальных работ. В издававшихся лабораторией «Записках» Токарский уделял большое внимание неврологическим основам психических процессов. В своей программной статье «Введение в психологию» Токарский, утверждая «самостоятельность психологии как науки», доказывал, однако, что «психология совершенно не может быть изучаема вне физиологии». При этом он прямо основывался на сеченовском понимании психологии.

«Существует большое количество оснований рассматривать психическую жизнь, — писал Токарский, — как совокупность рефлексов головного мозга. Поэтому первоначально мы и приступим к изучению психологии именно с изучения мозгового рефлекса. По окончании этого изучения мы обратимся к рассмотрению существующих психологических понятий, каковы бы ни были основные точки зрения, положенные в их основу, и рассмотрим, поскольку эти понятия могут получить свое объяснение с точки зрения принятого нами основания и, если окажется, что существуют некоторые психические факты, необъяснимые с точки зрения рефлексоторной деятельности мозга, мы их рассмотрим самостоятельно. Таковы те общие основания, которых мы будем держаться при изучении психологии»¹.

Большое внимание уделял Токарский внедрению в русскую научную психологию новейшей экспериментально-психологической техники. В «Записках» систематически описывались приборы новейших конструкций и методика экспериментов, осуществлявшихся посредством этих приборов; печатались подробные рефераты экспериментально-психологических исследований.

---

¹ А. А. Токарский, Записки психологической лаборатории психиатрической клиники Московского университета, 1896, вып. 5 (Журнал «Вопросы философии и психологии», М. 1896, 5(35), стр. 289).

Из лаборатории Токарского вышло несколько экспериментальных работ, имеющих серьёзное научное значение. Сюда относится, например, интересное исследование Целикова «О памяти зрительных восприятий», в котором установлено, что «образы воспоминания начинают изменяться тотчас после восприятия и это изменение происходит гораздо быстрее в первое время, чем в последующее». Несомненный интерес представляют также работы самого Токарского о «кратчайшем времени простой реакции», Касаткина и Викторова об «иллюзиях» и в особенности исследования по наименее разработанным вопросам психофизиологии органов чувств: работы Подъяпольского о вкусовых и Белкина о кожных ощущениях.

Помимо непосредственного руководства этой лабораторией Токарский написал ряд весьма интересных статей о темпераменте, гипнозе, психических эпидемиях и т. д. В его лице молодая русская психология имела серьёзного, опытного, творчески активного психолога-материалиста.

Крупная роль в развитии русской научной психологии принадлежит также психиатру П. И. Ковалевскому, профессору Харьковского университета. Им был основан первый русский психиатрический журнал «Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии», в котором систематически печатались экспериментально-психологические исследования и обзоры западноевропейской психологической литературы (составлявшиеся В. Чижем). В журнале последовательно проводилась мысль о том, что научная психология может быть создана как экспериментальная наука лишь в системе естествознания.

Сам П. И. Ковалевский в 1885 г. опубликовал специальную психологическую работу «Основы механизма душевной деятельности». В первой главе этой книги он описывает анатомические основы душевной деятельности, опираясь в очень сильной мере на Мейнерта. В главе второй «Психофизиология» он даёт изложение начал психологии на физиологической основе, написанное в духе психофизического монизма. Исходя из убеждения в неправильности противопоставления нервных и психических функций мозга, Ковалевский рассматривает

их как единые нервно-психические функции головного мозга, особенно его коры. Для того чтобы показать путь образования индивидуальности человека в результате деятельности мозга, Ковалевский обращается к психофизиологии ребёнка, из материала которой и черпает общетеоретические выводы.

Особый интерес представляет оригинальный взгляд Ковалевского, согласно которому психическая деятельность развивается посредством борьбы противоречий между мышлением и самочувствием, противоречий, которые снимаются воспитанием воли.

Из Харьковской лаборатории профессора П. Ковалевского вышла одна из первых экспериментально-психологических монографий Н. Краинского, посвящённая исследованию времени психофизической реакции на тактильные и болевые раздражения у здоровых и нервно-и душевнобольных людей. Много позже Краинский приобрёл печальную славу своей крайне реакционной «Энергетической психологией», но в 90-х годах он был ещё далёк от этих спекуляций и вёл большую и интересную экспериментальную работу в клинике Ковалевского.

Крупной европейской известностью пользовался исследователь псевдогаллюцинаций и нервно-психических контагий В. Кандинский, написавший интересные и для нашего времени «Общепонятные психологические этюды» (1881).

Среди психиатров, наиболее активно работавших в нормальной психологии, должен быть отмечен профессор В. Ф. Чиж, получивший первоначальное образование и клиническую подготовку у Мержеевского, а затем совершенствовавшийся у Вундта, Флексига и Шарко. По возвращении из-за границы Чиж опубликовал книгу «Научная психология в Германии», ставшую широко известной как в России, так и за границей. Специальную работу посвятил Чиж «методам научной психологии». В его трактовке особое значение в связи с применением точных приёмов измерения приобретают вопросы объёма психических процессов и скорости их протекания.

В 80-х годах В. Чиж опубликовал экспериментальные исследования по психопатологии и психологии: «Измерение времени элементарных психических

процессов у душевнобольных», «Объём сознания у здоровых и душевнобольных»; за ними последовали в 90-х годах работы: «Широта восприятия у душевнобольных», «Время ассоциации у здоровых и душевнобольных», «Экспериментальное исследование памяти звуковых восприятий», «Интеллектуальное чувство душевнобольных». Две последние не утратили своего значения и в настоящее время. «Обзоры сочинений по психологии», систематически печатавшиеся Чижем в «Архиве психиатрии», сыграли важную роль в повышении общего научного уровня формировавшейся в те годы психологической науки в России.

Нужно отметить также работы руководимой Чижем психологической лаборатории Юрьевского (Дерптского) университета (город Тарту), из которой вышел ряд исследований по вопросам ощущений, восприятий, представлений и их ассоциаций. Наибольшую известность из этих работ получила диссертация доктора Заборского «О памяти зрительных впечатлений» (1894).

Большую исследовательскую работу по психологии проводил первоначально в Петербурге, а затем в Киеве профессор И. А. Сикорский.

Ещё в 1867 г. он опубликовал работу «О душевном состоянии при аффектах», имевшую для своего времени несомненное научное значение. В 1879 г. он напечатал работу «О явлениях утомления при умственной работе», за которой последовало большое число исследований умственной работоспособности и умственного утомления. Широкую известность (и подражание) заслужили работы Сикорского по исследованию умственной работоспособности у школьников. Как эти работы, так и некоторые другие («О развитии речи у детей») дают Сикорскому право считаться одним из первых исследователей по детской психологии и детской психопатологии в России. Необходимо отметить, однако, что во второй половине своей научной деятельности Сикорский стал проводником наиболее реакционных тенденций в русской медицине и педагогике, что отразилось в частности и на его «Всеобщей психологии» (1905). Его выступление в качестве защитника погромной политики царского правительства на процессе Бейлиса наложило несмываемое пятно на его общественную и научную репутацию.

Самых крупных успехов экспериментальная психология достигла в 80-е годы, в клинической школе В. М. Бехтерева.

Продолжая традицию, заложенную его предшественниками Балинским и Мержеевским, Бехтерев с самого начала своей научно-исследовательской и научно-педагогической работы уделял особое внимание психологии. Программа его курса психиатрии постоянно расширялась за счёт новейших психологических исследований. Начиная с порогов ощущения и законов течения представлений и кончая вопросами психологии движений и действий, Бехтерев последовательно рассматривает в курсе психиатрии все проявления психической нормы и патологии.

В 1886 г. Бехтерев основал первую в России психофизиологическую лабораторию при Казанском университете; переехав в Петербург, он организует психологическую лабораторию в Военно-медицинской академии. Из этой лаборатории вышел целый ряд интереснейших исследований в различных областях психологии, выполненных сотрудниками В. М. Бехтерева: В. П. Осиповым, Никитиным, Гервером, Жуковским и др.; в ней же получил своё первоначальное психологическое воспитание А. Ф. Лазурский, впоследствии крупнейший русский характеролог.

Одним из первых и ближайших сотрудников Бехтерева по психологии был Телятник, уже в 1879 г., одновременно с Сикорским, опубликовавший работу «О психическом утомлении учащихся». Телятником выполнены также экспериментальные исследования: «Зрительные иллюзии Мюллер-Лайэра у детей и взрослых», «О частичных зрительных иллюзиях Мюллер-Лайэра». В этих работах Телятник подтверждает «обязательность» этих иллюзий и рассматривает их как известную закономерность восприятия.

Большой интерес представляет экспериментальное исследование А. В. Гервера (впоследствии известного профессора невропатологии) «О памяти зрительных восприятий» (1899). В этом исследовании автор показывает путь превращения восприятия в последовательные образы и в дальнейшем в первичные образы памяти, в представления. Нужно отметить, что работа Гервера являлась экспериментальной полемикой с

Заборским (лаборатория профессора Чижа) и Целиковым (лаборатория Токарского), но и сама она подверглась серьёзной экспериментальной проверке со стороны доктора Шафранова, сконструировавшего оригинальный прибор для исследования зрительного восприятия посредством цветных растворов.

Если Гервер в своём исследовании шёл от восприятия к представлениям, то другой ученик Бехтерева, Никитин («К вопросу об образовании зрительных восприятий», 1905), избрал противоположный путь — от представлений и мыслительных процессов к восприятиям.

В работе Никитина, так же как и в работе Гервера, а до него — Телятника, сказывается общее направление работ по изучению зрительного восприятия, руководимых в то время Бехтеревым. Это общее направление выражалось в динамическом понимании восприятия, в анализе связей между восприятием, представлениями, памятью, мышлением. Понимание динамического характера восприятия привело Бехтерева к постановке вопроса об эмоциональной мотивации процессов восприятия и их связи с состояниями личности (например, в диссертации В. Н. Осиповой). Влияние эмоций на сенсомоторные процессы показал также Жуковский в своей работе «Память пассивных движений» (1899).

Кинестетическим ощущениям и представлениям в связи с характеристикой двигательной сферы были посвящены кроме работы Жуковского исследования Руднева «О быстроте протекания произвольных движений», В. Н. Осипова «К вопросу о координации движений», «Обзор работ о мышечном чувстве» Боровикова и др. Впоследствии под руководством Бехтерева была выполнена блестящая работа Спиртова об идеомоторном акте.

Сам В. М. Бехтерев уделял значительное внимание исследованию слуховых восприятий и представлений, что было связано с его интересом к слуховым галлюцинациям. Бехтеревым был сконструирован прибор для исследования слухового восприятия, подробно исследован вопрос «о внушающем значении слуховых обманов чувств».

Придавая большое значение динамическому подходу к психическим процессам и отсюда к психомоторике и кинетике, Бехтерев одним из первых в русской

литературе поставил вопрос о роли статических ощущений и представлений в восприятии пространства.

Особое внимание Бехтерев и его сотрудники уделяли исследованию кожной и болевой чувствительности, преследуя при этом в первую очередь диагностические цели. По мнению Бехтерева, соотношение сосудистой и сенсомоторной сфер особенно ясно обнаруживается на кожной поверхности тела. Экспериментальным путём он доказал роль сужения и расширения сосудов в процессе образования и развития тактильных и болевых впечатлений. В целях уточнения диагностики расстройств кожной чувствительности Бехтерев конструирует в 1898 г. новый тип алгезиометра, или болемера, а также прибор — электрический трихэстезиометр — для специального исследования так называемой «волосковой чувствительности».

Последнюю Бехтерев считал особым и притом «самым тонким» видом кожной чувствительности; она была подробно изучена в 1898 г. самим Бехтеревым, а также В. П. Осиповым и К. И. Наишевским.

Видную роль в определении направления русской экспериментальной психологии сыграл А. Ф. Лазурский, вышедший из школы Бехтерева.

Ещё будучи студентом, Лазурский совместно с Акопенко выполнил небольшое исследование «О влиянии мышечной работы на психическую деятельность», затем совместно с Шитовым — исследование «Память однородных последовательных зрительных впечатлений», «О влиянии различного чтения на ход ассоциаций» и т. д. О направлении работ Лазурского в тот период можно судить по теоретическим статьям его «Влияние естествознания на развитие психологии» и «О значении эксперимента в психологии». Впоследствии Лазурский перешёл к проблемам дифференциальной психологии и характерологии, превратив проблему личности в самостоятельный раздел психологии. Созданная затем Лазурским психологическая лаборатория в Психоневрологическом институте, основанном В. М. Бехтеревым, превратилась в один из важнейших центров русской научной психологии.

В экспериментально-методической области Лазурский был новатором уже потому, что он раздвинул границы применения эксперимента в психологии, применяя

его в обычных условиях повседневной жизни (например, в школьной практике) и превратив в предмет экспериментального исследования конкретные жизненные формы деятельности и сложные проявления личности. Выдвинутая Лазурским идея «естественного эксперимента» была обоснована и проверена в опытной работе многих его учеников и последователей. Независимо от В. Штерна Лазурским были указаны пути и средства разработки той важнейшей психологической дисциплины, которую Штерн назвал «дифференциальной психологией».

Наиболее крупный и серьёзный вклад сделан Лазурским в разработку проблемы характера. «Очерк науки о характерах» и «Классификация личностей», несмотря на идеалистическую во многом трактовку природы характера, представляют собой шаг вперёд в изучении закономерностей образования характера и особенно в исследовании структуры характера.

Интересно отметить, что отход Лазурского от Бехтерева начался с эволюцией Бехтерева в сторону «психорефлексологии», а затем «рефлексологии». Было бы совершенно неправомерно отождествлять с экспериментальным психофизиологическим направлением Бехтерева в нормальной и клинической психологии, игравшим важную прогрессивную роль в формировании научной психологии, его рефлексологию, представляющую механистическое, антипсихологическое направление. «Рефлексологическая» школа Бехтерева и по своему направлению и по своему составу представляла собой формирование совершенно иное, чем славная клиническая школа, созданная им в первый период его деятельности.

В период основания русской экспериментальной психологии психиатрия в лице её передовых представителей (Мержеевского, Бехтерева, Корсакова, Ковалевского, Токарского и др.) держалась воззрений, согласно которым лишь психическая норма во всём многообразии её проявлений может дать возможность правильного понимания расстройства нервно-психической сферы. Этим объясняется тот факт, что психиатры специально овладевали нормальной психологией, проводили сами в ней значительные исследования и в известной мере «выпестовывали» экспериментальную психологию в России, в своих основных принципах утверждавшую психо-

физиологическое направление Сеченова. Со стороны представителей психиатрии получил наиболее активную поддержку и замечательный русский исследователь-психолог Н. Н. Ланге.

В мае 1894 г. в Московском университете состоялась защита докторской диссертации уже ставшего известным к тому времени психолога Н. Н. Ланге, приват-доцента Новороссийского университета (Одесса). Предметом диссертации были оригинальные экспериментально-психологические исследования автора.

Перед началом диспута Н. Н. Ланге произнёс вступительную речь на тему «О значении эксперимента в современной психологии».

Первым официальным оппонентом выступил профессор Лопатин, выражавший мнение «университетской» философии и психологии. Основную задачу своего выступления Лопатин видел в том, чтобы показать, «какая еще сравнительно скромная роль принадлежит эксперименту в решении коренных задач психологии... В его современном состоянии, применяемый к решению основных психологических проблем о воле и разуме, он все же едва ли может заменить столь часто и несправедливо осуждаемый метод психологической интроспекции»¹.

Совершенно иной была позиция второго официального оппонента, профессора С. Корсакова; он начал свою речь словами: «Прежде всего я, как представитель естественно-научной отрасли знаний, считаю своей обязанностью выразить вам полное сочувствие по поводу метода, которого держитесь вы в ваших исследованиях. Метод ваш есть метод натуралиста. Этого метода давно ждала психология».

Давая в противоположность Лопатину высокую оценку самому направлению исследований Ланге и постановке им вопроса о значении психологического эксперимента, Корсаков полемизировал с идеалистическими традициями в психологии. «Несмотря на то, — говорил он, — что психология, изучая явления душевной деятельности, изучает, следовательно, явления природы, метод естественных наук не считался для нее

---

¹ Отчет о докторском диспуте Н. Н. Ланге, «Вопросы философии и психологии», 1894, кн. 4(24), стр. 580—588.

необходимым. Хотя врачи и вообще натуралисты постоянно вносили богатый материал в научную психологию, но все-таки профессиональными психологами считались не натуралисты». «Лишь в последнее время замечается новое направление между психологами, и вы, — сказал Корсаков, обращаясь к Ланге, — являетесь одним из самых видных представителей этого направления»¹.

Далее, Корсаков справедливо упрекнул Ланге в том, что он не отметил в своей диссертации работу русских психофизиологических и экспериментально-психологических лабораторий, организованных врачами-психиатрами: «...говоря о необходимости устройства кабинетов для экспериментальной психологии, *по крайней мере, при некоторых русских университетах, вы высказываетесь так, как будто бы этого до сих пор нет. А между тем, такие кабинеты есть. Есть, например, психофизиологическая лаборатория, устроенная профессором В. М. Бехтеревым в Казани. Записка о ней даже с фотографией есть в изданиях международных конгрессов... есть лаборатория в Юрьеве, устроенная Крепелином и в настоящее время руководимая профессором В. Ф. Чижем; есть приспособления для психометрических исследований и в Москве, и в Петербурге, и в Харькове. Из этих лабораторий выходили и выходят работы, которые, конечно, вам известны (работы профессора Чижана, работы Валицкой, Воротынского, Краинского, Заборского и других)*»².

Корсаков говорил, что надо ставить вопрос не столько о том, нужны или не нужны экспериментально-психологические лаборатории, так как сомнения в этом у настоящих учёных не должно быть, сколько о том, почему не замечают существования уже имеющихся психологических лабораторий, работающих, правда, под руководством не философов, а психиатров и невропатологов. В этих словах Корсакова русская экспериментальная психология, созревшая в недрах естествознания и медицины, требовала своего признания со стороны официальной философии и психологии.

---

¹ Отчет о докторском диспуте Н. Н. Ланге, «Вопросы философии и психологии», 1894, кн. 4(24), стр. 595—596.

² Там же, стр. 597.

Н. Ланге был первым из *среды университетских философов*, начавших работать по экспериментальной психологии. И работы его, враждебно встреченные университетской философией в лице Лопатина, получили горячую поддержку со стороны представителей естествознания.

Диссертация Николая Николаевича Ланге, озаглавленная «Психологические исследования», может считаться классическим произведением русской экспериментальной психологии. Она состоит из двух исследований: «Закон перцепции» и «Теория волевого внимания».

В исследовании о законе перцепции, основанном на методе «определения продолжительности психических актов по продолжительности двигательной реакции», Н. Ланге установил *фазовый* характер процесса восприятия и различные опосредствования этого процесса двигательными элементами, вниманием, памятью, мышлением. Н. Ланге принадлежит заслуга открытия качественно своеобразных закономерностей восприятия, и его теория положила начало исследованию этих закономерностей. Как настоящий натуралист, Н. Ланге установил биологическую основу восприятия. Анализируя процессы сознания наглядного сходства и различия, Ланге установил момент *категориальности* в восприятии, наглядное осуществление процесса суждения. Тем самым он экспериментально поставил вопрос о переходе от восприятия к мышлению, перестройке восприятия под влиянием мышления и задолго до западноевропейских исследователей дал экспериментальную критику атомистической теории восприятия. Исключительная эрудиция автора в истории вопроса, строгая точность в постановке эксперимента и в обработке экспериментальных данных делают выводы этой замечательной работы актуальными и для современной психологии. Всякое восприятие согласно этим выводам проходит несколько фаз, причём каждая предыдущая представляет психическое состояние более неопределённое (начиная с «сознания нечто»), а каждая последующая — более дифференцированное. Поэтому каждая предыдущая стадия восприятия есть субъект для последующей, являющейся предикатом, т. е. определением предшествующей. Таким образом, уже в наглядной

операции восприятия выражается типичная черта суждения — предшествование субъекта предикату и развитие субъекта посредством предиката. Помимо экспериментальных доказательств в пользу этого положения Н. Ланге приводит также и данные из истории языка, согласно которым безличные формы предложения первичны. Н. Ланге подчёркивает, что эти формы соответствуют первичным ступеням перцепции, т. е. неопределённого сознания субъекта, который далее осознаётся посредством предиката. Это обращение Н. Ланге к материалам истории языка далеко не случайно, так как, по его убеждению, *«индивидуальная психическая личность со всем богатством ее мыслей, чувств и желаний, наименее обязана личному творчеству индивидуума и наиболее той общественной жизни, которая породила язык и в нем отразилась»*¹.

Анализ полученных им экспериментальных данных Ланге начинает с попытки обосновать их фактами «общего биологического развития организмов», а заканчивает указанными филологическими соображениями. Это имеет для него глубоко принципиальное значение. В конце разбираемого исследования Ланге так формулирует свою методологическую позицию: «Нельзя не прийти к убеждению, что будущий период в развитии научной психологии, научившейся ныне ценить *всякий* точный и фактический материал, будет, в известном смысле, периодом по преимуществу историко-филологическим, так же как современный период ее есть, по преимуществу и справедливо, биологический. Психология, объединившая эти два момента — биологический и социальный, окажет несомненную услугу и философии вообще, ибо великий вопрос современной науки, вопрос об отношении органической жизни к социальной, должен быть разрешен, повидимому, именно на почве психологии»².

В исследовании о теории волевого внимания Н. Ланге последовательно развивает те же принципы; с чрезвычайной точностью он обосновывает экспериментально свою теорию биологического и исторического развития психологических механизмов внимания, начиная

---

¹ Н. Н. Ланге, Психологические исследования, Одесса 1893, стр. 62. Подчёркнуто нами. — Б. А.

² Там же, стр. 62—63.

с рефлекторного внимания, переходя к инстинктивному вниманию (с его внешними и внутренними приспособлениями) и кончая волевым вниманием человека. С большой тщательностью прослеживает он роль движений в процессе волевого внимания, в зрительных и слуховых воспоминаниях, а в связи с этим и в динамике внутренней речи. В центре экспериментальной части работы стоит изучение периодических колебаний слабых слуховых, зрительных и осязательных ощущений и аналогичных периодических колебаний образов воспоминаний. Ланге был первым экспериментатором, осуществившим систематическое исследование явлений колебания внимания.

Основные части этого исследования о внимании были опубликованы ещё в 1888 г. в журнале, издававшемся Вундтом, и вызвали широкий интерес, критические замечания и экспериментальную проверку со стороны крупнейших представителей западной психологии (Вундта, Джемса, Мюнстерберга, Марбе и др.). Результаты этой работы Ланге прочно вошли в основной фонд научных знаний по психологии внимания.

Другой капитальный труд Н. Ланге имеет не экспериментальный, а теоретический характер. Это широко известная его «Психология», вышедшая в 1918 г. в качестве VIII тома издания: «Итоги науки в теории и практике». Именно Н. Ланге, крупнейший оригинальный исследователь с его положительным отношением к неврофизиологии, эволюционной теории и историческому языкознанию и с крайне отрицательным отношением к идеалистическим спекуляциям в психологии, мог в то время создать такой обобщающий труд, явившийся ценнейшим вкладом в русскую психологическую литературу.

Уже в первой главе этой книги («Психический мир и его эволюция») Н. Ланге даёт критику идеалистического построения психологии в системах Маха и Наторпа, а во второй главе («Борьба воззрений в современной психологии») даёт очень глубокую характеристику теоретического кризиса современной психологии. Положительное построение своей системы психологии Н. Ланге начинает с блестящей критики психофизического параллелизма и с попытки наметить более правильное решение психофизической проблемы. Следующие за этим главы

об ощущениях, о восприятии, об ассоциациях и памяти, о чувствах и эмоциях и о волевой деятельности являются выдающимися научными произведениями, обобщающими опыт мировой психологии.

Характерно, что как психологи-врачи (Бехтерев, Чиж, Токарский и др.) не получили признания со стороны университетской психологии, так и работы Н. Ланге с его естественно-научными тенденциями не получили должной оценки со стороны господствовавших в то время психологических кругов. Как экспериментальная психология психиатров, во многом продолжавшая традиции Сеченова, так и экспериментальная психология Н. Ланге, бывшего одним из наиболее передовых учёных дореволюционного периода, расходились с основной линией официальной идеалистической психологии, наиболее типичными представителями которой были Владиславлев, Грот, А. Введенский.

В экспериментальной психологии виднейшим представителем этой официальной линии был крупный организатор и педагог Г. Челпанов, создавший в 1910—1912 гг. Московский психологический институт, по размеру, оборудованию и организации работ занявший одно из первых мест среди аналогичных учреждений Европы и Америки.

В области теории психологии Челпанов был одним из эпигонов философского идеализма и ревностным противником материализма (например, в книге «Мозг и душа»). Правда, он считал себя представителем эмпирической психологии и утверждал, что стоит всегда на почве психологических фактов и изучает лишь «психические явления», а не «природу души». Однако в своих общих руководствах по психологии (университетский «Курс психологии», 1909, «Учебник психологии для гимназии и самообразования», вышедший больше чем в десяти изданиях) он пропагандировал «субстанциональность души» и утверждал, что единственный способ познания психических процессов есть «самонаблюдение».

Уже основной научный труд Челпанова «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врождённости» (ч. I — 1896, ч. II — 1904), представляющий историко-критический интерес, свидетельствовал о стремлении автора подчинить эксперимен-

гальную психологию целям философского идеализма. Несомненно, что по сравнению с сеченовскими традициями пионеров экспериментальной психологии в России теория Челпанова и его школы была шагом назад.

Стремлением Челпанова превратить экспериментальный метод в психологии в средство укрепления расшатавшихся основ философского идеализма объясняется исключительная поддержка его школы со стороны господствующих философских кругов и министерства народного просвещения. Достаточно указать на тот факт, что учебник психологии Челпанова был «удостоен» самим синодом премии московского митрополита Макария. Возглавляемое Челпановым направление объективно служило запросам реакции, предпринимавшей в период 1906—1917 гг. ожесточённое наступление на революционную идеологию, а в философии — на материализм. Несмотря на значительный вклад, который был сделан Челпановым в методику и технику психологического эксперимента, и на организационную и педагогическую деятельность его, способствовавшую развитию экспериментального метода в русской психологии, линию, которую он проводил в психологии, следует признать реакционной.

Деятельность Челпанова ярко показала, что сам по себе экспериментальный метод не решает судьбы научной психологии, но что, напротив, судьба самого экспериментально-психологического метода определяется философскими основами системы психологии в целом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

К. Д. УШИНСКИЙ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (1824-1870)

Основатель русской научной педагогики К. Д. Ушинский был вместе с тем и одним из крупнейших зачинателей русской научной психологии.

Ушинский недаром назвал свою философско-психологическую и педагогическую систему «педагогической антропологией». В центре его системы стоял человек, но не как субъект познания или субъект истории, а как «предмет воспитания». Вот почему, оставаясь безразличным к философской стороне своего антропологического принципа, подчас утилитарно объединяя противоположные концепции, Ушинский был вместе с тем и очень требовательным и глубоко оригинальным в психолого-педагогическом построении своего учения. До Ушинского в русской педагогике центром теории обучения и воспитания были не живые деятели — учитель и особенно ребёнок, а государственные и религиозные установления. Педагогика интересовалась главным образом такими темами, как, например, формальная дисциплина, школьные законоположения, школьные табели о рангах и т. д., которые исключали возможность постановки вопроса о человеке как предмете воспитания и о человеке как воспитателе. У Ушинского узловая проблема педагогики как бы переместилась от вопросов школьной администрации к собственно воспитательным вопросам.

Мы уверены, писал Ушинский, что воспитание, совершенствуясь, может далеко раздвинуть пределы человеческих сил: физических, умственных и нравственных.

По крайней мере на эту возможность ясно указывают и физиология и психология¹. Поэтому психология совместно с физиологией являются, по убеждению Ушинского, главной теоретической основой педагогики.

Прибегая к помощи психологии, Ушинский резко критикует ограниченность и ошибочность практики учебно-воспитательной работы в русских школах его времени. Школа ориентируется на минимум сил ребёнка, она исходит из ограничения и принижения его возможностей, — в этом и видит Ушинский коренной порок подхода к детям. Лишь правильное понимание огромных и всё возрастающих возможностей, таящихся в человеческой природе и возбуждаемых к деятельности воспитанием, может быть основой для педагогического мышления.

Ушинский подходил к психологии от практики, от вопросов жизни, от потребностей воспитания. Этим объясняется и характер его психологической системы².

Именно педагогика, по мысли Ушинского, должна способствовать будущему расцвету психологической науки. Педагогика должна опираться на психологию, для того чтобы стать научной, но сама психология может достигнуть расцвета лишь с помощью педагогики. Педагогические запросы будут вызывать к жизни научные открытия в психологии, а педагогическая практика явится проверкой результатов психологических исследований. Педагогика должна сыграть такую же роль в развитии психологии, какую сыграла медицина в развитии естествознания и особенно физиологии.

Ушинский стремился использовать в педагогических целях всё лучшее, имевшееся в различных психологических направлениях, чем и заслужил пренебрежительную кличку «компилятора».

Необходимо, однако, отметить строгательное отношение Ушинского к грубо утилитарному и безответственному «приложению» психологии к педагогике и его борьбу против «психологической рецептуры»: он считал неправильным выводить педагогические законы из каждого отдельного психологического положения,

---

¹ См. *Ушинский*, Человек как предмет воспитания, т. I, 1873, Предисловие автора.

² См. подробнее нашу статью «К. Д. Ушинский — великий русский психолог» в журнале «Советская педагогика» № 12, 1945.

полагая, что лишь психология личности в целом может служить основанием для педагогики. Отдельные вопросы психологии далеко не всегда параллельны отдельным вопросам педагогики, и поэтому не всегда из отдельных психологических закономерностей можно делать действительно важные педагогические выводы. Решающее значение для развития педагогики имеет разработка всей системы психологии, включая самые специальные и абстрактные её вопросы, — таков был взгляд Ушинского, резко настроенного против деляческого приспособления психологии к частным педагогическим вопросам.

Под непосредственным влиянием Сеченова Ушинский рассматривает навыки и привычки как рефлекс головного мозга, причём вводит интересное и оригинальное понятие «усвоенные рефлексy». Глава о привычках и навыках в основном труде Ушинского представляет интерес и для нового времени: в ней предвосхищаются некоторые элементы учения об условных рефlekсах. Описывая участие нервной системы в актах памяти, зависимость от неё процессов воображения, чувства и воли, Ушинский старался подчеркнуть роль физических условий в развитии психической деятельности:

Психические явления выступают в виде процессов сознания, чувства и воли, причём сущность всех этих психических процессов неизвестна. Активность психических явлений имманентна духу как специфической форме человеческой психики; это положение Ушинский стремился показать в целом ряде глав психологической части своей работы.

К сознанию Ушинский относит внимание (как условие возникновения всех других процессов сознания), ощущение, припоминание, ассоциацию представлений, память, воображение, мышление («рассудок и разум»). Иначе говоря, сознание трактуется Ушинским лишь как одна сторона личности, именно — её умственная, познавательная деятельность.

Чувство, по мысли Ушинского, является как бы посредствующим звеном между сознанием и волей, оно лежит в основании обоих. Впоследствии Ушинский включает в понятие «чувство» сенсорно-умственные процессы и эмоцию. Всякая сенсорно-умственная и волевая деятельность носит чувственный характер, так как

человек не может думать и хотеть, не переживая чувственно.

Отсюда проблема чувствований и возникающих на их основе волевых процессов приобретает в психологической системе Ушинского ведущее значение. Поэтому устанавливая единство обучения и воспитания, Ушинский фактически отдавал приоритет нравственному воспитанию, а не умственному образованию. Такая эмоционально-волевая точка зрения на психическую и особенно умственную деятельность человека позволила Ушинскому высоко поднять проблемы нравственного воспитания и очень ярко определить нравственное значение личности воспитателя в процессе обучения. С этой же точкой зрения связана высокая оценка Ушинским роли деятельности в формировании характера и нравственных качеств человека.

Центральное звено в психологической системе Ушинского составляет своеобразно интерпретируемый им принцип развития, согласно которому он от физиологических процессов переходит к психофизиологическим, от них к собственно психологическим, «душевым», и дальше к психоидеологическим или «духовным» явлениям, т. е. языку, народности, эстетике, этике, религии. Эти «духовные» явления свойственны только человеку и порождаются не особенностями отдельного индивида, а исторической жизнью народа. Именно с таким истолкованием связи перехода от психологии к педагогике и именно отсюда понятна мысль Ушинского о том, что цели воспитания должны выводиться не из психологии, а из истории и нравственности, из общественной жизни народа.

Подобный взгляд позволил Ушинскому избежать распространённого в то время субъективного индивидуализма в определении целей воспитания и путей психического развития.

Взгляды Ушинского на соотношение сознания, чувства и воли, на роль деятельности в психическом развитии и, наконец, на сложный характер этого развития от психофизиологических к «духовным» явлениям были, несомненно, оригинальными и продуктивными. Во многие главы психологии — в проблемы памяти и воображения, привычек и навыков, воли и характера — Ушинский внёс оригинальное освещение и своеобразное истолкование.

Поэтому психолого-педагогическая система Ушинского далеко выходит за пределы его философской эклектики и имеет не только исторический, но и актуальный интерес для современной психологии.

В истории русской психологии Ушинский должен занять одно из самых выдающихся мест как продолжатель гуманистической традиции передовой русской психологии и как зачинатель нового, педагогического направления её. Со времени Ушинского сближение педагогики и психологии стало передовой традицией как в психологии, так и в педагогике.

Несмотря на то, что экспериментально-психологическая работа в России впервые возникла в медицине, психология в своём развитии и своих конечных задачах направилась по педагогическому пути, указанному Ушинским. Задача «раздвинуть пределы физической, нравственной и умственной природы человека», поставленная Ушинским, стала одной из основных задач русской научной психологии.

Продолжателем дела Ушинского по психологическому обоснованию педагогики и переработке самой психологии в сторону её приближения к исследованию конкретной личности был П. Ф. Каптерев. Ему принадлежит заслуга создания «перехода от психологии к педагогике» — педагогической психологии («Из истории души», 1890, «Педагогическая психология», изд. 1-е — 1877; изд. 3-е — 1914).

Стремление создать жизненную психологию личности, осуществив тем самым традиционные идеи русской психологии, привело Каптерева к удачному построению принципов его педагогической психологии, где ему удалось, быть может, впервые в этой области, избежать абстрактного функционализма даже в трактовке умственного развития ребёнка. Одной из важнейших задач педагогической психологии Каптерев считал разработку проблемы типов. В этом направлении он имел возможность в отличие от Ушинского опереться на оригинальные русские работы Лесгафта, а впоследствии и Лазурского. Под несомненным влиянием Ушинского в общей системе педагогической психологии Каптерева (см., например, изд. 3-е его «Педагогической психологии») проблемы формирования воли и характера в связи с нравственным воспитанием приобретают определяющее

значение. Оригинальный вклад сделал Каптерев в проблему психологии половых различий в связи с актуальными вопросами раздельного воспитания в старой школе и борьбой за равноправие женщины («Душевные свойства женщин», 1896).

Как в общем построении педагогической психологии, так и в анализе отдельных её проблем Каптерев шёл по преимуществу путём обобщения результатов общепсихологических исследований и оригинально перерабатывал их соответственно своим представлениям о жизненной психологии воспитания и обучения. Естественно, однако, что успехи экспериментального метода в общей психологии неизбежно должны были оказать влияние и на педагогическую психологию в смысле перестройки её на новых экспериментальных основах.

В Москве значительную экспериментальную работу по педагогической и детской психологии проводили А. Бернштейн, Россолимо и его сотрудники; в Петербурге — Нечаев и его сотрудники.

История развития русской педагогической психологии в связи с передовыми движениями в области народного просвещения заслуживает особого исследования. Мы считали необходимым остановиться на этой важной стороне развития русской дореволюционной психологии потому, что она имела не только специальное, но и *общее* значение. В педагогической психологии ярко выразилась одна из основных тенденций передовой русской *общей* психологии — тенденция к целостной и жизненной психологии личности. Эта тенденция, преемственно связана с лучшими *гуманистическими* традициями русской психологии. Через педагогическую психологию общая психология стремилась войти в практическую жизнь и осуществить гуманистические задачи психологии.

Однако педагогика была главнейшей, но всё же не единственной областью практического применения психологии. Наряду с педагогической психологией возникает более общая по своим задачам «прикладная психология». С ней также связывались попытки выйти из рокового круга абстрактного психологического атомизма в подлинную психологию живой личности и её деятельности в обществе. В этом направлении развивается клиническая психология (особенно в работах клинических

школ Бехтерева и Корсакова), психология художественного творчества (Потебня, Овсянико-Куликовский, Лапшин), судебная психология (исследования Кони, Бернштейна, Холчева и др.). Это движение к исследованию реальной жизни личности и конкретных форм её деятельности, руководимое стремлением оказать непосредственную помощь практике, имело большое прогрессивное значение для развития самой психологической теории.

Однако в системе идеалистической буржуазной психологии это движение встречалось с непреодолимыми препятствиями. Оно попадало в пути эмпиризма, открывавшего дорогу возрождённым в условиях кризиса науки реакционным теориям психической наследственности, фатальной зависимости умственного развития от наследственности и среды и т. д. Возможность успешного исследования конкретных форм деятельности человека и непосредственного применения психологии к жизненной практике определялась в действительности разрешением основных теоретических вопросов психологической науки в целом. Поэтому лишь в советской научной психологии стало возможным разрешение тех жизненных, практических задач, которые выдвигались передовыми представителями дореволюционной прикладной психологии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX в.

С университетской реформой 1863 г. в русских университетах восстанавливалось преподавание философии и было официально признано, что психология является философской наукой. Курс психологии с этого времени вновь был передан из кафедры богословия на кафедру философии. Однако кафедры философии в университетах возглавлялись всё же лицами, получившими образование в духовных академиях и усовершенствовавшимися в области философии за границей, главным образом в Германии.

Первыми официальными главами пореформенной университетской философии и психологии явились Владиславлев (Петербургский университет), Троицкий (Московский университет) и Гогоцкий (Киевский университет). Большинство последующих университетских психологов были в той или иной мере учениками Владиславлева или Троицкого.

М. И. Троицкий, впоследствии профессор Московского университета, основатель Московского психологического общества и инициатор издания журнала «Вопросы философии и психологии», был наряду с Владиславлевым, Гогоцким и другими в числе лиц, посланных после окончания духовной академии в Германию для изучения философии. Вначале он увлёкся лекциями Куно Фишера, Фортлага и др., но затем, не удовлетворённый немецкой философией, он знакомится с другими философскими направлениями и становится горячим

сторонником английской эмпирической философии и психологии. Таким образом, пребывание Троицкого в Германии отрицательно повлияло на отношение его к германской философии. В результате двухлетнего философского совершенствования в Германии он написал книгу («Немецкая психология в текущем столетии», изд. 1-е—1867, изд. 2-е—1883), в которой остро и резко критиковал немецкую психологию, противопоставляя её научную бесплодность успехам английской эмпирической психологии.

Немецкая психология, по мнению Троицкого, пренебрегала единственно научным методом — эмпирическим — и поэтому занималась не столько психологией, сколько метафизикой души. «Немецкая психология, последних двух столетий,.. — писал он, — в отношении к требованиям методы, осталась, в существе, продолжением схоластической рутины». Поэтому «немецкие психологи... не успели установить ни одного широкого психологического закона, и не объяснили ни одного важного психологического явления бесспорно для всех своих школ и партий»¹. «Раздувать наш дух до космических, абсолютных размеров, или создавать в нем, или из него, какую-то глубокую бездну, скрытую за ширмою известных всем духовных явлений: — вот в чем состоит «широта» и «глубина» взгляда корифеев немецкой психологии!»²

Необходимо подчеркнуть, что Троицкий одним из первых в русской психологии отметил огромное значение успехов экспериментального метода.

Однако Троицкий был односторонен в своей апологии английской эмпирической психологии. Он не видел глубокого механицизма её принципов и субъективизма её методов. Английская эмпирическая психология представлялась ему законченной, совершенной системой психологической науки, и задачу последующего развития психологии он видел лишь в частных дополнениях, в разработке отдельных конкретных вопросов.

Систематическое изложение своих психологических воззрений Троицкий дал в двухтомном труде «Наука о духе» (1882). По своей общей схеме и теоретическим

¹ Троицкий, Немецкая психология в текущем столетии, т. II, 1883, стр. 52.

² Там же, стр. 467.

принципам работа Троицкого не идёт вперёд по сравнению с традиционной психологией «эмпирического» толка. Но рассеянные в книге многочисленные фактические данные, являющиеся результатом собственных наблюдений и опытов, выгодно отличают Троицкого от современных ему университетских профессоров психологии как талантливого исследователя с острой и тонкой психологической наблюдательностью.

Надо сказать, что Троицкий ещё в 1862 г. опубликовал исследование о «субъективных тонах», в котором описал на основе самонаблюдения (при восприятии звуков рояля и голоса) ряд обертонов, которые совпадали с обертонами, установленными несколько позже Гельмгольцем с помощью резонаторов. Результаты ряда других исследований Троицкого, основанных также на методе «экспериментального самонаблюдения», вошли в его основную работу.

Большой интерес представляют материалы Троицкого по изучению зрительных восприятий и зрительных представлений. Сюда относятся его наблюдения над процессом приспособления глаза к расстоянию при воображении близких и далёких предметов, исследование положительных последовательных образов, наблюдения над восприятием покоящихся и движущихся предметов. Весьма любопытны открытые Троицким факты, касающиеся представлений о предметах, находящихся позади наблюдателя, и изменений зрительного поля при переходе от непосредственного впечатления к представлению о каком-либо предмете.

Наблюдая органические изменения при процессе мышления, Троицкий отметил в них участие органов речи в форме определённых движений мышц гортани и языка.

Троицкий не представлял собой обычной фигуры университетского философа того времени. Будучи в конечном счёте идеалистом, он высказывал свои симпатии естествознанию и даже — в отдельных случаях — материализму и избегал приспособленчества к бюрократическому и религиозному духу господствующей идеалистической философии. Не примкнув к воинствующему идеализму, оставаясь чуждым всяким попыткам возрождения схоластики и мистицизма, Троицкий вместе с тем сторонился круга материалистов и представителей

радикальной общественной мысли. Это одиночество Троицкого объясняется как половинчатостью его философских позиций, так и, особенно, его оторванностью от общественного движения в русской науке, прокладывавшего новые пути в естествознании.

Неоспоримая заслуга Троицкого — борьба против безраздельного господства немецкого спиритуализма в русской идеалистической психологии, резко отстававшей от прогрессивного хода науки, в то время как русская материалистическая психология смело ломала устаревшие традиции и прокладывала новые пути. Уже тогда, когда Чернышевский написал «Антропологический принцип в философии», Сеченов — «Рефлексы головного мозга», а Ушинский — «Человек как предмет воспитания», русский идеализм выступил с жалкой «Умозрительной психологией» профессора Московской духовной академии Голубинского (1871), стоявшей на уровне идей средних веков.

В этом стремлении тянуть психологию назад, в лоно богословия и сделать её опорой церкви Голубинский был не одинок. Даже в 90-х годах, когда широко развернулась работа экспериментально-психологических лабораторий, С. Н. Трубецкой, Лопатин, А. Введенский и другие трудились над подобной реставрацией средневековья.

В противоположность прогрессивному и новаторскому духу русской материалистической психологии для русского идеализма в психологии было характерно эпигонство. (Конечно, это относится не ко всем психологам-идеалистам.) Так, эпигоном Гегеля и притом весьма посредственным явился Гогоцкий (профессор Киевской духовной академии, а затем Киевского университета), который помимо общефилософских сочинений и известного «Философского словаря» опубликовал брошюру, посвящённую критике книги Троицкого «Немецкая психология», и «Программу психологии». Значительно более распространённым явлением в идеалистической русской психологии было кантианское эпигонство, наиболее ярким представителем которого был профессор Петербургского университета Александр Введенский.

Характерно, что откровенные мистические направления, среди которых важное место занимало «научное обоснование» спиритизма и телепатии, мирно уживались

с кантианством, шеллингианством, эмпириокритицизмом, позитивизмом и т. д. Кризис капитализма и его идеологии находит своё яркое выражение в этом объединении кантианства и теологии, позитивизма и спиритизма. Русский кантианец А. Введенский видел в восстановлении единства «разума и веры», «науки и церкви» единственную гарантию развития идеалистической психологии, а русский позитивист Н. Вагнер провозглашал бессмертие души и спиритическое общение душ.

Одним из типичных проявлений русского идеализма, пытавшегося остановить прогресс науки и мистифицировать капиталистическую культуру и эксплуататорскую сущность помещичье-капиталистического государства, становится психологизация истории, теории права, искусства, хозяйства, культуры и пр. Эта «психологизация» в наиболее крайних её проявлениях стремилась вторгнуться даже в границы естествознания, где, например, «психологизирование» ботаники Фоминцыным вызвало блестящую и сокрушительную критику со стороны Тимирязева.

Из числа представителей идеалистической психологии 70—90-х годов следует выделить кроме Троицкого профессора М. И. Владиславлева, занимавшего кафедру философии в Петербургском университете, и Н. Я. Грота, преемника Троицкого на Московской кафедре.

Профессор М. И. Владиславлев известен главным образом двумя книгами: «Современные направления в науке о душе» (1866) и двухтомная «Психология» (1881).

В книге «Современные направления в науке о душе», носящей резко полемический характер и направленной против материалистической психологии и физиологического метода в психологии, Владиславлев критикует также психологию гегелевской школы, утверждая «непригодность диалектического метода в психологии».

В 80-х годах Владиславлев возвращается к критике материалистической психологии в ещё более резкой форме. Современный материализм в психологии он характеризует как направление, «осуждённое своей метафизикой на научное бесплодие», и т. д.

В своей «Психологии» Владиславлев дал систематизацию всего современного ему, в том числе и

экспериментального, психологического знания. Нельзя отрицать известного значения отдельных частей его книги, особенно тех, где Владиславлев добросовестно и кропотливо излагает чужие психологические теории. Но его попытки «новаторства» в измерении чувствований и нравственных качеств имеют явно реакционный характер.

Владиславлев был не только хорошим систематиком в психологии, но и опытным воспитателем научно-психологических кадров. В числе его учеников — ряд видных деятелей русской психологии: Николай Ланге, Николай Грот, Александр Введенский, Я. Колубовский и др.

Среди них видное положение занял Н. Я. Грот как общепризнанный руководитель русской идеалистической психологии 80—90-х годов.

Научный путь Грота типичен для многих представителей русской буржуазной науки, которые, начав в 60-х годах с материализма, скатывались до крайнего идеализма и мистицизма, переходя в лагерь идейной реакции.

В дни своей молодости Грот был горячим сторонником Сеченова и увлекался материализмом. Под влиянием материализма и естествознания складывались его первоначальные психологические воззрения, нашедшие отражение в самой ценной его работе «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (1879—1880). После этого начинается очень быстрый отход Грота от его первоначальных воззрений, связанный с наступлением общей реакции в науке в эпоху господства полицейского режима Александра III.

В 1886 г. Грот выступил в органе воинствующих церковников «Православное обозрение» с раскаянием в «грехах молодости» и утверждением теологического характера своей «новой философии» и «новой психологии».

Заняв кафедру Троицкого в Московском университете и став руководителем Московского психологического общества, главную задачу свою Грот видел в консолидации сил русского идеализма и в борьбе с материализмом в философии и психологии. Он сплотил вокруг себя наиболее ярких представителей идеалистической философии. В числе его ближайших друзей

сотрудников были Вл. Соловьёв, Лопатин, С. Трубецкой, Страхов, Козлов и др., выступавшие «в защиту идеализма», как гласит название одной из статей князя Трубецкого.

Как указано выше, главным и действительно научным трудом Грота была его книга «Психология чувствований в ее истории и главных основах».

В первом отделе книги — История анализа и синтеза чувствований — Грот даёт почти исчерпывающую критическую историю философско-психологических учений о чувствованиях, начиная с Эмпедокла, Анаксагора и Демокрита и кончая Вундтом, Горвицем, Бэном, Ушинским и Оболенским. Нужно отметить, что этот опыт написать историю проблемы чувств был первым в мировой литературе и сохраняет научное значение и в настоящее время.

Во втором отделе книги — «Основы анализа и синтеза чувствований» — Грот пытается построить собственную оригинальную теорию чувствований, центральной идеей которой является принцип «психического оборота». В понятии «психического оборота» Грот пытается, очевидно, найти психологический аналог физиологической теории Сеченова об отражательной деятельности мозга.

Значение этой попытки важно в том отношении, что она остро ставила вопрос об единстве чувствующей, перерабатывающей и двигательной сторон психического процесса. Во внутреннем взаимодействии этих сторон и заключается «психический оборот», поскольку само внешнее движение, идя навстречу предмету, вновь вызывает внешнее впечатление. Это впечатление вновь переходит во внутреннюю переработку, снова рождающую внутреннее, а затем внешнее движение, и т. д.

Соответственно этому взгляду, представляющему несомненный интерес, в каждом «полном обороте психического процесса» можно выделить четыре момента: 1. Момент объективной восприимчивости («внешнее впечатление на психический организм»). 2. Момент субъективной восприимчивости («переработка этого внешнего впечатления во внутреннее»). 3. Момент объективной деятельности («вызванное этим внутренним впечатлением... внутреннее движение»). 4. Момент объективной деятельности («внешнее движение организма

на встречу предмета») ¹. Объективное предшествует субъективному и определяет его, внешняя, предметная действительность определяет сознание, — таково было исходное положение Грота, на основе которого он строил схему всей психической деятельности.

Классификация психических явлений, вытекающая из этой схемы, сначала (1878) была опубликована Гротом на французском языке (в журнале «Revue philosophique»). В связи с появившейся через год после этого статьёй Рибо «О движениях и их психологическом значении» Грот упрекал Рибо в том, что он усвоил от него мысль о «психологическом значении движений».

Это положение, авторство которого так ревниво охранял Грот, представляло собой развитие мысли Сеченова. Оригинальным в трактовке этой мысли у Грота является устанавливаемое им различие между движением как первичным психическим явлением и действиями, поступками как явлениями вторичными, «осложненными». Грот первым высказал это положение, которое затем вошло в число основных принципов французской психологии.

К сожалению, весь дальнейший путь развития взглядов Грота представлял собой отступление от первоначального направления, отречение от собственных прогрессивных воззрений.

Уже через шесть лет после выхода «Психологии чувствований» Грот исходит не из положения о зависимости сознания от внешнего мира и деятельности организма, а из прямо противоположного, идеалистического положения, согласно которому сознание творит и определяет внешний мир. В работе 1886 г. «О душе» он в противовес материалистическому принципу «силы материи» выдвигает идею отвлечённой «силы духа», необходимую ему для «доказательства» бессмертия души.

Так завершилась философско-психологическая эволюция Грота. Последующие психологические работы его — «Лекции по психологии», «Общие основания психологии» и др., — характеризующиеся реакционностью теоретических воззрений, ничем не напоминают автора «Психологии чувствований».

---

¹ Г. Н. Грот, Психология чувствований, Сиб. 1879—1880, стр. 430.

Выдающийся организаторский талант Грота ярко проявился в деятельности его как председателя Московского психологического общества и редактора журнала «Вопросы философии и психологии». И общество и журнал оказали большое влияние на развитие русской психологии. Участие в них наряду с философами и психологами крупнейших представителей других наук — историков (Ключевский, Виноградов), филологов (Фортунатов, Корш, Веселовский), физиков (Столетов), биологов (Анучин, Мензбир) — и опубликование на страницах журнала и в заседаниях общества ряда работ передовых психологов (Ланге, Чиж, Токарский, Бернштейн и др.) должны быть отмечены как моменты безусловно положительные. Но не они определяли главный тон руководимых Гротом журнала и общества. Экспериментально-психологические работы печатались в журнале редко и как бы «между прочим» (набирались они обыкновенно петитом). Если на страницах журнала изредка и появлялись статьи, близкие по духу к материализму, то они или сопровождались дискредитирующими редакционными примечаниями¹, или за ними следовали в ближайших номерах «опровергающие» их статьи кого-либо из лиц, стоящих на теоретических позициях редакции². В общем Московское психологическое общество и журнал «Вопросы философии и психологии» являлись органами официальной, идеалистической философии и психологии.

Деятельность Московского психологического общества и его идейного вожака Грота является показателем того глубокого кризиса, в который зашла уже в 80 и 90-х годах русская буржуазная психология. Крупные и оригинальные работы отдельных русских учёных и отдельных лабораторий не получали необходимой поддержки со стороны правительства; напротив, они осу-

---

¹ Так, например, напечатанная в 10-й книжке журнала (1891) статья М. А. Мензбира, имевшая несомненную материалистическую направленность, сопровождалась следующим примечанием: «С удовольствием помещаем статью почтенного натуралиста... так как она дает читателю образчик мирозерцания, совершенно противоположного тому, которое отстаивает большинство сотрудников журнала — философов-метафизиков».

² Так, например, за статьёй Н. Ланге «Элементы воли», напечатанной в 4-й книжке журнала (1890), последовали две полемические заметки Челпанова, ученика Грота, направленные к дискредитации научной компетенции Ланге.

ществовались вопреки всякого рода препятствиям и помехам. В то время как гений Чернышевского и Сеченова подавлялся всеми возможными мерами, «голубинским» предоставлялась широкая возможность возродить к жизни давно схороненную на Западе «умозрительную психологию». Даже в 90-х годах в царской России нужно было защищать правомерность экспериментального метода в психологии и доказывать, что психология есть наука, а не предмет веры.

И, несмотря на всё это, уже в 80-х годах возникают, как мы знаем, первые психологические лаборатории в России. Однако во главе их стоят не философы-психологи, а психологи-врачи, являвшиеся продолжателями дела Сеченова, и психологи-педагоги.

Успехи, достигнутые к началу XX в. молодой формирующейся научной психологией в России, нужно признать значительными.

Начиная с 70-х годов всё чаще и чаще в западноевропейской психологической печати публикуются работы русских учёных (Сикорского, Чижа, Н. Ланге, Бехтерева, Лазурского, Нечаева, Болтунова, Эфрусси и др.).

Россия была представлена на всех трёх мировых конгрессах, бывших в конце XIX в.

I Международный психологический конгресс был создан в 1889 г. в Париже по инициативе французских психофизиологов во главе с Рибо и Рише. Насколько высоко стоял уже в то время авторитет русской психологии свидетельствует тот факт, что в состав почётного комитета по организации съезда наряду с Гельмгольцем, Вундтом, Бэном, Герингом, Моссо и др. были избраны три представителя от России: Сеченов, Троицкий и Грот. Сеченов (отсутствовавший на съезде) и Троицкий были избраны также в число почётных председателей съезда. От России на съезде присутствовали, помимо Троицкого и Грота, Корсаков, Токарский, Баженов, Сикорский, Лопатин и др. Русская делегация была самой многочисленной после французской.

II Международный съезд уже под названием Конгресса экспериментальной психологии состоялся в 1891 г. в Лондоне. На этот раз Россию представляли лишь врачи В. Ф. Чиж и Мендельсон. В качестве важного момента следует отметить, что на этом конгрессе был прочитан доклад отсутствовавшего Н. Ланге

III Международный конгресс состоялся в 1896 г. в Мюнхене. На нём присутствовало много русских учёных: Введенский, Корсаков, Ланге, Лопатин, Чиж, Серебренников, Токарский и др. Для направления работ этого конгресса был характерен отход не только от физиологической психологии, но и от всякой психологии, связанной с естествознанием. На нём господствовала обновлённая психологическая метафизика, отстранившая на задний план и так называемую психометрию, и психофизику, и психопатологию. Неудовлетворённые этим возрождением метафизики, передовые русские учёные начинают отходить от непосредственного участия в международной психологической жизни.

В первое десятилетие XX в. внутренние события в общественно-политической жизни России вносят всё более резкую дифференциацию в среду русских психологов. Несмотря на продолжающийся рост психологических лабораторий и успехи экспериментальных исследований отдельных русских психологов, идеалистические, спиритуалистические тенденции приобретают всё большее распространение, особенно после разгрома революции 1905 г., когда начинается реакция во всех областях культуры. «В этот период... — указывает С. Л. Рубинштейн, — попытки буржуазных представителей психологии дать целостную философско-психологическую концепцию принимают характер резко идеалистический и смыкаются с религиозно-мистическими тенденциями наиболее реакционного крыла русской общественной мысли»¹.

Одной из типичных фигур этого реакционного крыла был профессор Петербургского университета Александр Введенский, который приобрёл особую известность своим «законом» объективной непознаваемости «субъективной деятельности», оправдывавшим в психологии как крайний субъективизм (субъективная деятельность может быть познана лишь субъективно), так и крайний «объективизм» (объективный метод познаёт лишь объективные явления деятельности безотносительно к тому, одушевлёно ли тело или нет). Из положения «чужая душа недоказуема и непроверяема» Введенский

---

¹ С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, 1940, стр. 65.

делает вывод о невозможности объективного познания субъективной деятельности.

Начиная со статьи «О пределах и признаках одушевленности» (1892) и кончая «Психологией без всякой метафизики» (1914), Введенский настойчиво борется против всякой попытки перенесения объективного метода в изучение субъективной деятельности сознания. Стремясь использовать новейшие достижения физиологии мозга для доказательства того, что объективным методом естествознания можно исследовать поведение без всякого предположения об одушевленности организма, Введенский пытается очистить психологии пути для чистого субъективизма, основанного на вере.

В этом «законе» Введенского находит типичное выражение теоретический кризис научной психологии, особенно остро протекавший в условиях послереволюционной реакции в России. Метафизический разрыв сознания и деятельности доходит здесь до крайнего предела. «Сознание без деятельности» — тезис крайнего субъективизма с его интроспекционизмом — открывает дорогу утверждениям и о том, что возможна деятельность человека без сознания, а отсюда и чистый «объективизм» в исследовании поведения. В этом последнем выводе с Введенским вполне сходилась Бехтерев, проделавший к этому времени типичную для той эпохи эволюцию.

Первоначально (с 80-х годов до 1905—1906 гг.) Бехтерев во многих отправных положениях был последователем Сеченова и сыграл большую роль в деле становления объективных, экспериментальных методов в научной психологии. Но уже в «Объективной психологии» (1907—1912) он становится на точку зрения антипсихологизма и доводит этот антипсихологизм до крайнего предела в своей психорефлексологии и рефлексологии. Правда, антипсихологизм Бехтерева в период «Объективной психологии» имел некоторое положительное значение для самой психологии, не только русской, но и мировой, как реакция против традиционного интроспекционизма. Переведённая на немецкий, французский и английский языки «Объективная психология» Бехтерева стала важной вехой в истории психологии начала нашего столетия (что отмечено, например,

Флюгелем) и одним из истоков американского бихевиоризма (по признанию Уотсона).

Безудержный рост субъективизма и идеалистических спекуляций в психологии вызвал своеобразный протест со стороны естествоиспытателей, которые и пытались противопоставить умозрительной психологии «объективную психологию» и рефлексологию Бехтерева. В условиях борьбы против «метафизической психологии» Лопатина и «психологии самонаблюдения» Челпанова «объективная психология» была всё же представительницей «научной психологии», хотя её теоретический и экспериментальный уровень и был много ниже экспериментально-психологических исследований школы Бехтерева первого периода.

Нужно подчеркнуть, однако, что ни «объективная психология», ни, тем более, рефлексология Бехтерева не являлись материалистическими системами; с самого начала они оказались связанными с неопозитивизмом, столь типичным для эпохи кризиса буржуазной науки.

На этом примере мы видим, что даже и относительно прогрессивные направления экспериментальной психологии оказывались безоружными перед лицом развивавшегося научного кризиса, отражавшего маразм буржуазной культуры. Выход из кризиса психологии стал возможен лишь после революционного социалистического преобразования России, с победой марксистско-ленинской теории, с торжеством социализма в нашей стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В наших «Очерках» показаны некоторые пути формирования и развития русской психологии в XVIII и XIX вв. Мы сделали попытку вскрыть внутреннюю связь передовой русской психологии с русским философским материализмом, ту связь, которая оказала большое влияние на расцвет нашей научной психологии, на её успехи и достижения.

Материалистические традиции отечественной психологии являются одним из животворных источников развития современной, советской психологии. Не случаен поэтому тот факт, что советскими психологами впервые создаётся действительно научная историография русской психологии и выдвигается задача коренного пересмотра всей истории мировой психологии. Успешное создание современной научной психологии требует всестороннего, глубокого изучения и использования передовых традиций прошлого отечественной науки.

Но самый факт, что передовые традиции русской психологии возрождаются в советской психологии, объясняется коренным преобразованием философских основ науки в нашей стране и её подлинно демократическим, народным, социалистическим характером.

Анализ состояния русской психологии с 1890 по 1917 г. показывает, насколько глубоко зашла в тупик психологическая мысль, насколько тяжёлым был кризис науки в целом и психологии в частности в последний период существования помещичье-капиталистического

строю. В тот период развернулась жестокая борьба идеализма и теологии против материалистических и демократических идей классической русской философии и психологии. Извращение истории русской психологии и отрицание за нею какого-либо значения, отказ от передовых традиций русской науки и псевдоноваторство различных эпигонствующих идеалистических школ — таковы характерные черты кризиса в русской буржуазной психологии предреволюционного времени.

Выход из этого кризиса был связан с революционным социалистическим преобразованием России и перестройкой принципиальных основ науки в направлении, указанном марксистско-ленинской теорией.

Новая русская психологическая наука, критически усвоившая лучшие достижения русской материалистической психологии, зарождалась в России в недрах марксистской философии. Первоначально в трудах Плеханова, особенно в его книгах «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории» и «К вопросу о роли личности в истории», формировалось в России марксистское понимание личности, общественного и индивидуального сознания. Однако лишь ленинский этап развития марксистской философии и в особенности гениальная разработка Лениным теории отражения вызвали полное обновление философских основ отечественной психологии.

После Великой Октябрьской социалистической революции русская научная психология получила возможность всестороннего развития своих материалистических принципов, передовых идей и традиций¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала все условия для свободного творческого развития науки, в частности психологии и смежной с ней физиологии. Впервые в истории мировой и русской научной психологии диалектико-материалистическое направление получило государственное признание и поддержку, стало свободным выразителем новых общественных отношений. Впервые в истории наука стала действительно народной, служащей коренным интересам общества и стремящейся к познанию мира для того,

---

¹ Истории возникновения и развития марксистской психологии в России должна быть посвящена специальная работа.

чтобы изменить его соответственно интересам народа и всего передового человечества.

Победа большевизма означала ликвидацию не только официального господства философского идеализма, но и отношений, могущих породить те или иные попытки его возрождения. Революционное преобразование идеологии осуществлялось на основе марксистско-ленинской теории, на основе философских трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

С Великой Октябрьской социалистической революцией связано коренное изменение судеб русской научной психологии. Марксистско-ленинская философия впервые радикально устранила в психологии противоречия между устаревшими философскими основами и развивающимся научным исследованием — противоречия, которые характеризуют всю историю научной психологии и её современное состояние на Западе. Именно поэтому борьба за марксистско-ленинское обоснование психологической науки, т. е. за подлинно передовое и радикальное *обновление* её философских основ, и составляет определяющую линию формирования советской психологии.

История советской психологии и есть прежде всего история этой борьбы, которая велась и в общей теории психологии (в различных философско-психологических дискуссиях) и в конкретных экспериментально-психологических исследованиях. Плодотворные результаты экспериментальных исследований, подтверждающая правильность новых философских предпосылок, способствовали сами их дальнейшей конкретизации.

Итоги достижений советской научной психологии за двадцать девять лет существования советской власти свидетельствуют о торжестве марксистско-ленинской теории и в этой, одной из наиболее сложных областей науки.

Было бы, конечно, неправильным утверждать, что этот исторический процесс радикального обновления принципов научной психологии уже завершился. Как и во всякой науке, в психологии есть проблемы более и менее научно разработанные. Естественно, что в проблемах, более глубоко разработанных (например, в так называемой психологии познания), это философское обновление сказалось более конкретно и глубоко, нежели в проблемах, менее разработанных (например, в

проблемах мотивации, структуры индивидуальности и её истории). По ряду проблем, впервые выдвинутых в различных областях советской психологии в связи с принципиальной перестройкой её, накоплено ещё недостаточно фактического материала для возможности обнаружения научных закономерностей (например, в проблеме сознания и его единства с деятельностью; в вопросах, связанных с психологическим изучением конкретных видов деятельности, в вопросах, касающихся взаимосвязи и взаимопереходов чувственного, логического, практического и т. д.).

Победоносное завершение Великой отечественной войны, осуществление начертанной гениальным Сталиным великой исторической миссии советского народа открывает перед советской психологией новые перспективы, ставит новые задачи — конкретизацию великих идей Ленина — Сталина и обобщение опыта коммунистического воспитания масс, опыта воспитания самосознания советского народа, достигнутого в годы Великой отечественной войны.

Современная советская научная психология, развиваясь на принципиально новой философской основе, бережно хранит передовые материалистические традиции отечественной науки.

Принцип психофизического единства в его диалектико-материалистическом понимании, лежащий в основе советской психологии и руководящий объединёнными усилиями психологии и физиологии в изучении психофизиологических функций и установлении их материального субстрата, глубоко связан со *славной материалистической традицией передовой русской науки* вообще и психологии в частности. В духе укрепления и развития этой традиции, на новой основе ленинского учения об отражении, осуществляются и современные исследования в области психологии познавательных процессов.

Изучение психических процессов в условиях реальной деятельности человека, в связи с его потребностями и жизненной практикой, преодолевает абстрактный функционализм и интеллектуализм, против которых боролись передовые русские психологи прошлого. Вместе с преодолением функционализма рушатся фаталистические лжеучения о личности и её психическом развитии,

спекулировавшие на предрассудках и суевериях в этой области и идейно закабелявшие массы. Установлением в конкретных психологических исследованиях законов формирования сознания в процессе деятельности, роли воспитания и труда в развитии умственной и нравственной природы человека советская психология подняла на ещё большую высоту великую *гуманистическую традицию русской науки*.

Превращение психологии личности в ведущую проблему психологических исследований всё более тесно сближает психологию с жизнью, с реальными потребностями и задачами культурного развития русского народа и братских народов нашей страны. Роль психологии в разрешении актуальных жизненных проблем великой социалистической родины — проблем обороны, воспитания, лечения и т. д. — обуславливается не только её теоретическим ростом, но и её политической, патристической направленностью, её принципиальностью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От Института философии Академии Наук СССР . . . . .</i>	3
<i>Предисловие . . . . .</i>	5
<i>Введение . . . . .</i>	7
<i>Глава первая</i>	
Формирование научной психологии на Западе и в России (сравнительно-хронологический обзор)	18
<i>Глава вторая</i>	
Из истории русских психологических воззрений в XVIII в.	33
<i>Глава третья</i>	
Психологические воззрения П. Любоковского и А. Галича .	64
<i>Глава четвёртая</i>	
Психологические воззрения классиков русского материализма середины XIX в.	80
<i>Глава пятая</i>	
Основание русской научной психологии И. М. Сеченовым	114
<i>Глава шестая</i>	
Экспериментальная разработка психологических проблем в России	126
<i>Глава седьмая</i>	
К. Д. Ушинский и развитие русской педагогической психоло- гии (1824—1870)	143
<i>Глава восьмая</i>	
Из истории русской идеалистической психологии конца XIX — начала XX века	150
<i>Заключение . . . . .</i>	163

Редактор *Б. М. Теплов*

Художник книги *Н. А. Липин*

Подписано в печать 24 февраля 1947 года.   Объем 10¹/₂ п. л.   А02634.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 6812. Цена 2 р. 80 к.

1-я Образцовая типография треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете Министров
СССР. Москва, Валовая, 28.